

НА

Армия
и правосудие

БОЕВОМ ПОСТУ

«Здравствуй,
вся моя
семья»

Что посеем,
то и пожнем

12'98

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

МОСКВА, Трубная площадь

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА

*В День
милиции
боевые
товарищи
поклонились
павшим*

ПОМНИМ...

АРМИЯ и правосудие

*Наш собеседник — заместитель
начальника Управления военных судов
генерал-лейтенант юстиции
Станислав ИЛЬЮШИН*

ИЛЬЮШИН Станислав Иванович родился в 1941 году в Иваново. На военной службе с 1959 года. После окончания в 1971 году военно-юридического факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина занимал должности судьи военного суда гарнизона, округа, инспектора, старшего инспектора, заместителя начальника отдела, начальника отдела Управления военных судов, председателя военного суда округа. С 1989 года — заместитель начальника Управления военных судов. Генерал-лейтенант юстиции, государственный советник юстиции 2-го класса, заслуженный юрист Российской Федерации.

— Товарищ генерал-лейтенант, в декабре нынешнего года военным судам исполняется 80 лет. Я поздравляю вас и ваших коллег с юбилеем и хочу спросить, от какой даты вы ведете свою родословную?

— Первый трибунал армии был образован в июне 1918 года на Восточном фронте. В октябре того же года на Южном фронте создается первый трибунал фронта. А к концу года приступил к работе Реввоентрибунал Республики. 8 декабря 1918 года состоялось одно из его первых распорядительных заседаний. Эта дата вошла в историю как день образования военных судов.

— А как отправлялось правосудие в армии до этого?

— Формирование военных судов и утверждение их как важного звена единой судебной системы проходило вместе с развитием государства. Коренным образом менялись задачи военных

судов, подсудность и процессуальные формы их деятельности. Были в истории попытки вообще ликвидировать военно-судебные органы. Но жизнь эти попытки отвергала, поскольку была очевидная необходимость проведения эффективной борьбы с преступностью в специфической армейской среде.

Впервые военные суды ввел Петр I. В соответствии с его Воинским уставом в 1716 году был учрежден "правильный самостоятельный военный суд" и Военно-уголовный кодекс, которые просуществовали более полутора столетий. Во времена Великой судебной реформы в 1867 году был утвержден Военно-судебный устав, на основании которого создается новая военно-судебная система. Она включала в себя Главный военный суд, военно-окружные и полковые суды, которые упразднили только после Октябрьской революции 1917 года.

— Сейчас многие ведомства стараются отыскать свои корни как можно глубже в отечественной истории. Почему вы не пошли по этому пути?

— Историю военно-судебной системы мы хорошо знаем с петровских времен. А вот становление и развитие сегодняшних военных судов началось в восемнадцатом году. За восемьдесят лет оформилась определенная система отправления правосудия, были созданы традиции. Это наши истинные корни, поэтому мы решили ничего не менять. Хотя это вовсе не означает, что мы когда-нибудь не станем отмечать, скажем, трехсотлетие возникновения российской военно-судебной системы. Это наша история, и ее мы не должны забывать.

— Какова сегодня структура военно-судебной системы, если это не секрет?

— Нет никакого секрета. Сегодня у нас действует 151 военный суд. 13 из них — окружные, остальные — суды гарнизонов и ракетных армий. Пять военных судов функционируют за пределами Российской Федерации — два в Грузии, по одному в Казахстане, Таджикистане и Приднестровье. Достаточно сказать, что военными судами ежегодно рассматривается более двадцати тысяч уголовных дел.

— За восемь десятилетий много воды утекло. Были героические страницы в истории нашего государства, были и такие, о которых и вспомнить не хочется. Скажите, пожалуйста, какими событиями или делами, выражаясь юридическим языком, ваше ведомство может гордиться и сегодня, несмотря на всевозможные катаклизмы в стране?

— Историю военных судов простые граждане знают лишь в общих чертах. Больше им из-

вестно о так называемых “темных страницах”. А ее, тем не менее, не следует ни приукрашивать, ни очернять. Уместно будет сказать, что сами мы только теперь, когда становятся доступными прежде закрытые архивы, можем более полно восстановить истинную историю военных трибуналов.

Особый период в деятельности военных судов приходится на Великую Отечественную войну. Военные судьи сурово карали вражеских лазутчиков, наказывали трусов и паникеров, отстаивали нерушимость командирского приказа, военной присяги, укрепляя тем самым дисциплину и порядок на фронте и в тылу.

С начала шестидесятых годов в стране стала активно проводиться работа по реабилитации репрессированных. Основная нагрузка по пересмотру дел необоснованно осужденных легла на военно-судебные органы. Эта кропотливая работа продолжается и в настоящее время.

А сегодня мы в первую очередь гордимся своими сотрудниками. Это грамотные, высококвалифицированные судьи, которые добросовестно выполняют свой долг. Они активно участвуют в профилактике правонарушений, разъясняют законы военнослужащим, оказывают им юридическую помощь.

Такое отношение людей к своей работе испытано временем и сегодня стало нашей хорошей традицией.

— Станислав Иванович, сколько бы мы ни говорили о том, что судьи подчиняются только закону, суд, как одна из ветвей государственной власти, защищает существующий в стране политический режим. Иначе не было бы политических репрессий в 30-е, 50-е годы. Скажите, пожалуйста, не существует ли

сегодня опасность повторения подобного?

— Ради объективности следует отметить, что главную роль в репрессиях 30-х, 50-х годов играли не военные трибуналы, а внесудебные органы: двойки, тройки, особые совещания. Многие военные судьи даже ценой собственной жизни противостояли произволу и беззаконию, творимым следственными органами НКВД. Поэтому не случайно большинство председателей военных трибуналов округов, гарнизонов и армий были в те годы репрессированы. Подобная участь постигла и многих рядовых военных судей.

А чтобы этого не повторилось впредь, в стране и проводятся демократические преобразования.

— Не так давно военные трибуналы переименованы в военные суды. Что это — смена вывески или их коренное преобразование?

— Говорить о коренном преобразовании военной судебной системы я бы не стал, поскольку и военные трибуналы успешно справлялись со своими задачами, главная из которых — качественное отправление правосудия. Но нельзя сказать, что переименование военных трибуналов в военные суды явилось простой сменой вывески.

Провозглашение Россией суверенитета и вступление ее в мировое сообщество в качестве самостоятельного государства обязывает проводить преобразования не только в области экономики и политики, но и в сфере права. Судебная власть должна стать третьей самостоятельной властью. Для этого необходимо укрепить независимость судов, превратить их из “орудия борьбы” в эффективное средство защиты прав и интересов граждан. В этих целях принят комплекс нормативных актов, регламентирующих судеб-

ную деятельность. Все они в полной мере относятся и к военным судам, которые входят в общую судебную систему. Нынешние военные суды не какие-то закрытые "спецсуды", а обычные органы правосудия, действующие в Вооруженных силах России на основе единого российского законодательства. Негативное отношение некоторой части наших граждан к военной юстиции, в том числе и к военным судам, объясняется элементарным незнанием их истинного предназначения и решаемых ими задач.

— При наличии военных судов военнослужащие по гражданским искам обращаются в суды общей юрисдикции. По какой причине военным судам не доверили рассмотрение подобных дел?

— Военнослужащие, как и все граждане нашей страны, имеют право обратиться в любой суд по подсудности за защитой своих прав и законных интересов. Военные суды рассматривают только те дела, которые отнесены к их компетенции "Положением о военных трибуналах". Говорить о том, что военным судам не доверяют рассматривать некоторые категории дел, нельзя. В отдаленных гарнизонах, местностях, где не действуют суды общей юрисдикции, военные суды рассматривают все дела. И с каждым годом они расширяют свою подсудность. Сегодня, к примеру, они уже рассматривают жалобы военнослужащих на неправомерные действия органов военного управления и воинских должностных лиц. Еще больше полномочий военным судам предусматривает проект закона "О военных судах", который уже принят Государственной Думой и находится на обсуждении в Совете Федерации.

— Какова статистика деятельности военных судов за

последние семь лет? Прибавляется ли у вас работы, или все же количество дел идет на убыль?

— К нашему большому сожалению, несмотря на сокращение армии, флота, других войск, преступность среди военнослужащих продолжает расти. В первую очередь, это связано со сложной экономической обстановкой в стране. Однако вызывает тревогу то обстоятельство, что растет число судимостей среди начальствующего состава войск. То есть на скамью подсудимых попадают те лица, которые должны пресекать преступные действия подчиненных. Это негативно сказывается на всей системе профилактики правонарушений.

— Товарищ генерал-лейтенант, о коррупции в военной среде СМИ трубят уже давно. Как вы объясните тот факт, что порой журналистские расследования разительно отличаются от официальных? Журналисты пишут: воровал, продавал, а в постановлении суда — злоупотреблял служебным положением. Прибавляет ли это авторитет военным судам?

— При вынесении судебных решений военные суды, как и суды общей юрисдикции, руководствуются законом: Уголовным кодексом Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом, Гражданским кодексом, Гражданско-процессуальным кодексом и другими. А выводы журналистов при проведении ими расследований носят чисто обывательский характер. Этим может объясняться и стремление таким образом повлиять на решение суда или ход следствия. Попытки поставить под сомнение результаты расследования или судебное решение могут преследовать и другие цели. Однако свое несогласие с решением суда заинтересованные лица имеют право вы-

сказать и законным путем, подав заявление в кассационную инстанцию.

— Что вы делаете в этой связи для того, чтобы улучшить взаимопонимание со средствами массовой информации?

— В засекреченности работы военных судов повинны, в первую очередь, массовые репрессии 30-х — 50-х годов. Чрезвычайные репрессивные органы, как правило, во все времена работали под завесой секретности. Хотя в первые послеоктябрьские годы уровень гласности в работе многих военных трибуналов был высоким даже по нынешним меркам. В штаты ряда трибуналов входили профессиональные журналисты, освещавшие ход рассмотрения судебных дел. При этом большинство дел слушалось публично, тексты приговоров нередко публиковались большими тиражами, в газетах присутствовали постоянные рубрики "В военно-революционном трибунале".

Сегодня нам необходимо возвращаться к этому. И что действительно поднимет авторитет военных судов, так это гласность, широкое освещение в СМИ практики их работы.

— Надеюсь, Станислав Иванович, что ваше сегодняшнее интервью послужит улучшению взаимопонимания между общественностью и военными судами.

— Мы этому будем только рады.

— Большое спасибо за беседу. Еще раз поздравляю с праздником. Успехов вам и вашим коллегам.

— Благодарю за поздравление. Удачи вам и читателям журнала "На боевом посту".

**Беседу вел
подполковник
Иван МУЧАК**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

№ 12 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

С. ИЛЬЮШИН
Армия и правосудие 1

Нынешние военные суды не какие-то закрытые "спецсуды", а обычные органы правосудия, действующие в Вооруженных силах России на основе единого российского законодательства.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

С неуставщиной должен бороться каждый. 6
Статья заместителя начальника управления по работе с личным составом ГК ВВ МВД России генерал-майора П. Лысикова "Другого не дано, или Как изжить неуставщину", его размышления о формах и методах воспитательной работы по искоренению неуставных взаимоотношений во внутренних войсках вызвала широкий резонанс среди читателей.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

В. НИКОЛЬСКИЙ
"Здравствуй, вся моя семья" 8

Самое дорогое, что осталось у матери от сына, Петра Иванова, — его письма. Наталья Николаевна сохранила каждый написанный сыном листочек. Узнав, что готовится Книга памяти, она прислала их в редакцию.

Н. КАМШЕКИН
Это роковое число 10

СЛУЖБА

Н. РОСТОВСКИЙ
Служба по контракту: плюсы и минусы . 12

Контрактники приходят в воинские коллективы не на год-два. Ратную науку постигают основательно и очень быстро становятся высококлассными специалистами. Однако сегодня материальные проблемы, порожденные недостаточным финансированием войск, принизили престиж контрактной службы.

Н. ГЕОРГИЕВ, Н. ВЛАДИМИРОВ
В интересах защиты Отечества. 16

Военной контрразведке России — 80 лет

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

И. КАЧУМ

Военным хотят помочь многие 22

А. ПЕТРОВ

Что посеем, то и пожнем 26

Тема проведенного редакцией заочного "круглого стола" — военно-патриотическое воспитание молодежи.

Ю. КИРИЛЛОВ

Необандеровцы воюют с памятниками 30

РЕТРОСПЕКТИВА

В. СЫСОВ

Мушавер шурави (из афганского дневника, окончание) 32

"Смотрю всякий раз скупые репортажи из Афганистана, и сердце обливается кровью: идет двадцатый год войны, афганцы убивают афганцев".

Ю. ДУРНЕВ

Тайна гибели конвойного "Титаника" 37

Н. СЫСОВ, С. ПЕТРАКОВ

Орден "пропавшему без вести" 40

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Р. БАЛАКШИН

Венчание (повесть) 43

"Я любила тебя всю жизнь и не ошиблась в своей любви. И с этой радостью я умираю. Ты приехал, ты бросил все. Ты принес мне величайшее счастье и покой".

М. НИКОЛАЕВ

Однажды и всегда (стихи) 69

КАЛЕЙДОСКОП

Г. ШАХОВ

Особенности национального актера 71

Алексей Булдаков: "История нашего кино богатейшая. Русский кинематограф — величайший в мире. Однако сейчас нужно пересмотреть и его организационную сторону, и финансовую".

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ДОМОЖИРОВ В.К.
(зам. главного редактора)
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
СЫСОВ Н.Г.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

ГЕРАЩЕНКО В.П.
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов
"Войсковой вестник"

За достоверность информации,
точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал

"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 20.10.98 г.

Подписано к печати 2.12.98 г.

Формат бумаги 84x108 1/16.

Тираж 2600

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 2211

Индекс

для индивидуальных подписчиков —

70610

для предприятий и организаций —

73175

Ордена "Знак Почета"
типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

С НЕУСТАВЩИНОЙ ДОЛЖЕН БОРОТЬСЯ КАЖДЫЙ

Так считают многие военнослужащие, приславшие в редакцию свои отклики на статью генерал-майора П.Лысикова "Другого не дано, или Как изжить неуставщину"

Статья заместителя начальника Управления по работе с личным составом ГК ВВ МВД России генерал-майора П.Лысикова была опубликована на страницах журнала в октябре прошлого года. Его размышления о формах и методах воспитательной работы по искоренению неуставных взаимоотношений во внутренних войсках вызвали широкий резонанс среди читателей.

В редакцию пришли десятки писем из воинских коллективов, от командиров и офицеров-воспитателей, преподавателей и курсантов военных вузов, сержантов и солдат, родителей военнослужащих. Во многом соглашаясь с автором статьи, разделяя его тревогу за состояние воинской дисциплины в частях и подразделениях, они продолжили начатый генерал-майором П.Лысыковым разговор о путях и способах искоренения казарменного хулиганства, высказали собственную точку зрения на решение проблемы неуставных взаимоотношений, поделились положительным опытом работы по наведению в подразделениях твердого уставного порядка.

Мнений, как изжить уродливые

формы общения военнослужащих друг с другом, высказано немало. Остановимся на наиболее интересных письмах читателей.

Большинство из них уверены в том, что проблема неуставных взаимоотношений давно перестала быть сугубо ведомственной, бедой одной только армии и внутренних войск. Это проблема государственного масштаба.

Полковник Ж. Сенокосов считает, что в разных формах неуставщина существует практически во многих социальных слоях общества и в ее основе лежат "негуманные отношения между людьми, основанные на попрании общественных норм права и нравственности". И предлагает как один из способов решения проблемы "отказаться от изживших себя и безнадежно устаревших принципов и методов воспитания, поставив во главу угла воспитательной работы формирование правового сознания, психологию военного человека и его адаптацию в условиях конкретной части и подразделения".

Старшекурсники Саратовского Краснознаменного военного института внутренних войск счита-

ют, что в основе неуставных взаимоотношений лежат острейшие социальные проблемы: безработица и нищета, многомесячные задержки с выплатой заработной платы и, как следствие, падение жизненного уровня большинства российских граждан, их правовая незащищенность.

"Именно они породили во все-российском масштабе криминальный беспредел и вседозволенность, способствовали процветанию среди молодежи диких уличных нравов, пьянства и наркомании, — пишут в своем письме будущие офицеры.— Эти "университеты" прошли многие из тех, кто сегодня несет ратную службу. А так как армия — сколок общества, то колючие сорняки быстро пустили корни в воинских коллективах".

"Государство в первую очередь должно быть заинтересовано в том, чтобы армия и внутренние войска жили по уставу и молодые ребята шли служить с охотой. Все призывы повысить престиж службы останутся пустым звуком до тех пор, пока солдат не проникнется уверенностью: его права и личное достоинство будут надежно защище-

ны, — считают воины-новосибирцы **рядовые Алексей Гузев и Никита Попов.** — Но как этого добиться, если войска едва сводят концы с концами. Не хватает денег на самое необходимое — питание, помывку в бане, оплату коммунальных услуг. Многие офицеры и прапорщики не имеют собственного жилья, зарплату получают с задержками... Как после этого бороться с “отрицаловкой”, решать массу других проблем?”

“Бытовая неустроенность, пустые кошельки заставляют офицеров в поисках хлеба насущного заниматься делами, не имеющими ничего общего с военной службой. Брошенные на произвол судьбы, поглощенные решением проблем собственного выживания, они жертвуют во имя этого благополучием вверенных им подразделений”, — с горечью констатирует **полковник Василий Шелюк.**

Подобные мысли высказывают многие офицеры, приславшие в редакцию свои письма. Что и говорить, безразличие государства в отношении служивых людей, сознательно избравших профессию защитника своей Отчизны, заметно поубавил у них стремления и желания работать с душой и полной отдачей, принимать действенные меры к нарушителям уставного порядка.

А как известно, где тонко, там и рвется. Большая часть всех негативных явлений, рукоприкладство и издевательства над сослуживцами, особенно в звене взвод-рота — результат неправильной, нерациональной и неумелой организации воспитательной работы, беспечного и халатного отношения к выполнению обязанностей самих офицеров. Изжить этот недостаток можно только кропотливой повседневной работой командиров по созданию в воинских коллективах здоровой нравст-

венной атмосферы. Слава Богу, в войсках еще служит немало офицеров, способных эффективно бороться с казарменным злом. Подтверждением этому служат письма **подполковников Михаила Кибакина, Бориса Федотова, Геннадия Марченко, майора Александра Евсеева.**

“Там, где командиры выдвигают проблему изжития неуставных взаимоотношений на первый план, заставляя каждого офицера, независимо от должности и звания, вносить в ее решение посильную лепту, создаются нормальные условия для жизни и службы, — считает **подполковник Марченко.** — И неважно, кто пришел в казарму: представитель управления полка, командир батальона, ротный или взводный, — каждый из них должен в масштабах своих должностных обязанностей досконально разобраться в проблемах подразделения, строго призвать к порядку зарвавшегося хама в солдатских погонах, создать обстановку нетерпимости к тем, кто попирает здоровые устои воинского коллектива”.

Оптимистично настроен и **майор Александр Евсеев,** утверждая, что инициатива и целеустремленность в работе, постоянный поиск офицерами подразделений новых форм и методов воздействия на подчиненных помогут решить любую проблему, какой бы трудной она ни была.

“Большую помощь командирам в борьбе с “теневым уставом”, заложенными в нем дурными традициями и ритуалами должны оказать сами солдаты”, — считает **кандидат социологических наук подполковник Михаил Кибакин.**

Его советы, как следует себя вести военнослужащим, чтобы не стать жертвами произвола хулиганов в казарме, опубликованные в апрельском номере

журнала, должны помочь многим молодым воинам оградить себя от нападков “дедов”, сохранить свое человеческое достоинство.

В многочисленной редакционной почте немало коллективных писем.

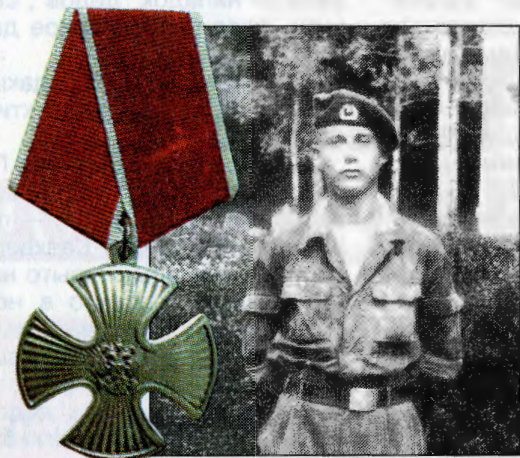
“Статью генерал-майора П.Лысикова мы обсудили на общем собрании нашей роты, — пишут воины из Северо-Кавказского округа. — На нем открыто назвали фамилии тех, кто в ночное время любит устраивать разборки с молодыми сослуживцами, попросили командира строго наказать зарвавшихся “дедов”. В общем, собрание прошло бурно. Рассмотрели на нем и другие острые вопросы нашей повседневной жизни. После отбоя обиженные старослужащие решили покарать “стукачей”. Да не тут-то было. Получили от молодых такой отпор, что самим пришлось спасаться бегством. Терпеть беспредел больше не намерены и призываем всех воинов последовать нашему примеру”.

К сожалению, невозможно процитировать все полученные письма. Их слишком много. И в каждом письме — своя точка зрения на решение проблемы неуставщины. Но в массе мнений, порой спорных и противоречивых, четко прослеживается одна главная мысль: с пресловутой дедовщиной должен бороться каждый военнослужащий. Неуставщине нет и не может быть места в войсках.

Готового рецепта, дающего стопроцентную гарантию излечения войскового недуга, пока не существует. Но редакция журнала надеется, что обсуждение статьи генерал-майора П.Лысикова помогло офицерам достаточно точно определить пути решения одной из самых больных проблем укрепления воинской дисциплины.

ОТДЕЛ ВОЙСКОВОЙ ЖИЗНИ

По страницам Книги памяти

«Здравствуй, вся моя семья»

С этих слов начинал каждое свое письмо к родным боец разведроты нальчикской БРОН рядовой Петр Иванов.

В село Ново-Маныч, что раскинулось в сальских степях Ростовской области, солдатские весточки с солнечного Кавказа приходили часто. В суете ратных будней Петр всегда находил время написать письмо маме Наталье Николаевне, передать привет брату Славе и любимой сестренке Людочке. Каждая написанная им строчка наполнена любовью и нежностью к дорогим и близким ему людям.

К сожалению, армейские будни в жизни Петра были недолгими. Прослужив всего полгода, рядовой Петр Иванов погиб в бою с чеченскими сепаратистами в конце декабря 1995 года. Похоронили его на кладбище родного села. Не довелось парню сдержать данное землякам обещание — вернуться домой живым. Пуля чеченского боевика оборвала жизнь на самом взлете ...

Самое дорогое, что осталось у матери от сына, — его письма. Наталья Николаевна сохранила каждый написанный сыном листочек. Узнав, что к изданию готовится Книга памяти, она прислала их в редакцию.

— Если можно, опубликуйте некоторые из них. Пускай Петр сам расскажет о себе и своей службе.

* * *

1.07.95г.

Здравствуй, вся моя семья: мама, Слава и Людочка. Служить попал во внутренние войска. В часть нас привезли 30 июня, а из Батайска со сборного пункта уехали 29-го в пять часов вечера. Добирались очень весело. Утром были в Пятигорске, а в шесть часов поехали в Нальчик. Встретили и разместили нас хорошо. Наш городок стоит в горах. Так что служба у меня началась неплохо. Где-то через месяц будем принимать присягу, а пока проходим КМБ, бегаем, прыгаем, сдаем разные физические упражнения. В общем, все нормально.

8.07.95г.

С командирами мне повезло. Строгие, но нормальные. Взвод, куда меня определили, очень дружный. Ребята со мной служат хорошие, очень много земляков из Ростова и области. Учеба подходит к концу, лучшим предлагают учиться на сержантов. Если предложат и мне, обязательно поеду. "Учебка" находится в Шахтах, за Ростовом. Может, удастся увидеться с вами, а то я очень скучаю по вас и Наташе.

19.07.95г.

Наконец-то получил от вас письмо. На душе стало так хорошо и спокойно, как будто дома побывал. А

вчера получил письмо от своей любимой Наташки. Я сейчас самый счастливый человек на свете.

Служба у меня идет прекрасно. "Учебка" закончилась, я принял присягу, меня распределили в разведроту. Я очень горжусь этим назначением. Дни летят быстро: лазим по горам, стреляем из автоматов, снайперской винтовки. Взводный сказал, что мы должны уметь стрелять из любого вида оружия, даже из минометов. И все потому, что в разведке служба особая. Трудимся как пчелки, наверное, поэтому аппетит у всех отменный. Едим много, кормят нас хорошо. Словом, не беспокойтесь, я жив и здоров. Целую вас всех.

2.08.95г.

Это письмо пишу вам ночью. Я дневальный по роте, стою на тумбочке, охраняю оружие и сон своих товарищей. У меня все нормально, жив и здоров. Сегодня были в бане, она напомнила мне нашу деревенскую. Даже не верится, что пошел уже второй месяц моей службы. За это время у меня появилось очень много новых друзей-братишек. Так разведчики называют друг друга. Знаешь, мама, вместо пилоток мы носим береты. Пока они обычного цвета, а осенью будем сдавать на зеленый берет. Для разведчика он все равно что краповый для спецназовца. Но чтобы его получить, нам всем придется

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

очень сильно попотеть. Разведчик должен уметь делать все. Такая у него профессия!

Писать заканчиваю. Скоро подъем. Передавайте всем большой привет. И в первую очередь Наташе и сестренке Людочке.

13.08.95г.

Выдалась свободная минута, и решил написать вам очередное солдатское письмо. Большое спасибо за деньги и посылочку. Конфеты были очень вкусными. Разделили их по-братски на весь взвод и съели. Так что спасибо тебе, мама, от всего нашего взвода.

Служба идет своим чередом. Отношения с ребятами отличные. Пацаны меня уважают, и я их тоже. Готовимся к итоговой проверке. Для меня она будет первой. Конечно же, волнуясь, но думаю, что все будет нормально, старослужащие ребята очень помогают.

17.08.95г.

Сегодня наша рота участвовала в учениях. Было очень интересно. Кроме автомата и снаряжения у меня была рация. Ведя поиск, прошли несколько километров. Я не только обеспечивал связь, но и вел радиоразведку. Слушал эфир и докладывал обо всем командиру. Все было классно. Сейчас учу азбуку Морзе. Думаю, в будущем это пригодится. Проверку сдам уверенно, можете не переживать. Ты же меня, мама, знаешь, если поставил перед собой цель, умру, но ее достигну.

11.09.95г.

Самая главная новость → нашу бригаду выводят из Чечни на отдых на три месяца. С декабря прошлого года она была там несколько раз. Но в военном городке не становится многолюдно, потому что многих ребят увольняют в запас, они свое отслужили и отвоевали честно. Теперь очередь за нами. Но офицеры говорят, что нас куда-то не пошлют, потому что мы еще неопытные. А жаль!

Я по-прежнему служу в роте разведки. Целыми днями занимаемся боевой учебой: стреляем из автоматов, отрабатываем приемы рукопашного боя, устраиваем засады, полза-

ем по горам, учимся водить БТРы. Командир окончательно определил мою специальность. Я буду радистом. Прапорщик, который занимается со мной, мужик очень хороший и говорит, что из меня будет толк. Если сможете, то приезжайте, увидите меня в деле, я уже многое могу. Очень хочется повидаться со всеми вами, мои дорогие...

28.10.95г.

24 октября мы праздновали день части. Бригаде исполнилось три года. Нашей роте подарили цветной телевизор и видик. Теперь в свободное время смотрим фильмы. А еще у нас появился новый "разведчик". Мы завели в роте котенка. Он такой озорной и любит играть. Ребята называли его Шамиль. Кормим его остатками пищи из нашей столовой. Когда я с ним играю, то вспоминаю нашу Людочку. Она ведь очень любит со всякой живностью возиться. Как-то я рассказал об этом своим друзьям, а они засмеялись и сказали, что все девчонки любят кошек.

Я тебе, мама, уже писал о товарищах. Так вот у меня теперь есть два самых близких друга. Я с ними никогда не расстаюсь.

Одного из них зовут Сергей, он из города Чебоксары. Вместе с ним мы занимаемся боксом в спортзале. А второй пацан из Твери, зовут его Леха. Вместе мы сила, поэтому и проверку сдали успешно.

29.11.95г.

У нас уже настоящая осень. Днем тепло, а ночью мороз. Я прослужил пять месяцев и даже не заметил этого. Время летит очень быстро. Служу я хорошо, как и обещал на проводах. Жив, здоров, не болею, очень скучаю по вас. Недавно Наташа прислала мне письмо и фотографию. Пишу вам письмо, а сам смотрю на Наташку. Какая же она красивая! Если бы ты знала, мама, как хочется повидаться с ней...

У нас в роте все без изменений. Учебка длится с утра до вечера. И все потому, что первого декабря бригаду снова бросают в Чечню. За меня можете не переживать, ротный сказал, что поедут те пацаны, кто отслужил

год. А мне так хочется быть вместе с нашими парнями...

Это письмо, которое Петр отправил маме тридцатого ноября, стало последним. В конце декабря почтальон принес в дом телеграмму из Нальчика: "Прошу Вас прибыть в Ростов, окружной военный госпиталь, для опознания тела Вашего сына Иванова Петра Владимировича", — извещал Наталью Николаевну командир части.

В Ростове она узнала, что рядовой Петр Иванов был в числе тех, кто холодным декабрьским днем спешил на выручку своим боевым друзьям, заблокированным боевиками в Гудермесе. Но колонна бронетехники попала в засаду, и завязавший бой оказался для Петра и еще нескольких военнослужащих из нальчикской БРОН последним...

"Здравствуйте, дорогие т.Наташа, Славик и Людочка! Пишет вам Леха, друг Петрухи. Простите, что не убергли его. Пока Петр был с нами, все было отлично. Мы жили шумно, весело. Но вот когда его не стало, ситуация резко изменилась. В казарме теперь целый день стоит тишина, а в душе каждого из нас поселилась тревога за свою судьбу. Любой пацан нашей роты понимает, что его тоже может постигнуть участь Петрухи.

Тетя Наташа, ваше горе безмерно, каждый боец нашей разведроты разделяет его вместе с вами. Но у вас есть еще Славик и Людочка. Вы должны жить ради них, воспитать их такими же честными и порядочными, каким был ваш Петр. Да поможет вам Бог! Этого вам желает весь коллектив нашей роты. Мы всегда будем помнить Петра..." — заверил Наталью Николаевну в своем письме рядовой Алексей Крацов, сослуживец и самый близкий друг ее сына.

Страна тоже не забыла своего от важного воина. Рядовой Петр Иванов посмертно награжден орденом Мужества.

**Владимир
НИКОЛЬСКИЙ**

По страницам Книги памяти

ЭТО РОКОВОЕ ЧИСЛО

Повестку из военкомата Алексей Конарев получил **13 июня** 1995 года. Спустя **тринадцать месяцев**, он стал **тринадцатым волгодончанином**, погибшим в Чечне. Надежда Ивановна Конарева никогда не была суеверной, но после гибели сына **число "13"** навсегда стало для нее роковым...

В детстве Алеша очень любил булочки. Румяные и сладкие, с маком или изюмом, испеченные мамой. Невысокого роста, кругленький и толстощекий, он всегда таскал их за пазухой и не обижался, когда за пристрастие к сдобе друзья называли его Булочкой.

— А он вообще никогда ни на кого не обижался. Рос удивительно добродушным и спокойным домашним мальчиком, — говорит Надежда Ивановна Конарева, — любил нянчиться со своей младшей сестренкой Юляшей, часами не выходил из гаража, ремонтируя чьи-то мопеды и мотоциклы.

Был для меня любимым сыночком, отрадой и утешением.

В семье Конаревых Алеша был первенцем. Его появления ждали с нетерпением и, когда он родился, с первых дней окружили малыша любовью и лаской.

Первые месяцы Алеша признавал и слушался только маму. Рос таким дичком-крикуном, замолкающим только при виде

Надежды Ивановны. Стоило ей отлучиться в магазин или на кухню за питанием, как комната сразу же наполнялась детским криком. И бесполезными были попытки домашних успокоить карапуза красивыми игрушками и хитроумными жестикуляциями: Алексей плакал долго и упорно, пока не появлялась мама.

Когда мальчику исполнилось полтора года, Надежда Ивановна пошла работать в детский садик. В одну из ясельных групп определили и Алешу. Свой характер малыш показал в первый же день. Ну никак он не мог смириться с тем, что целый день должен обходиться без мамы.

Не могли уломать его нянечки ни пряниками, ни книжками с красивыми рисунками, на руки Алексей не шел, угощения не брал, только плакал, размазывая кулачками по лицу слезы.

В общем, к своему новому положению мальчик привыкал долго и трудно. А когда все-таки обжился в садике, стал с удовольствием участвовать во всех увлекательных детских играх.

Алеше исполнилось шесть лет, когда в доме появилась сестренка Юляша. К малютке мальчик привязался очень быстро и всегда охотно выполнял роль няни, если мама отлучалась куда-нибудь. Любил сестренку всем сердцем. Если мама пекла пирожки или булочки, самую большую он всегда отдавал Юляше: "Она же маленькая, ей расти нужно".

Себя Алеша уже считал взрослым, мечтал стать летчиком и авторитетно заявлял взрослым: "Буду летать на вертолете и прыгать с парашютом".

Любимыми игрушками для него стали самолеты и змеи, которые он мастерил вместе с отцом и любил запускать в деревне, куда его и сестренку отвозили на лето к бабушке с бабушкой. Старики во внуке и внучке души не чаяли, щедро одаривали их гостинцами и игрушками. В отличие от сестренки, которая легко расставалась с вещами, Алеша бережно и трепетно хранил каждую. Это была не скупость, а аккуратность, которая с

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

возрастом стала одной из главных черт Алешиного характера.

В семь лет Алексей надел школьную форму. Учился средне, звезд с неба не хватал, но неприятностей его учеба родителям не доставляла. Плотнo сбитый и круглолицый, похожий на колобка крепыш, к пятнадцати годам превратился в красивого рослого парня, душу и заводилу любой компании.

— Учась в школе, Алеша закончил курсы киномехаников, — вспоминает Надежда Ивановна, — а после окончания восьми классов поступил в городское профтехучилище. Товарищи избрали его старостой группы, и все три года учебы он старательно выполнял свои общественные обязанности. В училище увлекся тяжелой атлетикой, готовил себя к армейской службе, потому что по-прежнему мечтал о небе.

Правда, в отличие от детских лет, уже не мастерил самолетики и змеев, а все свободное время проводил в гараже. Страсть к технике у Алеши появилась после того, как однажды родной дядя дал ему покататься на своем мотоцикле. Железный конь навсегда пленил сердце юноши. Алеша заболел техникой и днями пропадал в гараже, колдуя возле подаренной ему "Явы". Он стал охотно посещать занятия в секции мотогонщиков, участвовать в соревнованиях. Может, и стал бы Алеша Конарев знаменитым чемпионом, как предсказывали его тренеры, да судьба распорядилась иначе. 13 июня 1995 года он получил повестку из военкомата, и вскоре друзья и родные торжественно проводили его на военную службу.

К сожалению, мечта детства не осуществилась, служить Алеша попал не в авиацию, а в са-

мые что ни на есть земные войска. Стал пулеметчиком боевой машины пехоты в одной из оперативных частей Северо-Кавказского округа внутренних войск. Письма с солдатским треугольником в Волгодонск, в домик на улице Железнодорожной приходили часто. В каждом из них Алеша признавался в любви маме и сестренке Юле.

"Дорогие мои мамуля, Юляша — так называл он их в письмах из армии. — Обо мне не беспокойтесь, служу как надо. Старайтесь все делать сам. Рядом всегда верные друзья, если что — помогут".

"Ребята шутливо называют меня хохлом. Знают, что у меня всегда можно разжиться иголкой и ниткой, свежим подворотничком", — написал он Надежде Ивановне в одном из своих писем.

Нет, прижимистым Алексей никогда не был, просто привык быть аккуратным и запасливым. Его хозяйскую хватку сослуживцы очень скоро заметили, охотно обращались к нему, потому что знали: в трудную минуту Алексей готов поделиться последним. За его отзывчивость прониклись к нему еще большим уважением.

"Если бы вы знали, дорогие мои мамуля и Юляша, какие замечательные ребята служат рядом со мной! Но как бы хорошо мне ни было, я очень скучаю по вас. Мне так хочется побывать дома, сесть за руль моей "Явы", — писал он своим домашним, — и как прежде прокатиться с ветерком".

Алеша очень любил свою семью и близких. Он обожал дарить цветы и конфеты, наборы косметики маме и Юляше. Очень скучал по ним, и когда однажды ему посчастливилось побывать дома, весь день провел с сестрой и мамой. Перед отъез-

дом в часть Алеша заполнил и оставил маме бланк увольнительной записки — свидетельство своего короткого пребывания в родном доме.

— Зачем? — удивилась Надежда Ивановна.

— Просто так. На память, — ответил Алеша.

Его слова оказались пророческими. Спустя несколько месяцев рядовой Алексей Конарев погиб, закрыв собой товарищей от осколков разорвавшейся рядовой мины. А Лешина увольнительная записка стала для Надежды Ивановны и Юляши святой реликвией, оставленной на вечное хранение любимым сыном и братом.

Хоронили Алексея жарким летним днем. У ворот дома каждого, кто пришел проститься с отважным парнем, встречал черный пес Дик. Алеша принес его в дом крошечным щенком, пообещав маме вырастить из него настоящую немецкую овчарку. Пес оказался обыкновенной дворняжкой — доброй и очень верной. Поэтому по-прежнему ждет хозяина.

* * *

Провожая Алешу на службу, Надежда Ивановна попросила его писать домой как можно чаще:

— Я буду очень ждать твои письма, мой маленький.

— Ну, какой же я маленький, мама? — возразил Алеша.

А она, вытирая выступившие на глазах слезы, сказала:

— Даже если ты станешь совсем взрослым, для меня, сынок, ты всегда будешь маленьким...

В людской памяти Алексей Конарев навсегда остался девятнадцатилетним.

**Подготовил к печати
подполковник
Николай КАМШЕКИН**

СЛУЖБА ПО КОНТРАКТУ:

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Граждане проходят военную службу по призыву, а также в добровольном порядке (по контракту)

Ст.2, п.2 Федерального закона Российской Федерации "О воинской обязанности и военной службе"

Батальон, которым командует подполковник Сергей Зотов, был одним из первых в части, в составе которого несколько лет назад появились подразделения, укомплектованные исключительно добровольцами-контрактниками.

— На сегодня таких рот, где служат только военнослужащие по контракту, три, — говорит заместитель командира по работе с личным составом майор Сергей Лашкевич. — Люди, изъявившие желание служить в войсках на добровольной основе, живут в благоустроенной казарме, построенной на средства, которые выделил Президент России Б.Н. Ельцин, и освященной Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. С помощью командования части и

офицеров батальона военнослужащим созданы все условия для жизни, службы и полноценного отдыха.

Гибкий график службы позволяет им использовать свободное время по своему усмотрению. К исполнению служебных обязанностей добровольцы-контрактники относятся добросовестно. По результатам служебно-боевой деятельности и состоянию воинской дисциплины личный состав этих подразделений существенно опережа-

ет подразделения, где служат сержанты и солдаты по призыву.

Однако с недавних пор хорошо зарекомендовавший себя процесс перехода на новую форму комплектования подразделений стал давать сбои.

Проблемы контрактной службы, ее плюсы и минусы стали основной темой беседы с военнослужащими батальона.

Рассказ майора Сергея Лашкевича о службе воинов-контрактников продолжили капитаны Владислав Шудров, Эдуард Теняков, сержант Алексей Кораблин, ефрейтор Александр Волохов. Сказанные ими слова с разных сторон освещают большую для них тему.

Первым свою точку зрения высказал **командир роты капитан Владислав Шудров:**

— Возглавить роту, на сто процентов укомплектованную добровольцами-контрактниками, я согласился не сразу. Чего греха таить, грыз душу червячок сомнения. Одно дело командовать пацанами, призванными на два года. Сам Бог велел учить их уму-разуму и наставлять на путь истинный. А тут солидные мужики, сверстники, вкусившие все прелести свободной жизни. А вдруг не справлюсь, не сумею найти с подчиненными общего языка? Наломая таких дров, что не только себе карьеру испорчу, людям жизнь искалечу. В общем, боязно было менять привычную, годами проверенную систему работы командира обычной солдатской роты. Но согласился, принял подразделение контрактников на свой страх и риск. И нисколько об этом не жалею. К новой должности адаптировался очень бы-

стро. В принципе работа мало чем отличалась от прежней. Привычные и хорошо знакомые обязанности, такой же строгий спрос за свои упущения и недоработки, а еще больше за проступки подчиненных. И все-таки работалось легче, чем в "пацаньей" роте. Было одно существенное отличие, которое сразу бросилось в глаза, — это совершенно другое отношение подчиненных к исполнению

своих служебных обязанностей. Если для молодых парней служба в войсках — малозначимый факт их биографии, то для добровольца-контрактника она стала делом жизни, профессией, позволяющей ему чувствовать себя более или менее защищенным от социальных проблем. В наше сегодняшнее непростое время факт довольно значимый. Наверное, поэтому отношение подчиненных к не-

Уют в казарме больше, чем уют...

сению боевой службы с первых дней было добросовестным. Не удивительно, что ее качество заметно выросло. В этом — главная положительная черта службы по контракту, первый, но уверенный шаг к созданию профессиональной армии. Убежден — дело это нужное и перспективное и ему принадлежит будущее.

Судите сами. Солдаты и сержанты срочной службы хорошими и умелыми специалистами становятся, как правило, на втором году службы. Первый год у них уходит на адаптацию и обучение. Такова уж специфика службы в войсках правопорядка. Сколько душевных сил и материальных средств затрачивается в процессе обучения солдата секретам ратного мастерства, известно, пожалуй, только командирам. Да еще их женам, которые сутками не видят мужей, пропадающих на полигонах и учениях. И когда цель наконец достигнута, плодами своего напряженного труда командир той же роты пользуется максимум пять-шесть месяцев, потому как срок службы у солдата заканчивается, и командиру вновь приходится готовить достойную смену ушедшим.

Контрактники приходят в воинские коллективы не на год-два. Ратную науку постигают основательно и очень быстро становятся высококлассными специалистами. Сам я убеждался в этом неоднократно: выезжая на боевые стрельбы, проводя занятия по тактике внутренних войск, тактической подготовке. А посмотрите, как они несут службу на объектах. Бдительно, четко, ни на шаг не отступая от требований устава. Если бы родная держава не сэкономила на своих защитни-

ках, была для них заботливой мамой, а не злой мачехой, выделяла столь необходимые средства для создания, как у нас в батальоне, надлежащих условий для службы и жизни контрактников, уверен, сотни умело подготовленных специалистов оставались бы в коллективах на долгие годы. И тогда проблема дефицита мастеров службы, которая сегодня стала настоящим бичом для многих подразделений, отпала бы сама собой.

Наш батальон, наверное, единственный в войсках, где до недавнего времени военнослужащие по контракту не имели проблем с жильем, выдачей обмундирования, денежного довольствия. Сегодня материальные проблемы, порожденные недостаточным финансированием войск, больно ударили и по нам. И если престиж контрактной службы раньше был очень высоким, то теперь картина несколько иная.

Кратко, но эмоционально о социальной незащищенности воинов-контрактников высказался **офицер группы по работе с личным составом бригады капитан Эдуард Теняков:**

— Анализируя состояние воспитательной работы в батальоне подполковника Сергея Зотова, обратил внимание на одну особенность. Большинство мероприятий, бесед, занятий по общественно-государственной подготовке, вечеров вопросов и ответов офицеры штаба части провели с контрактниками. Удивился. Состояние воинской дисциплины в них было стабильное и намного выше, нежели в других подразделениях. К

чему лишний раз докучать военнослужащим подобными мероприятиями? Оказалось, что с данной категорией офицерам общаться гораздо легче, чем с солдатами и сержантами срочной службы. Вот и шли они в часы воспитательной работы во «взрослые» подразделения поговорить с людьми, обсудить наболевшие проблемы и то не завидное положение, в которое они попали не по своей вине, оказать бойцам моральную поддержку. Сегодня — это, пожалуй, единственное, что еще могут позволить себе старшие начальники и отцы-командиры.

Не зря же говорят, доброе слово и кошке приятно. Вот и старались управленцы задушевными разговорами отвлечь людей от тяжелых дум о своем будущем, настроить их перед заступлением на службу на деловой лад. Да только зря старались. Как признался мне один из военнослужащих, гораздо приятнее было бы услышать из офицерских уст известие о том, что государство наконец-то сдержит свое слово и сполна рассчитается с военнослужащими за их нелегкий ратный труд.

Уверен, когда-нибудь это радостное событие произойдет. Сегодня же на ту сумму, которую получает военнослужащий по контракту — а это без учета стоимости продпайка и других начислений около пятисот рублей в месяц, — при нынешних ценах сможет прожить разве что Дюймовочка из любимой детской сказки. Удивительно, но люди продолжают свято верить в то, что лучшие времена обязательно наступят, что размер денежного содержания будет адекватен ратному труду. Что регулярно будут выплачи-

ваться компенсация взамен продпайка, различные социальные выплаты. Что при уходе в отпуск не нужно будет считать каждую копейку. Наверное, поэтому продолжают добросовестно выполнять свои служебные обязанности. Конечно, командование части и батальона в силу своей компетенции и по мере возможности старается помочь воинам-контрактникам. Но в целом ситуация в вопросах социальной защищенности в подразделениях остается сложной.

Сержант Алексей Кораблин и ефрейтор Александр Волохов в отличие от своих командиров в будущее смотрят с оптимизмом. Может быть, уже не так, как раньше, но верят в то, что все изменится. Оба воина дружат с детства, учились в одной школе, служили в одном подразделении. Вернулись после службы в родной город Венева, что на Тульщине, помыкались в поисках работы месяц-другой, да и подались обратно в свою воинскую часть.

— Конечно, сейчас страна переживает далеко не лучшие дни. И внутренние войска в том числе, — говорит сержант Алексей Кораблин. — Значит, и мы с Александром. Но в отличие от своих земляков-веневцев, которые годами не видят зарплату, денежное содержание мы получаем. Пусть небольшое, но сравнительно регулярно. Были недавно дома, так родные на нас с Сашкой, как на счастливых, смотрели. Сыты, одеты, обуты, да еще и зарплату получаем. А когда узнали, что деньги на строительство нашей казармы выделил Президент России, так вообще прослезились.

В чем-то они, может быть, и правы. Уж кому-кому, а нам грех жаловаться на свою судьбу. Многие бытовые проблемы, с которыми сталкиваются другие военнослужащие-контрактники, нас обошли стороной. Живем в прекрасной оборудованной казарме, по три человека в комнате. В каждом помещении есть все необходимое: душ, мебель, холодильник, телевизор, музыкальная аппаратура. Что еще нужно молодому человеку?

Оказывается, многое. И как ни хороша наша казарма, многие мечтают о собственной крыше над головой...

— Мне лично она пока не нужна. Я человек вольный. Алексей полгода назад женился, скоро станет отцом, — перебил друга ефрейтор Александр Волохов, — а с семьей видится урывками. Жена живет в Веневе, с родителями мужа. Постоянной работы у нее нет, перебивается случайными заработками. Получит или не получит декретные — вилами на воде писано, а помочь молодым родители не могут, сами бедствуют. Забрать жену к себе Алексей тоже не может. Кто согласится сейчас сдать комнату за те гроши, что нам платят. Вот и разрывается мужик на части между женой и службой. А когда у него появится крыша над головой, одному Богу известно.

По этой самой причине в батальоне в женихах ходят мужчины, давно разменявшие четвертый десяток. Командование батальона настоятельно советует нам влюбляться и брать в жены исключительно тех дам, у которых есть квартира. Но ведь сердцу не прикажешь!

— Как человек военный, ты,

Александр, должен ответить "Есть" и доложить о выполнении приказа, — шуточно заметил майор Сергей Лашкевич и улыбнулся.

— А вообще-то ефрейтор Волохов прав, — уже серьезно сказал Сергей. — Уж коли Государственная Дума рассмотрела и приняла, а Президент России утвердил Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе", согласно которому служба по контракту обрела правовую базу, то государство обязано обеспечить военнослужащих всем необходимым для достойной жизни.

Пока же все декларированные права, социальные льготы и гарантии для военнослужащих существуют только на бумаге, а в реальной жизни тысячи людей в погонах обречены на лишения, моральные унижения и физические страдания. И вопрос: "Будут ли созданы в России профессиональные армия и внутренние войска?" — по-прежнему остается без ответа...

**Записал
Николай РОСТОВСКИЙ**

*Московский округ
внутренних войск
МВД России*

Юбилей

В ИНТЕРЕСАХ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

Военной контрразведке России — 80 лет

Свою родословную военные контрразведчики ведут с 19 декабря 1918 года. В этот день правительством Советской России и Центральным Комитетом большевистской партии было принято решение об объединении органов военконтроля РСФСР республики с армейскими ЧК. Основанием для этого явился тот факт, что «шпионско-диверсионная и иная подрывная деятельность контрреволюции в частях, соединениях, учреждениях Красной Армии и на кораблях Красного Флота» достигла угрожающих размеров. В соответствии с этим решением в январе 1919 года был образован особый отдел ВЧК, на который возлагалась задача «борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте». Таким образом, 19 декабря 1918 года стало считаться юридической датой рождения военной контрразведки, хотя с 1903 года в царской армии уже существовали контрразведывательные подразделения.

Как свидетельствуют исторические документы, проблема борьбы со шпионажем в сило-

вых структурах, особенно в вооруженных силах, была актуальной для многих государств. В России первоначально этим занимались полиция, жандармерия, пограничная и таможенная стража. Однако накануне войны с Японией шпионская деятельность иностранных государств достигла таких небывалых масштабов, что царское правительство было вынуждено принять против этого адекватные меры. И в 1903 году в российских вооруженных силах для борьбы со шпионажем создается так называемое «разведочное отделение». Накануне первой мировой войны принимаются дополнительные меры по усилению контрразведывательной службы. На самом высоком уровне принимается решение об образовании при штабах военных округов контрразведывательных отделений. Для содержания агентуры выделяются специальные средства, закрепленные императорским указом «Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства». Правовой базой деятельности новой российской

спецслужбы явилось утвержденное 8 июня 1911 года военным министром «Положение о контрразведывательных отделениях». Задачи военной контрразведки были сформулированы кратко, но емко: «КРО учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить оборонным интересам империи». Так же определялись способы и методы оперативной работы военных контрразведчиков. В документе, в частности, указывалось, что «первым делом необходимо систематически выяснять лиц и учреждения, ведающие за границей и в России шпионством...», а также «связи и сношения лиц как между собою, так и с иностранцами». В результате принятых мер эффективность деятельности российской военной контрразведки значительно возросла. Например, в 1911 году был разоблачен агент одной иностранной разведки с восемнадцатилетним стажем. Он работал в типографии Военного министерства и, имея доступ к секретным до-

кументам, снимал с них копии и передавал своим хозяевам.

С началом первой мировой войны выяснилось, что система уже имевшихся контрразведывательных органов в военное время должна быть существенно усилена. Это настоятельное веление времени было воплощено в жизнь утверждением 6 июня 1916 года Верховным главнокомандующим "Наставления по контрразведке в военное время".

После октябрьской революции пришедшие к власти большевики упразднили существовавшие государственные учреждения, в том числе и военные ведомства, считая их неблагонадежными. Но начавшаяся гражданская война вынудила новую власть создавать собственные спецслужбы.

Становление советской военной контрразведки проходило в суровых условиях гражданской войны. Не имея опыта, армейские чекисты — вчерашние рабочие и крестьяне — вынуждены были вступить в борьбу с профессиональными разведчиками иностранных государств. В суровой и бескомпромиссной борьбе сотрудники военной контрразведки оттачивали свое профессиональное мастерство.

Военная обстановка, усилившаяся подрывная деятельность внутренней контрреволюции и спецслужб иностранных государств в прифронтовой полосе и ближайших тылах Красной Армии зачастую вынуждали военных чекистов применять к своим противникам суровые меры, вплоть до расстрела.

Для того чтобы повысить боеготовность и боеспособность чекистских органов, улучшить их материальное обеспечение, Совет Труда и Оборона 17 сентября 1920 года принял специаль-

ное постановление, которым приравнял сотрудников ВЧК и ее местных органов к военнослужащим Красной Армии. На них были распространены действия всех законоположений в отношении воинской дисциплины, вещевого и продовольственного снабжения, финансового обеспечения. Положительное решение вопросов социальной защищенности чекистов заметно отразилось на их последующей деятельности. ВЧК и ее особые отделы в Красной Армии и на флоте активно включились в борьбу с вражеской агентурой, бандитизмом, должностными преступлениями за чистоту армейских рядов.

За пять лет напряженной работы на счету армейских чекистов сотни избранных и обезвреженных шпионов, диверсантов, лазутчиков, агентурных сетей белогвардейских контрразведок, десятки раскрытых заговоров, направленных на подрыв

боеспособности Красной Армии. 20 декабря 1922 года Реввоенсовет республики, "отмечая революционные заслуги Особого отдела", наградил его орден Красного Знамени.

В этом же году контрразведка приобрела самостоятельный статус в системе ОГПУ.

В последующие годы основные усилия органов отечественной контрразведки были направлены на борьбу с антигосударственными преступлениями и разведывательной деятельностью спецслужб иностранных государств и эмигрантских антисоветских центров. Наступательную тактику военной контрразведки в эти годы ярко характеризуют оперативные игры, проведенные органами госбезопасности. Они свидетельствуют о возросшем контрразведывательном искусстве отечественной спецслужбы. В процессе осуществления операций "Синдикат-2", "Трест", "Академия" и

Сотрудники УФСБ России по внутренним войскам в Ханкале. Чечня, июль 1995 г.

некоторых других контрразведчики нанесли существенные удары по планам вражеских разведок, направленным на подрыв нашего государственного строя.

Несмотря на то, что работа военной контрразведки в то время в значительной степени была подчинена политическим целям руководителей страны и не всегда соответствовала интересам государства и народа, ее сотрудники сумели сохранить патриотизм, самоотверженность, верность своему народу. Именно эти качества позволили военным контрразведчикам добиться значительных побед в борьбе с военно-разведывательными органами фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны.

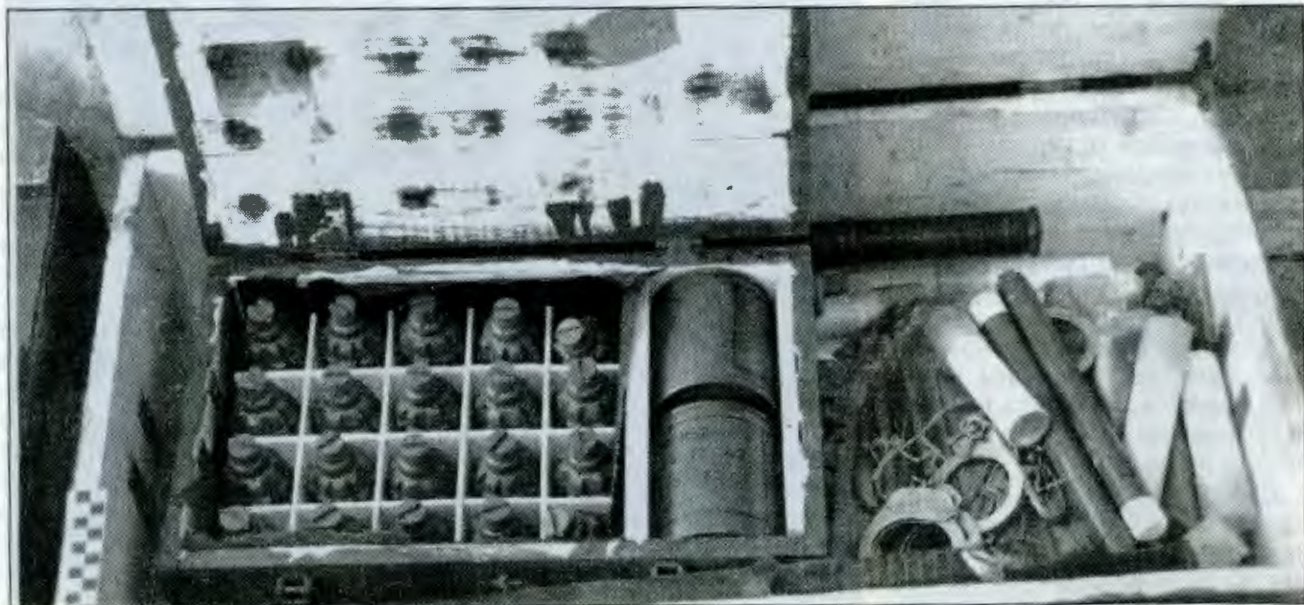
Центральное место в системе шпионско-подрывных служб гитлеровцев занимал так называемый абвер — управление иностранной разведки и контрразведки вермахта. В сложной и самоотверженной борьбе с ним и другими спецслужбами германского рейха особые отделы

Красной Армии, реорганизованные в апреле 1943 года в органы контрразведки "Смерш" ("Смерть шпионам"), сумели обеспечить безопасность Вооруженных сил. Несмотря на исключительные трудности, большинство армейских чекистов, проявляя мужество и самоотверженность, с честью выдержали все выпавшие на их долю испытания. Беспредельная любовь к своей Родине, ненависть к гитлеровским захватчикам, неисчерпаемая вера в нашу Победу придавали им величайшую стойкость в борьбе с врагом. Выполняя поставленные перед ними нелегкие задачи, наши разведчики вышли победителями из неравного поединка с опытным, коварным, искушенным в провокациях врагом не только во время войны, но и в послевоенные годы.

Больше полувека прошло с того времени, как стихли залпы на фронтах Великой Отечественной. Многие изменилось за этот период в мире, в нашей стране. Однако деятельность

иностраннх спецслужб осталась. Тайный фронт существует. Практически на всей территории России фиксируется рост активности разведок иностранных государств, в том числе стран Восточной Европы и некоторых бывших республик СССР, деятельность которых направлена на получение разведывательной информации по политическим, экономическим, военным вопросам. Поэтому работы у отечественных органов безопасности меньше не становится.

Управление особых отделов по внутренним войскам, позднее переименованное в Управление военной контрразведки, было образовано 8 августа 1983 года. Сложившаяся в это время политическая и оперативная обстановка в стране и прогнозы ее развития потребовали усиления контрразведывательной работы в системе МВД и во внутренних войсках. Становление войсковых чекистских коллективов и создание системы обеспечения безопасности внутренних войск про-

Боеприпасы, обнаруженные контрразведчиками

ходило в нелегких условиях. За пятнадцать лет существования управления его сотрудники вместе с личным составом внутренних войск участвовали в мероприятиях по ликвидации последствий чернобыльской катастро-

Григорий Михайлович Медведев.
Награжден орденом Мужества
(посмертно)

фы и землетрясения в Армении, выполняли сложные и ответственные служебно-боевые задачи в горячих точках бывшего Союза и России.

Руководствуясь «Положением об органах государственной безопасности в Вооруженных силах Российской Федерации и иных воинских формированиях», контрразведчики внутренних войск основными направлениями в своей деятельности считают сохранение государственных секретов, обеспечение безопасности военнослужащих, противодействие разведывательным устремлениям иностранных спецслужб и террористическим проявлениям преступных группировок, борьбу с диверсиями в войсках правопорядка и на охраняемых

ими объектах, незаконным оборотом оружия, наркотиков, казнокрадством.

В активе войсковых контрразведчиков — несколько выявленных агентов иностранных спецслужб, большое количество пресеченных попыток нанесения крупного экономического ущерба, совершения уголовных преступлений.

В 1995 году во взаимодействии с правоохранительными органами и Генеральной прокуратурой чекистам удалось пресечь преступную деятельность военнослужащих одной из частей, которые участвовали в хищении 42 кг драгоценных сплавов, а в 1996 году в результате активных розыскных мероприятий найти 6 кг урана, похищенного из федерального ядерного центра.

В этом же году контрразведчиками был вскрыт факт преступного сговора офицера внутренних войск с руководством одной из строительных фирм. В результате противоправных действий войскам был нанесен ущерб на сумму около полу-миллиарда неденоминированных рублей.

Всего же только в 1995-1997гг. сотрудниками военной контрразведки была пресечена деятельность 24 преступных групп, возвращено в доход государства около 3 млрд. рублей, изъято 24 кг драгоценных металлов, около 18 кг радиоактивных материалов, 484 единицы огнестрельного оружия, большое количество боеприпасов и взрывчатых веществ.

За свой добросовестный ратный труд 268 чекистов внутренних войск награждены орденами и медалями, наградами ФСБ. В служебных командировках в горячие точки 26 сотрудников управления получили ранения и контузии. Двое — майоры Г.Медведев и В.Косолапов по-

гибли, исполняя свой профессиональный долг.

При активном участии Управления военной контрразведки по внутренним войскам из чеченского плена было освобождено более 200 военнослужащих.

Достигнутые результаты, высокий уровень профессионального мастерства позволяют войсковым контрразведчикам успешно решать все поставленные перед ними задачи. К сожалению, негативные процессы, происходящие в сегодняшнем российском обществе, заметно отражаются на состоянии дел в Вооруженных силах, внутренних войсках. В это тяжелое и непростое время военным контрразведчикам приходится прилагать огромные усилия по обеспечению безопасности страны и ее силовых структур. Цели и задачи у чекистов остались прежними — защита интересов Отечества. Жизнь вновь строго экзаменует каждого из них на порядочность, честность, профессиональную компетентность. И можно с твердой уверенностью сказать, что сотрудники Управления военной контрразведки с честью выдерживают этот суровый экзамен. Следуя лучшим традициям, заложенным предшествующими поколениями, чекисты внутренних войск добросовестно исполняют свой служебный долг.

Николай ГЕОРГИЕВ,
Николай ВЛАДИМИРОВ

Фото из архива Управления
ФСБ по внутренним войскам

В рамках общевойсковой Спартакиады внутренних войск МВД России прошел чемпионат Московского округа ВВ по борьбе самбо. В учебно-спортивном комплексе "Самбо-70" соревнования проходили в двух подгруппах.

В первой — между борцами соединений, во второй — между борцами частей. В состязаниях участвовали атлеты девяти весовых категорий.

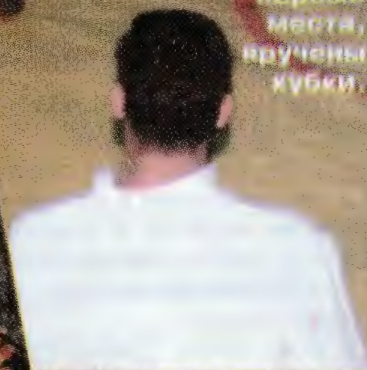
Как ни странно, ни одна из московских команд главного приза не завоевала. Кубок соединений увезли в Тулу воспитанники подполковника С. Иванова, получившие 4 золотые и 2 бронзовые медали. Второе место заняли спортсмены из столичной СМВЧ, третье — самбисты из Курска.

САМБО-

Среди частей лидировала луганевская команда, серебро получили борцы Минской орденов Кутузова и Александра Невского части, а бронза досталась атлетам из Курчатона.

Чемпионы и призеры соревнований награждены медалями и символической Московского округа внутренних войск.

Командам, занявшим первые места, вручены хубки.

28

Фото Ильи ЗЛОТНИКА

ВОЕННЫМ ХОТЯТ ПОМОЧЬ МНОГИЕ, а особенно «старается» американский финансовый магнат Джордж Сорос

Речь о военной реформе в стране идет давно. Но то ли оттого, что правительства часто меняются, то ли потому, что военные министры все сплошь и рядом лучшие за послевоенную историю России, как сказал однажды Верховный главнокомандующий о Павле Грачеве, конкретных результатов этой реформы пока не видно. Реальностью остается только одно: начиная с 1992 года армия и другие войска неумолимо сокращаются. На начальном этапе армейский строй покидали офицеры и прапорщики, которые нашли себе более-менее теплое местечко. Но, похоже, сегодня реформаторы начинают от слов переходить к делу. Снять военную форму придется не только тем, кому надоели все эти эксперименты над военными людьми, но и многим из тех, кто свою дальнейшую жизнь без армии не мыслит. Среди уволенных будут и такие, которым очень непросто будет найти себя в новом качестве. Словом, многомиллионную армию российских безработных пополнят дисциплинированные, организованные, законопослушные, физически крепкие люди, бывшие офицеры. Еще

недавно их называли золотым фондом армии, а сегодня им впору выходить на паперть с протянутой рукой. Может, для какой-нибудь заморской державы это и было бы национальной трагедией, но только не для России. У нас народ, наверное, только в трудную минуту в полной мере и проявляет свой созидательный потенциал.

Основной вопрос, который встает на повестку дня в связи с сокращением войск, — все мероприятия по социальной защите увольняемых военнослужащих должны быть обеспечены финансами из государственного бюджета. А его принятие на следующий год уже не за горами. Вот и активизируются различные коммерческие организации, центры, советы, союзы, дабы оказаться первыми в очереди на получение государственных субсидий.

В череде нескольких мероприятий второй половины октября нынешнего года с участием заинтересованных лиц первой была пресс-конференция в Доме журналистов, организованная государственными структурами, занимающимися проблемами профессиональной переподготовки увольняе-

мых в запас военнослужащих. Через несколько дней участники программы «Социальная адаптация военнослужащих», финансируемой Фондом Сороса через Институт «Открытое общество», провели «круглый стол», на который были приглашены представители региональных центров социальной реабилитации увольняемых военнослужащих. И завершающим событием стали парламентские слушания «О совершенствовании законодательства по трудоустройству и переподготовке военнослужащих запаса, увольняемых в связи с сокращением Вооруженных сил, а также членов их семей».

Хотя во всем мире проблемами уволенных военнослужащих занимаются военные ведомства, у нас инициатором принятия Федерального закона «О занятости граждан, увольняемых с военной службы в связи с сокращением Вооруженных сил и правоохранительных органов Российской Федерации» выступил Комитет Государственной Думы по делам ветеранов. Именно этот комитет представил законопроект на парламентские слушания.

Проблема трудоустройства

В результате сокращения Вооруженных сил будет ликвидировано 40 военных вузов, уволено около 150 тысяч офицеров, прапорщиков и мичманов. Около 50 тысяч из них не будут обеспечены жильем. Только 27 тысяч получат право на пенсию. 120 тысяч еще не достигнут предельного возраста состояния на действительной военной службе. Средний возраст уволенных с военной службы за период с 1992 по 1998 год не превысил 36 лет.

отставников появилась не сегодня. Пыталась повлиять на ее разрешение и правительственная комиссия по социальным вопросам военнослужащих. Предпринимали какие-то шаги и коммерческие организации. Но, как подытожил в докладе на парламентских слушаниях председатель Комитета Госдумы по делам ветеранов генерал армии Валентин Варенников, «и федеральные органы, и коммерческие организации в этом отношении на сегодня еще себя должным образом не проявили». Это не удивительно. Ибо федеральные и муниципальные службы в большинстве своем дистанцируются от этой проблемы. И нужен солидный государственный прессинг, чтобы определенные бюджетные средства они направили именно на переобучение и трудоустройство увольняемых военнослужащих, а не на более выгодные коммерческие проекты.

Негосударственные структуры не проявили себя по другой причине. Те, которые на рынке труда выступают работодателями, не имеют опыта работы с данной категорией граждан, не учитывают ее специфику и не умеют извлечь выгоду из предоставления рабочих мест быв-

шим офицерам. А различные центры по переподготовке и трудоустройству не выполняют тех обязательств, которые декларируют в учредительных документах. Занимаются они только тем, что заполняют анкеты, ведут учет нуждающихся в переобучении и трудоустройстве и получают за это соответствующую плату.

Относительно негосударственных или коммерческих организаций мой знакомый предприниматель привел некоторые любопытные наблюдения. Почти во всех них работают или возглавляют их бывшие военнослужащие, что само по себе уже отрадно. Они создают рабочие места хотя бы для себя и своих друзей. Некоторые руководители до этого пытались наладить свой бизнес в одной-двух коммерческих структурах иного направления, но в один прекрасный момент поняли, что здесь финансовая ниша остается пока незаполненной. А коль существует спрос (даже имеет тенденцию к росту), будет и предложение. Выступая на различных мероприятиях, руководители коммерческих структур всячески пытаются подчеркнуть важность своей работы, оказывая тем самым медвежью услугу всему офицерскому корпусу. Они представляют бывших военнослужащих эдакими зомби, которые только и умеют что стрелять, убивать и маршировать. Живут они в каком-то своем, обособленном мире и к

гражданской жизни совершенно не приспособлены. У них и дети, и жены такие же. Им нужна социально-психологическая реабилитация. Мы им поможем. Другие предлагают услуги по переобучению, оказывают помощь в приобретении престижных специальностей. Но при этом выдают сомнительные дипломы или вовсе справки. Да и себестоимость переобучения одного человека в двух разных структурах может отличаться более чем в два раза — что тоже наталкивает на определенные размышления.

Бесспорно, нельзя отрицать, что, может быть, кому-нибудь понадобится помощь и специалистов-психологов. Большинство, естественно, будут нуждаться и в том, чтобы получить новую специальность. Все это так. Но все же главная проблема в разрешении социальных вопросов уволенных военнослужащих состоит в том, чтобы предоставить им рабочие места.

После нескольких выступлений во время парламентских слушаний в президиум поступила записка. В ней оппонент категорично заявил, что государство сегодня не может дать гарантий трудоустройства. В условиях рыночных отношений и разнообразия форм хозяйствующих субъектов в природе не существует механизмов, которые обеспечили бы такое трудоустройство. Однако организаторы слушаний с подобным утверждением не согласились, и Валентин Варенников разъяснил основополагающие статьи предлагаемого законопроекта. Его основная задача — устранить недостатки, присущие предыдущим постановлениям правительства.

Как отмечают аналитики Комитета Госдумы по делам вете-

ранов, эти программы поверхностны, они не имеют реального механизма обеспечения людей работой, не предусматривают никаких конкретных действий, позволяющих сделать вывод, что их конечная цель — трудоустройство прошедших переподготовку. Программы не имеют четких критериев по определению организаций, кото-

территории осуществляется комплексом мероприятий в рамках региональных программ.

Проводимая доселе работа не предусматривала дифференцированного подхода к разрешению проблем военнослужащих в зависимости от места их проживания. В результате те, кто проживает в крупных городах,

имеют возможность бесплатно переучиться и получить престижную специальность с гарантией трудоустройства. Другие в отдаленных местностях, где военные гарнизоны за-

становлений правительства Российской Федерации, приобретают статус исключительных территорий. После включения их в государственный реестр государство гарантирует организованное переселение уволенных военнослужащих с их семьями в другие регионы, где им будет предоставлена работа.

Важный момент в требовании закона — непосредственное участие общественных организаций военнослужащих запаса и членов их семей в разработке и реализации этих программ.

Особо было отмечено председателем Комитета Государственной Думы по делам ветеранов, что на реализацию этих предложений не потребуются дополнительных капиталовложений. Но в то же время закон послужит гарантом эффективного использования финансовых и материально-технических ресурсов для достижения конечной цели.

Такие мероприятия, предусмотренные государством, в идеале могли бы дать неплохие результаты. Но это только в том случае, если при увольнении военнослужащих им выплачены все полагающиеся денежные суммы, нуждающимся выделено жилье. Тогда многим из них можно будет спокойно переучиться и работать по новой специальности, не опасаясь стрессов и заниженной оценки своих возможностей, что предрекают социологи и психологи. Но цветущая буйным цветом бюрократия не всегда позволяет разрешить вопросы именно так.

Выступая на парламентских слушаниях, заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-

Постановлением правительства Российской Федерации №153 от 3 февраля 1998 года утверждена целевая программа переподготовки и обеспечения занятости военнослужащих, подлежащих увольнению в запас, на 1998 — 2000 годы. Ею предусмотрено выделение 53,95 млн. рублей из федерального бюджета, в том числе 19,73 млн. рублей в 1998 году. Однако в текущем году средства не выделены, так как программа не была включена в федеральный бюджет.

рым можно доверить вопросы переобучения и трудоустройства лиц, уволенных с военной службы, на государственные деньги.

В проекте закона записано, что конечная цель всей деятельности по социальной защите уволенных военнослужащих — предоставление им рабочих мест. Гарантом должно стать государство. Для этого необходимо провести инвентаризацию всех организаций независимо от форм их собственности, занимающихся переподготовкой и трудоустройством, утвердить единые критерии оценки их деятельности — по конечному результату, предоставлению рабочих мест. Государство объявляет три категории территорий, на которых проводится соответствующая закон политика.

Трудоустройство на обычной

частую являются единственным работодателем, не могут приобрести нужную им профессию даже за деньги, которые они готовы оторвать от скудного семейного бюджета.

В законопроекте заложено, что правительство Российской Федерации определяет места компактного проживания военнослужащих запаса и членов их семей, где создание рабочих мест особо поощряется государством. Эти местности приобретают статус территорий приоритетного развития и пользуются рядом льгот и преимуществ, предоставляемых государством.

Отдаленные, обособленные военные городки, где по объективным причинам государство не имеет возможности решить задачи по трудоустройству, так же как и места, где эти задачи не решены в течение одного года после соответствующих по-

лейтенант Станислав Кавун отметил, что только в Северо-Кавказском округе внутренних войск, личный состав которого выполняет особые задачи в этом регионе, каждый второй офицер бесквартирный, в ОДОНе — восемьдесят процентов офицеров не имеют жилья. В среднем каждый офицер ожидает жилье более десяти лет. Государственная программа по обеспечению жильем военнослужащих, утвержденная 13 января 1996 года, выполнена на 25 процентов. Положение усугубляется еще и тем, что внутренние войска не имеют фонда служебного жилья, не хватает общежитий.

Что касается военнослужащих внутренних войск, которым предстоит увольнение в запас по организационно-штатным мероприятиям, то специфика выполнения служебных задач дает им ряд преимуществ по трудоустройству. Для реализации этих преимуществ Главное командование войск согласовывает свою деятельность с органами государственной власти, структурами, занимающимися проблемами социальной защиты военнослужащих.

Увольняемые офицеры и прапорщики внутренних войск являются профессионалами в области правоохранительной деятельности и могли бы без какой-либо переподготовки включиться в работу по обеспечению правопорядка. Терять просто так этот потенциал было бы не по-государственному.

Уже достигнута договоренность МВД с Министерством юстиции, что военнослужащие, которые выполняли задачи по конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу, будут трудоустроены в учреждениях системы исполнения наказания.

Многие отставники внутренних войск смогут найти себе работу в органах фискальной системы, в таможенной службе. Словом, нужно отыскать оптимальный вариант перераспределения высвобождаемых в ходе сокращения войск офицеров между государственными структурами. И сделать это должно государство, а не какие-то негосударственные или коммерческие структуры. Потому что понятие коммерции у нас в России какое-то своеобразное.

Указом Президента "О некоторых мерах по реформированию внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации" предписано до конца 1998 года сократить 54 тысячи единиц. Предстоит уволить 13 тысяч офицеров и прапорщиков. Это потребует дополнительно 581 миллион рублей, в том числе 415 миллионов для приобретения квартир увольняемым. Недофинансированному бюджету составляет 45,2 процента. По денежному довольствию недополучено 51,4 процента, по продовольствию для военнослужащих срочной службы — 48 процентов.

разное. Для большинства обывателей это значит — поехал в Турцию или Польшу, загрузил несколько баулов тряпками и потом привез и продал их у себя на рынке. И если коммерческая организация заявляет, что бесплатно окажет помощь в пе-

реобучении и трудоустройстве уволенных офицеров — это абсурд. Она просто стремится реализовать предназначенные для этих целей государственные средства. А чего хочет государство, утверждая различные программы и не выделяя для этого никаких бюджетных средств, трудно сказать. Правительство стремится выйти из создавшегося сложного положения "за счет средств участников Программы, российских и зарубежных инвесторов". На парламентских слушаниях участники Программы были перечислены, и генерал армии Варенников с сожалением отметил, что "вызывает сомнение, заинтересованы ли все эти организации в конечном итоге работы — переобучении и трудоустройстве уволенных военнослужащих". А коль речь идет об инвестировании, то, безусловно, подразумевается и получение прибыли, каких-нибудь дивидендов. Это же не благотворительность, когда филантроп выложил энную сумму и забыл о ней. В качестве инвестора выступает и Фонд Сороса через Институт "Открытое общество". В 1998 году он предоставит 2,9 миллиона долларов США в рамках программы "Социальная адаптация кадровых военнослужащих, уволенных в запас или отставку". Интересно, какие дивиденды хочет получить от подобных капиталовложений господин Сорос? Если такие же, как и от инвестиций в развитие демократии в бывшем Советском Союзе, то Вооруженным силам России не позавидуешь. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

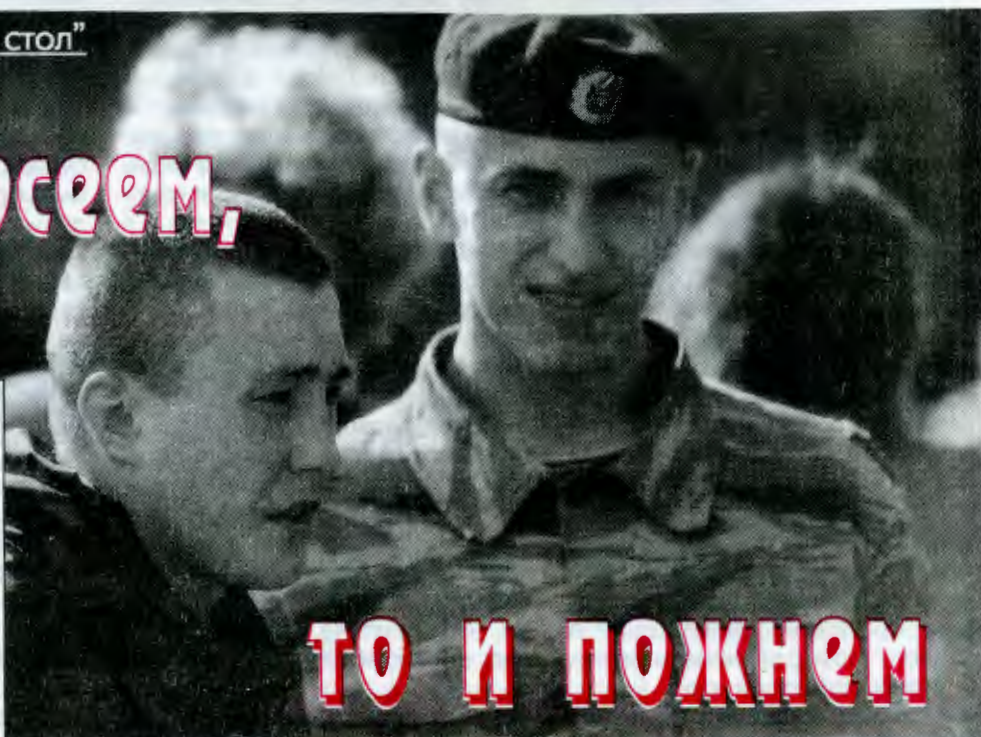
Иван КАЧУМ

Заочный "круглый стол"

Что поседем,

Сегодня слово "патриот" стало едва ли не ругательным. А между тем кому, как не им, патриотам, любящим свою Родину, поднимать Россию? Другой вопрос — примут ли участие в возрождении некогда великой страны наши дети? Тут все зависит от нас, взрослых. Сумеет ли привить своим чадам эту самую любовь — примут. Нет — будущее России под большим вопросом.

Тема сегодняшнего "круглого стола" — военно-патриотическое воспитание молодежи. Наши дети — будущее России. Только вкладывая силы и средства в их духовное воспитание, мы можем рассчитывать на благополучный исход происходящих в стране перемен.

ТО И ПОЖНЕМ

Алексей БРУДНОВ,
 начальник
 Управления
 дополнительного
 образования детей
 и подростков
 Минобразования
 России:

— Принято считать, что первое слово в деле подготовки подростков к военной службе должна сказать школа. Такое суждение справедливо, но только отчасти. Да, согласно закону "О воинской обязанности и военной службе", школа вооружает молодых людей начальными знаниями в области обороны, учит их азам военной службы. Необходимые знания и навыки школьники приобретают на занятиях по основам безопасности и жизнедеятельности — для учащихся 10-11 классов в программе введен раздел "Основы военной службы".

Естественно, воспитанию будущих воинов уделяется внимание не только на уроках по ОБЖ. В обще-

образовательных учреждениях с учащимися проводятся "Уроки мужества", лекции, беседы, военно-спортивные мероприятия, экскурсии в музеи, воинские части, работа по военно-профессиональной ориентации.

Но наряду со школой, где предусмотрено обязательное образование для всех, существует система образования дополнительного. Перед школой она имеет одно, на мой взгляд, очень существенное преимущество — ребенок, подросток сам выбирает себе дело по душе. Он свободен от гнета обязательности.

Обслуживает эту сферу образования достаточно большое число учреждений — клубы юных десантников, парашютистов, пограничников, летчиков, космонавтов, пожарных и т.д. и т.п.

Сегодня в России их более 400 и занимаются в них более 200 тысяч ребят, в основном подростки и юноши. Так как эти учреждения строят свою работу, основываясь на

добровольном выборе детей, они могут дать ребенку значительно больше, чем дают в официальном курсе ОБЖ. Как правило, в образовательных программах наших учреждений присутствуют основы начальной военной подготовки. Юноши получают солидную подготовку по специальностям, родственным военным. После обучения в системе дополнительного образования они приходят в армию подготовленными не хуже, чем их сверстники в объединениях РОСТО, преемника ДОСААФ. Замечу, у нас квалифицированно решаются вопросы не только профессиональной подготовки, но и нравственного, военно-патриотического воспитания. Ребятам преподаются уроки истории Отечества, истории армии и флота. Их знакомят с биографиями выдающихся полководцев и военачальников, тех, кто верой и правдой служил нашей Родине.

Жизнь показывает, существующая система дополнительного образования — разумеется, при должном к ней отношении — действует весьма эффективно. Директора клубов поддерживают тесную связь со своими воспитанниками — и с теми, кто служит в армии сегодня, и с теми, кто уже отслужил, с командирами воинских частей. Отрядный факт — жалоб на наших ребят почти не поступает. О чем это говорит? Такая сеть учреждений, такой подход к подготовке и воспитанию юношей, будущих защитников Отечества, чрезвычайно эффективны и имеют право быть.

Военная служба для большинства из них является экстремальной ситуацией. Даже если молодой человек попадает в нормальный воинский коллектив, где офицеры владеют обстановкой, где на деле, а не на словах ведется беспощадная борьба с неуставщиной, где налажен быт военнослужащих.

Определенная психологическая подготовка и знание основ военного дела помогают юношам быстрее адаптироваться к суровым условиям армейской службы и тем самым смягчить стрессовую ситуацию.

Мы не раз обращались в Министерство обороны, в Министерство внутренних дел, в думские комитеты, в Совет безопасности с предложениями укреплять и развивать систему дополнительного образования детей и подростков. Если мы хотим иметь в будущем профессиональную армию, внутренние войска, то уже сегодня должны подумать о социально-педагогической базе подготовки профессионалов.

Конечно, и у системы дополнительного образования есть свои проблемы. У нас, например, как и у школы, ощущается дефицит кадров. Школа решает свою проблему: в педагогических институтах вводится обучение студентов по новой специальности — “преподаватель-организатор ОБЖ”. Мы же при решении наших кадровых проблем очень надеемся на помощь военных. Зная, что в Российских вооруженных силах, во внутренних войсках идет очередная волна сокращений, обращаемся к увольняемому в запас офицерам — на базе Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования Минобрразования планируется переподготовка уволенных в запас военнослужащих для работы в общеобразовательных учреждениях и в системе дополнительного образования. Накопленный за время службы опыт работы с людьми, знание законов армейской жизни не должны пропасть даром.

Еще хотелось бы сказать вот о чем. Воспитание молодежи в духе высокого патриотизма не только дело школы, армии, РОСТО. Это наше общее дело. Поэтому, если мы хотим, чтобы из наших мальчишек и девчонок

выросли истинные патриоты, мы просто обязаны работать сообща, координируя усилия, помогая друг другу, вместе идти к намеченной цели.

Игорь АНИСИМОВ,

**старший тренер
ДЮСШ-2
г. Новозыбкова
Брянской области**

— Привить современному подростку уважение к армии — задача не из простых. В свое время сильно постарались средства массовой информации, занимаясь армейскими проблемами. Борьба с дедовщиной, с казнокрадством в военной среде, с привилегиями генералитета и т.д. и т.п. так захватила некоторых журналистов, что они не заметили, как здоровая критика превратилась в критиканство, огульное охаивание всех и вся. Теперь нам предстоит расхлебывать кашу, которую заварили они и их заказчики. Но вернуть авторитет армии, внутренним войскам, поднять престиж воинской службы до былых высот просто необходимо — этого требуют интересы государства, всех россиян. И это дело не только Министерства обороны и Министерства внутренних дел, других силовых структур. Дело это общее.

Не должны остаться в стороне и физкультурно-спортивные организации. Считаю (мою точку зрения разделяют коллеги) подготовку детей и подростков к военной службе одной из главных задач спортивной школы.

Ребята начинают тренироваться у нас с семи-восьми лет. Но занятия проходят не только на ковре. Время от времени проводим для детей военно-спортивные игры. Ребята взрослеют, и соответственно их возрасту меняется содержание “боевой учебы” — знакомим мальчишек с действиями в бою отделения, взвода, роты. Народу хватает — ведь в секции самбо-дзюдо у

нас занимается около 500 человек. Стало традицией 1 сентября проводить двухстороннюю военно-спортивную игру "Зарница". К ней готовимся все лето — во время летних каникул мы на ковре не занимаемся.

А разве сами занятия различными видами единоборств не являются подготовкой к военной службе? Благодаря спорту ребята растут у нас сильными, здоровыми. Они отменно владеют приемами рукопашного боя — есть у нас победители и призеры областных, всероссийских и даже международных соревнований — и если придется, сумеют постоять за себя.

Готовим ребят к службе в армии и в духовном плане. Как только выдается свободная минутка, рассказываем юным спортсменам о военной истории России, о ратных подвигах их отцов и дедов. Во время бесед не забываем упомянуть и о буднях современной армии, внутренних войск. Здесь нам здорово помогает журнал "На боевом посту". Материалы о мужестве и героизме наших солдат в горячих точках, особенно о славных делах спецназа, мальчишки читают с большим интересом.

Готовим мы ребят и к возможной встрече с пресловутой дедовщиной. Убеждаем, "дедам" нужно давать отпор. Если требуется — физический. В трудных ситуациях молодые воины не должны быть каждый сам по себе, напротив, друг за друга должны горой стоять. Опыт наших уже отслуживших свое воспитанников показывает — казарменные хулиганы, встретив дружный отпор, отступают.

Большое значение для наших ребят имеет также общение с воспитанниками спортшколы, честно выполнившими свой долг перед Родиной. Многие из них продолжают посещать тренировки. Некоторые стали тренерами. Немало интересного и поучительного рассказывают ребята

там Николай Веремьев, Андрей Фукс, Дмитрий Ремезок, Александр Ковалев, директор спортшколы Александр Шмахов. Многие наши питомцы избрали военную службу делом своей жизни. В армии и во внутренних войсках нашли свое место Валерий Коновалов, Сергей Куров, Василий Москальчук и другие ребята. Сергей Белоус и Андрей Селиванов, отслужив во внутренних войсках, в подразделениях специального назначения, сегодня работают в уголовном розыске. Этот список можно продолжить.

В сентябре наша спортивная секция отметила свое 20-летие. Не меньше, чем спортивными успехами, ее воспитанники и тренеры гордятся тем, что тысячи мальчишек, прошедших через нашу школу, достойно отслужили и продолжают честно служить Родине в настоящий момент.

**Полковник
Владимир КУЗНЕЦОВ,**
**заместитель
командира
Отдельной
бригады
оперативного назначения**

— Действующая ныне система военно-патриотического воспитания не лишена изъянов. Один из серьезных ее недостатков в том, что она не является всеохватывающей. Сегодня центр военно-патриотического воспитания подростков, безусловно, школа. Прежде всего учителя прививают детям любовь к Отечеству, уважение к закону, преподают им первые уроки государственного мышления. Но... К сожалению, не все дети сегодня посещают общеобразовательные учреждения. Ведя речь о военно-патриотическом воспитании молодежи, нельзя забывать о такой ее категории, как безнадзорные дети. Факт — сотни тысяч под-

ростков лишены сегодня нормального детства. Они или брошены на произвол судьбы своими родителями, или сами вынуждены бежать из неблагополучных семей. Их воспитатель — улица. Их наставники — хлебнувшие вольницы сверстники или взрослые с уголовным опытом.

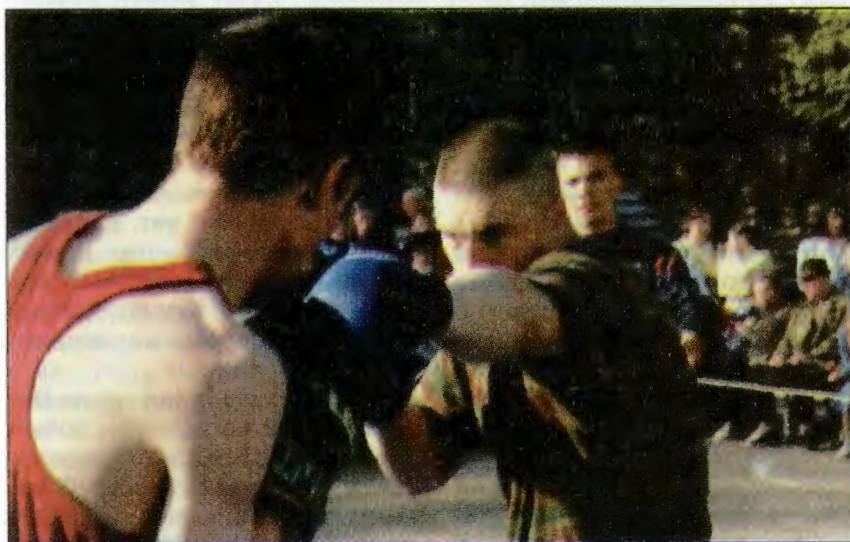
В этих условиях президентом и правительством Российской Федерации, федеральными и местными органами исполнительной власти разработан ряд программ, нацеленных на решительное исправление неблагополучной ситуации.

Весной к нам в часть пришел комплексный план участия внутренних войск в государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Одним из пунктов этого документа командирам воинских частей предписано создание в дни летних каникул на базе учебных центров военно-спортивных лагерей. По согласованию с местными органами исполнительной власти мы такой лагерь открыли. В дни школьных каникул он принял сорок трудных подростков из г. Пушкино и Пушкинского района Московской области.

Скидок на возраст для мальчишек — а было им по 13-16 лет — не делали. Во время лагерного сбора жили они по строгим армейским законам. Подъем, физзарядка, утренний осмотр, завтрак, развод на занятия — распорядок дня такой же, как и для подразделений части. Где-то в душе ребят было жалко. Особенно по утрам — им бы поспать побольше, отдохнуть. Но решили: пусть парни узнают, что такое служба. Смотрели в будущее — скоро наступит их черед становиться в строй защитников Родины. Так пусть же придут они в воинские коллективы, уже имея за плечами хоть и небольшой, но очень важный служебный опыт.

Занятия в военно-патриотическом клубе "Витязь" проводят спецназовцы ОДОНа

Безусловно, цель появления подобных учебных центров — подготовить ребят к предстоящей военной службе. Но не только. Оторвать трудных подростков от улицы — вот еще одна большая задача. Помочь им взглянуть на свою прежнюю жизнь критически, дать возможность осмотреться вокруг, увидеть, что можно заниматься более интересными делами, чем бесцельное болтание по подворотням. Большинство наших по-

допечных были из неполных или неблагополучных семей.

Военнослужащие бригады постарались внести свою лепту в дело воспитания подростков. С ними занимались лучшие. Они с удовольствием учили ребят азам военной науки, знакомили с взаимоотношениями, принятыми в воинских коллективах. К тому же сам уклад жизни и быта в военном городке, атмосфера войскового товарищества способствовали воспитанию у ре-

бят дисциплинированности. Общаясь с подростками, наши военнослужащие давали им уроки законопослушания. Кто лучше солдат правопорядка расскажет ребятам, к каким тяжелым последствиям могут привести безобидные с виду детские шалости подростков?

Считаю, что нашим подопечным повезло. Дни, проведенные в военно-спортивном лагере, не прошли для них даром. Многие задумались над своей судьбой, в разговорах высказывали желание круто изменить ее. Слышать от трудных подростков такие слова — одно удовольствие. Значит, не зря поработали, не зря возились с мальчишками. И все-таки полного удовлетворения от сборов нет. Объясню почему.

Хорошо, летом мы, военные, взяли ребят под наблюдение. А что дальше? Вернутся пацаны в свои дворы, в свои компании — кто с ними будет заниматься? Инспекторов по делам несовершеннолетних единицы, а безнадзорных мальчишек и девочек — сотни тысяч. На мой взгляд, с беспризорностью в стране будет покончено только тогда, когда начнет действовать государственная чрезвычайная программа. Детей надо воспитывать непрерывно вплоть до их совершеннолетия. Если их воспитанием не могут заниматься родители, эту функцию должно взять на себя государство. Как бы трудно ни было, с какими бы затратами это ни было связано. Мы, военные, как никто, заинтересованы в скорейшем и благополучном разрешении проблемы. Поверьте, работать с солдатами, бывшими беспризорниками, ох как непросто.

**Материалы
подготовил подполковник
Алексей ПЕТРОВ**

Фото Владимира
НИКОЛАЙЧУКА

Вандализм

Необандеровцы

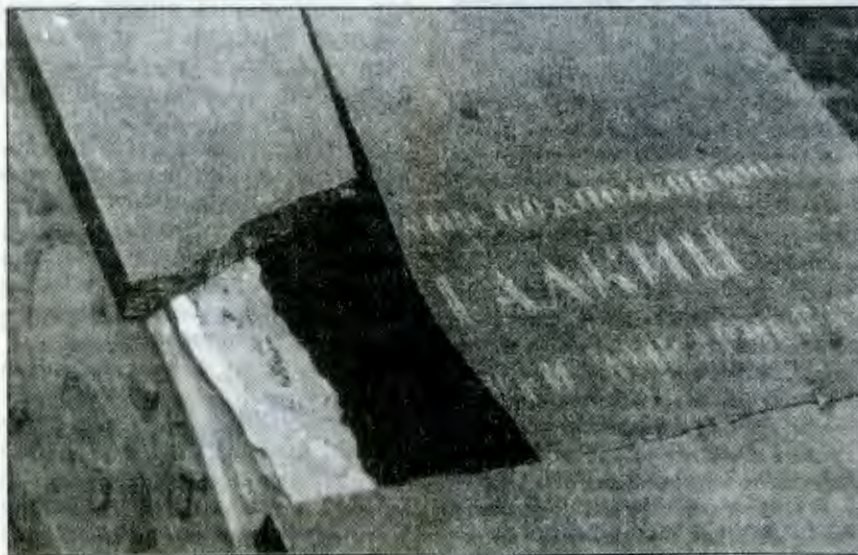
воюют с памятниками

Легендарный разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов был и остается для украинских националистов злейшим врагом. Они уже много раз говорили и писали о том, что этот террорист был заслан на запад Украины Москвой для уничтожения их земляков. На чем основывается такой поистине бредовый вывод? По разумению "героев нации", "Кузнецов специально убивал второстепенных немецких офицеров, зная, что в отме-

стку за их гибель оккупанты расстреляют сотни, тысячи украинских патриотов".

Да, сейчас они порой называют гитлеровцев оккупантами, как и советских воинов. А в марте 1944 года радостно доложили фашистскому командованию, что "московский агент, выдававший себя за немецкого офицера, убит". Как доподлинно известно, Николай Кузнецов, окруженный бандеровцами, взорвал себя и их гранатой.

Через несколько лет после Великой Отечественной войны прах разведчика был перезахоронен на Холме Славы во Львове. И с той поры надмогильная плита стала объектом нападения бывших фашистских прихвостней и их последышей. Вандалы сбивали зубилами и топорами буквы, уродовали барельеф и заливали его краской, делали гнусные надписи. Даже стоявшие у могилы деревца не раз варварски срубали. А памятник Герою Советского Союза на одной из улиц города спасли от запланированного и неминуемого кощунственного уничтожения земляки Кузнецова из города

Талица Свердловской области, демонтировав его и перевезла на родину.

В последнее время осатаневшие от вседозволенности и человеконенавистничества национал-фашисты наносят удар за ударом по местам вечного упокоения героев-фронтовиков. Холм Славы находится сейчас в запущенном и полуразграбленном состоянии. Некогда величественный воинский мемориал стал попросту ничейным и подвергается осквернению в любое время.

На надмогильной плите Николая Кузнецова уже не осталось ни одной золотистой буквы — все они вырублены и выжжены паяльной лампой. Неподалеку на могиле гвардии подполковника Андрея Галкина плита вообще разбита, а вместо имени и фамилии офицера — надпись о какой-то женщине. Такое же издевательство и надругательство постигли могилу полковника Ивана Кантария...

Генеральный консул Российской Федерации во Львове Владимир Солоцинский обратился с письмом в облгосадминистра-

цию. Осудив беспредел на Холме Славы, он заявил: "Эти варварские действия, наряду с недавней попыткой поджога здания Русского культурного центра и антироссийскими демонстрациями у Генконсульства РФ, свидетельствуют о том, что известные политические силы, стремящиеся осложнить российско-украинские отношения, пользуются здесь, к сожалению, определенной свободой действий".

Местные власти отреагировали быстро. Заместитель главы облгосадминистрации по политико-правовым вопросам Василий Базив провел пресс-конференцию, зачитав журналистам ответ на дипломатическое послание. В нем по-прокурорски круто сказано: "На основании заключения экспертов соответствующих служб, которым было поручено изучить на месте поднятый Генконсульством РФ вопрос, сообщаем: следов акта вандализма на Холме Славы не установлено. У нас вызывает тревогу то, что Генконсульство РФ предъявляет претензии относительно мемориала Холм

Славы, который, кстати, никогда не считался российским, и мы оцениваем это как факт, ухудшающий наши взаимоотношения". Вот как!

Дальше — больше. Комментируя переписку Генконсульства с облгосадминистрацией, В. Базив пытался поставить дипломата, так сказать, на место: "Он не может давать оценку из сферы наших внутренних дел, поскольку Холм Славы нельзя считать русским военным захоронением". Иными словами, львовский чиновник "врубил" Генконсулу России: нечего лезть не в свои дела, да еще и, не скрывая сарказма, добавил: "Стоит ли искать черную кошку в темной комнате, если ее там нет?"

Когда же журналисты стали уточнять конкретные факты, Базив вдоволь поиздевался над непонятливыми: "Мужчина, который убрал буквы с плит, возможно, просто хотел поинтересоваться, из какого материала они сделаны. Что касается исчезновения надписи на могиле Кузнецова, то, видимо, буквы сами поотпадали, когда люди убирали цветы с плиты..."

"Странно, что так передергиваются очевидные факты, — отреагировал Генеральный консул Владимир Солоцинский. — У нас есть подтверждающие фотографии. Да и я был на воинском мемориале, видел следы кощунства".

Дипломат деликатен, и его можно понять. Фронтовики высказываются куда откровеннее: "Это дело рук бандеровцев, которые все наглее верховодят на западе Украины". С ними нельзя не согласиться.

Юрий КИРИЛЛОВ

Фото Геннадия ТЕЛЬНОВА

г. Львов

Василий СЫСОЕВ

Мушавер шурави

Из афганского
дневника

Еще один бой не по учебнику

С группой из 12 человек я вылетел в провинцию Логар для плановой работы. Это всего-то 45 км от Кабула, практически только взлет и посадка. Взлетали, как всегда, по наклонной, а вот посадка была необычной. Наши вертолеты вдруг зависли на высоте 3,5 тыс. метров над большим городом Пулиалам; один из них начал снижаться строго вертикально. Мы неподвижно висели и наблюдали за снижением первого, от бортов непрерывно отстреливались тепловые ракеты. Когда приземлился первый вертолет, стали снижаться и мы, также строго вертикально. Приземлились благополучно. Посадочная площадка была рядом с нашей вил-

лой, и мы пошли пешком. Нас встретил старший группы советников Игорь Петрович Стасевич (тот самый, кстати, который сыграл эпизодическую роль в фильме "Семнадцать мгновений весны", помогая Мюллеру раскрыть убийство гестаповцев, допрашивавших нашу радистку Кэт).

Наши советники в Логаре жили весьма стесненно, по несколько человек в комнате, и нас прибыло 12 человек. До наступления темноты провели совещание, заслушали доклад Стасевича об обстановке в провинции. Обстановка была сложная, царандой контролировал крохотную территорию 2 x 2 км, именно поэтому мы садились строго вертикально — моджахеды беспокоили часто и весьма серьезно. Правда, совсем рядом был батальон 40-й армии, с которым Игорь Петрович поддерживал тесную связь.

После совещания с советни-

ками мы собрали офицеров царандоя, уточнили план нашей работы на неделю. Вечером поужинали и в тесноте, но не в обиде расположились на ночлег. Не успели заснуть, как начался обстрел РСами. Снаряды ложились близко, буквально рядом с убогим забором. Вдруг грохот страшной силы раздался в нашем помещении: снаряд разорвался в комнате переводчиков. Их было четверо, и все чудом остались живы — снаряд был начинен термитом, огненные брызги получил каждый из них. Я сам видел, как на голых телах ярко горели светящиеся капли термита, и затушить водой их не удалось. Хорошо, что с нами был врач, который быстро и профессионально оказал помощь пострадавшим, но ожоги оказались крайне болезненными и опасными.

Наша вила загорелась, все мы выскочили во двор. Сгрудившись, стояли под открытым не-

Окончание. Начало в № 11

бом, а снаряды продолжали разрываться совсем рядом. К счастью, у нас накануне были заполнены водой все емкости, и относительно быстро мы ликвидировали очаг пожара.

Вдруг слышались артиллерийские выстрелы со стороны батальона 40-й армии — наши артиллеристы, видимо, засекли, где находятся установки РСов моджахедов, и накрыли их, так что взрывы снарядов возле виллы прекратились. Утром мы побывали в батальоне и поблагодарили соотечественников за оказанную помощь. Мы продолжили работу по плану, но стали жить еще более стесненно, так как комната, в которую попал снаряд, полностью выгорела, и соседняя тоже пострадала. Правда, уже через день к нам пришли рабочие и приступили к ремонту.

Замечу, что все наши маленькие гарнизоны регулярно подвергались артиллерийскому обстрелу, особенно часто в провинциях Газни, Логар, Каписа, Кандагар, Герат, а провинция Кунар, кроме того, обстреливалась ракетами с территории Пакистана. К великому прискорбию, были случаи гибели наших людей, многие получали ранения и контузии.

Странная война

В феврале 1985 года, согласно плану, вместе с генералом Фаруком и группой офицеров политуправления я вылетел в г.Герат — второй по величине город Афганистана. Летели на Ан-26, время в полете от Кабула до Герата — 40 минут. Был февраль, в районе Герата стояла плотная облачность, снижаться было нельзя, могли зацепиться за гору. Летчик искал просвет в облаках, но его все не было — возможно, залетели на территорию Ирана, так как в воздухе находились более часа. Пилот, заблудившись, принял решение развернуться на 180 градусов и лететь в обратном направлении. В Афганистане от-

сутствовали диспетчерские службы, сопровождающие полеты, поэтому летчики иногда сами принимали решение в сложных ситуациях. Летим обратно. Наконец нашли просвет в облачности, стали снижаться и приземлились на военном аэродроме, связались по радио с царндоем Герата, нам выслали БРДМ и “уазик”. Ждать пришлось недолго.

Я предложил Фаруку ехать в БРДМе, но он отказался и вместе с начальником царндоя, генералом, расположился в “уазике”. Мы с группой офицеров ехали в БРДМе следом. Дорога была очень скользкая: накануне выпал снег, который укатали до ледяной корки, поэтому продвигались медленно.

Через 3—4 км нас обстреляли, реакция была естественной — увеличить скорость, но не проехали и километра, как “уазик” перевернулся вверх колесами. Мы остановились, надо было спасти двух генералов, водителя и адъютанта. Перевернули машину набок, вытащили всех пострадавших и затащили в БРДМ. Водитель находился в тяжелом состоянии, без сознания. Всех доставили в больницу, водитель скончался, не приходя в сознание.

Я впервые оказался в Герате, поэтому вместе со старшим советником объехали город, побывали на постах безопасности, в оперативном батальоне, в подразделениях побеседовали с офицерами, солдатами, потом провели совещания с советниками и офицерами управления царндоя. В Герате обстановка была нестабильной, в городе и окрестностях укрывались многочисленные группы моджахедов, которые периодически нападали на посты, обстреливали управление царндоя, гарнизоны советников. Но наши ребята были неплохо защищены, окна заделаны мешками с песком, двор охраняли две огромные афганские овчарки, поддерживалась связь с полком 40-й армии. Мы уже знали, что нас обстреляют. Действительно, так и произош-

ло, стрельба почти непрерывно велась всю ночь.

Рано утром мы с заместителем командующего царндоем и старшим советником объехали все посты, узнали, что у них полностью израсходованы патроны. Я каждому солдату задавал один и тот же вопрос: “В кого вы стреляли?”. Конкретного ответа не было ни у кого, пожимали плечами: “Кто-то стрелял, и я стрелял”. Стреляя в никуда. Ни одного солдата, к счастью, не убили и не ранили, позже нам стало известно, что и у моджахедов не было ни убитых, ни раненых.

Вот такая бестолковая война. Мы обсудили ситуацию в царндое, я посоветовал в очередную ночь не делать ни одного бесприцельного ответного выстрела, вести ежедневный учет расхода патронов. Это себя оправдало: с нашей стороны не сделали ни одного ответного выстрела, и стрельба моджахедов быстро прекратилась, город мог спать спокойно.

Генерал Сафи

С группой офицеров политуправления я прибыл в г.Шибарган провинции Дзауджан для проведения пропагандистских мероприятий в населенных пунктах. Нас встретил командующий царндоем провинции генерал Сафи, генеральское звание он получил несколько дней назад. Мы искренне его поздравили. На вид генералу было лет 45. Он был в хорошем настроении, любезен и предупредителен. В первую очередь пригласил нас пообедать, после я попросил его показать территорию царндоя, размещение военнослужащих. Он охотно давал пояснения. Во внутреннем дворе управления царндоя поставлен памятник погибшим с фотографиями и надписями под ними, а в самом низу — четыре свободные рамки без фотографий и надписей. Я не удержался и заметил, что не следовало бы делать запасные рамки на памятнике.

Весь оставшийся день мы были неразлучны с генералом Сафи, осмотрели все помещения, подразделения, хозяйственные постройки, гараж, склады. Много говорили о планах на будущее, вместе поужинали, согла-

лись издать массовым тиражом. К вечеру благополучно добрались до Шибаргана, а на завтра планировали выехать в следующий населенный пункт. В царандое нас ждала страшная весть: машина генерала Сафи подор-

вых условиях, но и в примитивных медицинских пунктах даже в центре провинций.

Проводил в последний путь генерала Сафи как давнего друга, хотя пробыл с ним всего один день. Всего сутки назад был живой, счастливый, жизнерадостный человек, полный добрых намерений на долгую жизнь. С горечью вспомнились запасные рамки на памятнике и мое неловкое замечание.

Внутренние войска Афганистана

У истоков создания внутренних войск МВД ДРА стояли наши советники. Это, в первую очередь, генерал-майоры П. Степанов, Н. Кулик, полковники А. Бунцев, В. Капустин. Непосредственное руководство войсками осуществляло Главное управление защиты революции (ГУЗР), которое возглавлял боевой генерал Азимхан Зурмати. ГУЗР выполняло те же задачи, что наше тогдашнее ГУВВ. В каждой провинции дислоцировались батальоны — по сопровождению грузов, по охране гособъектов, оперативные. В отдельных регионах стояли полки, в частности, в Кабуле — оперативный и транспортный.

Афганская сторона настойчиво выступала за создание дивизионного звена. Приводились различные доводы, порой абсурдные — дескать, чем больше будет генеральских должностей в системе МВД, тем якобы выше станет авторитет царандоя. Но мы думали иначе.

Внутренние войска играли ключевую роль в обеспечении стабильности в стране. Так, на них была возложена охрана единственной гидроэлектростанции Суруби, снабжавшей значительную часть населенных

Дерево в Кабуле на память (В. Сисоев — крайний справа)

совали план на завтрашний день. У него на завтра была запланирована небольшая боевая операция в одном из населенных пунктов, которой он пожелал руководить лично. Я с группой офицеров политуправления намеревался выехать в другой населенный пункт, примерно в 30 км от г. Шибаргана.

Рано утром, до наступления жары, мы выехали по заданным маршрутам. Колонна автомашин и БТРов во главе с генералом Сафи из оперативного батальона вышла в нужный нам населенный пункт, благополучно его достигла. Собрали людей, провели беседы, раздали скромные подарки, лекарства, спички. Много фотографировали, корреспонденты собирали материал для журнала и будущей брошюры, которую мы намерева-

вались на противотанковой мине, водитель и генерал погибли мгновенно, двое офицеров были тяжело ранены. Я поспешил в медпункт и увидел ужасную картину: то, что осталось от генерала Сафи и его водителя.

Двое офицеров, которые находились в крайне тяжелом состоянии, лежали на цементном полу, и около них никого не было. Я возмутился, что им не оказывают никакой помощи. Подшедший врач пояснил мне, что они безнадежны, но я верил, что их можно спасти. Срочно вызвали вертолеты. Спасти молодых офицеров не удалось. Оба они умерли в этот же день. В Афганистане, в условиях почти 50-градусной жары, быстро развивалась гангрена, тем более что квалифицированной помощи не оказывалось не только в поле-

пунктов энергией и водой — ирригационный комплекс в Нангархаре, где выращивались цитрусовые, бахчевые, виноград. В провинции Дзауджан под войсковой охраной были нефть- и газовые месторождения, перерабатывающие предприятия. И, конечно, взят был под охрану знаменитый перевал Саланг, по которому обеспечивалась провозка транспорта и грузов через туннель. Он поистине являлся артерией жизни и был наиболее опасным местом. Здесь погибло много людей, разграблено большое количество грузов и материальных ценностей. Туннель через перевал Саланг можно было бы без натяжки назвать дорогой жизни.

В сложных условиях провинций оперативные батальоны, плохо обеспеченные, слабо вооруженные, без резервов и надлежащей поддержки, несли нелегкую службу, вступали в бой с превосходящими силами противника. В их рядах были и офицеры наших внутренних войск — советники командиров полков и батальонов, их заместителей по политчасти. Не все они вернулись на Родину, только на моей памяти погибли подполковник Селиванов, майор Зимаковский, старший лейтенант Файчук.

Комплектованием подразделений царандоя практически занимались только войска ГУЗРа. Части регулярно проводили так называемые «операции по призыву в царандой». Делалось это обычно так. Оперативный батальон окружал населенный пункт, по большей части — кишлак, и выбивал оттуда душманов. Затем в определенном месте собирали мужское население и проводили агитационно-разъяснительную работу. Кто добровольно соглашался служить во внутренних войсках, того, как правило, через некоторое время отправляли на учебу в Советский Союз. Затем пожилых мужчин и малолетних отпускали по домам, остальных увозили на сборные пункты. Поскольку никаких документов у призывников

не было, некоторые «служили» по два-три раза.

Активность внутренних войск в операциях по призыву вызвала неприкрытую ревность у Министерства обороны республики. Сначала оно через ЦК НДПА провело решение, устраняющее МВД от подобных операций. Сразу же резко упала укомплектованность армии и царандоя.

После этого было принято новое постановление ЦК партии, и всех призывников направляли на объединенные сборные пункты, там около 60 процентов мужчин отбирали на комплектование армии, остальных — в царандой. И

каж. Строжайшего запрета, конечно, не было, и многие советники не только участвовали в операциях, но в решающий момент первыми вставали и шли в атаку.

Бывая в полках и батальонах, я убедился, что все прочнее укореняется воинский порядок, укрепляется моральный климат. Вместе с тем видел и слабые стороны. Части в лучшем случае вооружались АКМами, гранатами Ф-1 и РГД, не хватало техники, особенно БТРов, практически не было артиллерии, не считая снятых с вооружения в Советском Союзе минометов. Личный состав, включая офицеров, был недостаточно обу-

Сын полка

все же недалековидное соперничество между армией и МВД породило хроническую нехватку призывников. Так, в северных провинциях укомплектованность частей составляла 60—70 процентов, в южных — 40—50 процентов.

Теперь об участии советских советников в боевых операциях. Руководство представительства не рекомендовало нашим офицерам находиться в боевых поряд-

чен, боевая учеба практически отсутствовала, не встречалось более или менее приличного стрельбища либо учебного поля, да и вообще не было элементарной материальной базы для тренировок. Серьезно расшатывали дисциплину многочисленные случаи дезертирства, для борьбы с этим явлением привлекались части ГУЗРа.

В целом же, несмотря на наличие серьезных трудностей и

Одна из первых в Афганистане женских гимназий в далеком кишлаке провинции Дзаужджан, 1986г.

проблем, внутренние войска республики успешно выполнили поставленные задачи.

К нам приехали артисты

В Афганистане мы всегда с восторгом встречали наших замечательных артистов — Валерия Леонтьева, Тамару Гвердцители и многих других и наслаждались их искусством. В Кабуле посчастливилось дважды слушать концерты Иосифа Кобзона. Его мастерство, вдохновенность, исключительная доброта, отсутствие самолюбования вызывали, кроме восхищения искусством, уважение к этому человеку.

В Союзе Валерия Леонтьева я видел и слушал только по телевидению, и мне, честно говоря, не очень нравилась его манера исполнения песен, но на концерте в Кабуле он абсолютно всех покорила своим мастерством. Меня поразила его сверхчеловеческая работоспособность: два с половиной часа он не уходил со сцены, ни на минуту не делая

паузы, непрерывно пел, танцевал, прыгал, бегал, совершая невообразимые телодвижения, с него лил пот градом. Все это — под гром оваций и крики “браво”, “бис”. В самом конце (всему есть предел) он распластался на сцене, тяжело дыша, секунд через 30 вскочил и в прежнем ритме исполнил песню на бис.

Очаровательнейшая Тамара Гвердцители давала концерты в старом микрорайоне, в кинотеатре. Зал был набит до отказа. Вдруг погас свет (это часто бывало в Кабуле), музыканты покинули сцену, зрители включили карманные фонарики, кое-как осветили сцену. Артистка подошла к пианино, около которого не оказалось даже стула, неудобно наклонилась над клавишами и начала играть и петь популярные песни и романсы. Мне показалось, что концерт получился душевнее, теплее.

Приезжали к нам и артисты кино. Почему-то только женщины — И.Алферова, А.Яковлева, Е.Драпеко — молодые, красивые, обаятельные, талантливые.

В кинотеатре нашего микрорай-

она мы имели возможность смотреть замечательные советские фильмы, в неделю раз — обязательно. Однажды шла какая-то картина о войне, на экране рвались артиллерийские снаряды, а около кинотеатра взрывались снаряды настоящие, и зрители с трудом различали, где взрыв — на экране или за стеной...

Вместо послесловия

Смотрю всякий раз скупые репортажи из Афганистана, и сердце обливается кровью: идет двадцатый год войны, афганцы убивают афганцев. Даже природа оказалась немилостива к этой многострадальной стране: произошло разрушительное землетрясение в северных провинциях, унесшее тысячи жизней; кто в живых остался, оказался без крова, под открытым небом.

Зима. У людей нет ни топлива, ни одежды, ни пищи...

Словом, обстановка все хуже и хуже. Самим афганским руководителям и их оппонентам войну не прекратить. Значит, нужна помощь извне.

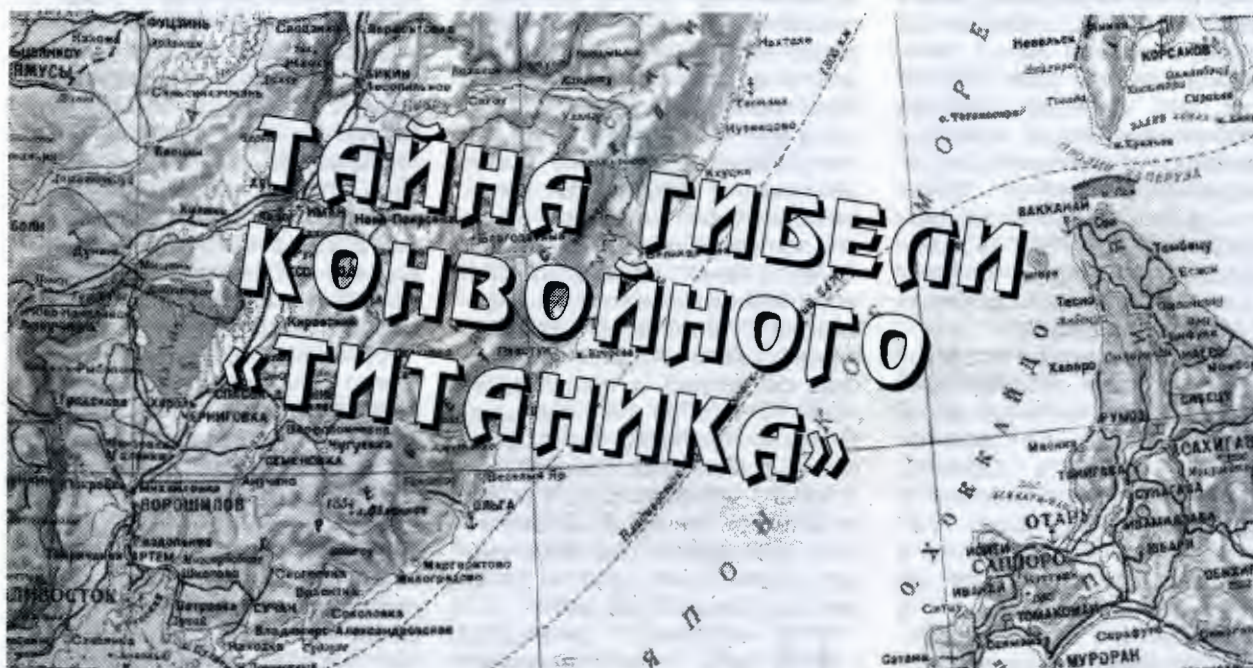
Каким образом и чем надо помочь, кто это должен сделать? Есть ООН, есть многочисленные международные ассоциации, есть богатейшие страны, есть мудрейшие дипломаты, президенты, ученые, политологи, эксперты...

Помогите Афганистану!

Мы, бывшие советники МВД СССР в ДРА, добросовестно работали и решили многие частные задачи, и тем не менее каждый из нас, наверное, по сей день ощущает угрызение совести за то, что не были достигнуты главные цели и задачи: мир в первую очередь, решение экономических, этнических, социальных проблем в Афганистане. Не от нас это полностью зависело, а главным образом, от самого высокого руководства тогдашнего СССР. А ведь многие из тех чиновников и сейчас здравствуют, хотя и остались не у дел, и спят спокойно.

Фото из архива автора

Без грифа “Секретно”

На окраине японского поселка Сарафуцу, что на острове Хоккайдо, на берегу пролива Лаперуза стоит странный, на первый взгляд, монумент: три стилизованные человеческие фигуры, взявшись за руки, образовали круг — символ помощи, взаимовыручки и дружбы. Установлен он в октябре 1971 года в память о погибших пассажирах советского океанского парохода “Индибирка”, затонувшего 12 декабря 1939 года, и во имя увековечения благородного поступка жителей японского острова по спасению терпящих бедствие людей.

Тайна гибели корабля заключается в том, что за прошедшие со дня трагедии почти шесть десятков лет не появилось ни одного официального сообщения об этой морской катастрофе. Будто ее и не было. А дело в том, что “Индибирка”, приписанная к Дальневосточному морскому пароходству, совершая челночные рейсы между Владивостоком и бухтой Ногаево, перевозила засекреченный груз под названием “спецконтингент” — партии заключенных для пополнения колымских лагерей печально знаменитого Дальстроя НКВД СССР. В том злополучном рейсе вместе с невольниками на борту находились их надзиратели — солдаты конвойных войск, а также возвращавшийся из отпусков лагерный начсостав с семьями. Всех их, и кандалников, и тюремщиков, уравнила морская пучина, поглотившая в одночасье в бездну...

Много лет поиском сведений о таинственной морской катастрофе в проливе Лаперуза занимается Георгий Дмитриевич Кусургашев, сам оттрубивший на Колыме от звонка до звонка девять лет. Несмотря на свои годы, а ему за 80, он бодр, подтянут, руку пожимает до хруста, заядлый рыбак. Представитель Горной Шории Кусургашев в 1937 году после окончания Ленинградского института имени Герцена (там учились на полном государственном обеспечении юноши и девушки малых народов СССР) возвратился на родину “нести свет знаний” землякам. Но бдительные разоблачители “врагов народа” “распознали” в любознательном шорском комсомольце, по гроб жизни благодарном советской власти за бесплатную учебу и питание, ярого антисоветчика и участника одной из “повстанческих контрреволюционных организаций”.

Так молодой педагог оказался

на Колыме — одном из самых страшных островов архипелага ГУЛАГ. Хлебнул лагерной жизни сполна: в лютые морозы строил колымскую трассу, добывал золотишко, сооружал малые электростанции — по воле Божьей выжил. На свободе Георгий Дмитриевич увлекся поиском сведений о гибели невольничьего корабля — конвойного “Титаника”. За многолетнюю изыскательскую работу Г.Д. Кусургашеву удалось узнать о трагедии “Индикирки” немало любопытного. Вот его рассказ.

Первый слух об этой катастрофе прошел среди нас, заключенных, в начале 1940 года. Шепотом говорили о том, что пароход, следовавший во Владивосток с лагерниками-инвалидами, направленными на материк в спецлагерь, отпускатниками из числа начальствующего и вольнонаемного состава, солдатами и офицерами конвойных войск, затонул в Охотском море и что пассажиры и команда погибли. Слух подтверждался тем, будто несколько отпускатников из руководства лагеря-прииска Штурмовой, в том числе начальник нашего отдельного лагерного пункта Резников, с Большой земли не вернулись.

Первые сведения о катастрофе появились в печати через пятьдесят лет — в 1989 — 1990 годах. Корреспондент ТАСС Д.Климов опубликовал на эту тему статью. Ему удалось ознакомиться с судебным делом № 156 о гибели парохода “Индикирка”, рассекреченного владивостокским УКГБ в 1989 году, и мемуарами бывшего моряка Георгия Александровича Кима, переданными им Приморскому краеведческому музею. Несмотря на исключительную сенсационность статьи журналиста, никакой реакции официальных властей не последовало.

Подумаешь, затонул пароход полвека назад!

В надежде на то, что подобные события не могли остаться незамеченными японскими средствами массовой информации, я обратился в посольство Японии в России. Оказалось, что в Стране восходящего солнца к пятидесятой годовщине трагедии издана специальная книга. Мемориальный комплекс — место захоронения погибших и монумент в память об этом событии — включен в туристические проспекты. Посольство любезно предоставило подробный рассказ об аварии и проведенных 13 — 16 декабря 1939 года спасательных работах. На основании полученных материалов представилась возможность еще раз попытаться полнее и с достаточной достоверностью восстановить трагические события более чем полувековой давности.

Выполнив очередной рейс с заключенными в бухту Ногаево, пароход “Индикирка” 8 декабря 1939 года вышел в обратный путь, взяв курс на Владивосток. Сведения о численности пассажиров последнего рейса разноречивы. В ночь с 11 на 12 декабря в акватории пролива Лаперуза разразился одиннадцатибалльный шторм. Экипаж во главе с капитаном Николаем Лаврентьевичем Лапшиным из-за мощных зарядов пурги определял курс лишь по компасу. Из-за сильной качки и плохой видимости штурманы допустили роковую ошибку, приняв огонь маяка Соя-Мисаки, установленного на северной оконечности острова Хоккайдо, за проблески другого маяка, находящегося на скале Камень Опасности, и ошибочно определили свое местонахождение.

Кроме того, капитан выполнил неоправданно рискованные маневры. В результате допущенных ошибок около половины

второго ночи 12 декабря 1939 года корабль наскочил на подводную скалу Морской Лев, находившуюся в 1500 метрах от побережья острова Хоккайдо у поселка Сарафуцу. Под днищем парохода раздался страшный грохот, подобный взрыву глубинной бомбы. Судно получило пробоину по всей длине корпуса. Пароход накренился, мощной волной его перебросило через рифы и вынесло на мелководье в 800 метрах от берега в районе Хомаонисибису, где он и лег на правый борт.

Некоторые очевидцы утверждают, что судно подавало сигналы “SOS”. Однако бывший радист парохода рассказывал, что связь с берегом велась только шифровкой. Хлынувшая через пробоину вода обдала всех ледяным холодом. Обезумевшие от страха люди стучали в стальные люки, умоляя выпустить их. Бросившихся на помощь матросов остановил начальник конвоя. Капитан приказал спустить шлюпку с десятью моряками в бушующее море. С большим трудом пятеро из них достигли берега и рассказали о катастрофе жителям поселка Сарафуцу.

Тем временем в рваную пробоину корпуса судна вода поступала с такой силой, что спрессовывала воздух, от чего у людей в закрытых трюмах лопались барабанные перепонки. Пассажиры гибли, в панике давя друг друга.

Через четыре дня после катастрофы — 16 декабря — японским рыбакам удалось добраться до полузатонувшего корабля и вырезать в его борту отверстие. Их взорам предстала страшная картина — перед смертью люди так вцепились в бимсы и шпангоуты, что трупы нельзя было оторвать от них. А море продолжало выбрасывать на берег жертвы, смытые волной с палубы.

Первым в поселке Сарафуцу о

гибели советского корабля узнал рыбак Гиньитиро. В ту ночь на побережье светился огонек только в его доме. Неожиданно в дверь постучали пятеро иностранцев. Мокрые, дрожавшие от холода, они едва стояли на ногах. Хозяин впустил их в дом, усадил у печки. Чтобы согреться, дал выпить крепкой японской водки "Сетю". Из малопонятных объяснений, сопровождавшихся жестами, он с трудом понял, что в море произошла большая катастрофа. Он поднял жившего по соседству брата. Тот сообщил об аварии руководству порта Вакканай.

Начальник полицейского участка порта инспектор Тозиси Исаму приказал судам спасательных отрядов "Сосуй-Мару" и "Карафуту-Мару" незамедлительно приступить к спасению людей. Начальник штаба по строительству оборонных сооружений в округе Соя майор инженерно-строительных войск Танабе Риити, узнав об аварии советского парохода по телефону, лично поднялся на борт зафрахтованного армией судна "Сосуй-Мару" и вышел из порта к месту аварии. Но из-за сильного шторма корабль не смог обогнуть мыс Соя и был вынужден возвратиться.

Днем 12 декабря при первой возможности суда с большим трудом подошли к месту аварии и в течение шести часов сняли с борта 311 человек. Спасательные работы продолжались до 16 декабря, когда в корпусе "Индибирки" было прорезано отверстие и вызволено еще 28 человек. Жители поселка Сарафуцу добирались по ледяному морю до места аварии на лодках и участвовали в спасении людей.

По данным японских газет того времени, всего было спасено 430 человек, в том числе 35 женщин и 22 ребенка. 741 пассажир навсегда остался в мор-

ской пучине. По сведениям наших источников, погибло 770 и спасено 402 человека.

Как видно из приведенных цифр, точных данных о количестве находившихся на "Индибирке" людей нет до сего времени. Все спасенные пассажиры были доставлены в город Отару, откуда на специально прибывшем теплоходе "Ильич" их вывезли во Владивосток. По прибытии домой капитан В.Лапшин и его второй помощник В.Песковский были преданы суду. Капитана приговорили к расстрелу, второму помощнику дали десять лет лагерей.

Казалось, на этом можно закончить рассказ о той давней морской катастрофе. Но, к сожалению, не все в этой истории так просто. Дело в том, что данная "секретная" трагедия высветила психологию устройства советского государства, где отвергались элементарные принципы общечеловеческих норм, христианская мораль сострадания и помощи семьям погибших соотечественников. До сего времени не названы имена и фамилии жертв. Их родственники не оповещены о гибели близких людей. Как будто все они без роду и племени. А вот японские моряки и рыбаки города Вакканай и поселка Сарафуцу, страна которых в те годы находилась в состоянии военного конфликта с нами, не считаясь ни с чем, ценой огромного риска для жизни организовали не только сложнейшие спасательные работы, но и оказали медицинскую и материальную помощь спасенным, обеспечили их благополучное возвращение на родину. Обустроили места захоронения, установили монумент как символ дружбы и взаимопомощи в беде. Ежегодно японцы устраивают поминальные обряды по нашим погибшим соотечественникам. Они продолжают разыскивать спасенных

людей, чтобы пригласить их в гости. К сожалению, их поиски долгое время оказывались безуспешными. И только в 1995 году нашелся один чудом уцелевший в ту роковую ночь — В.М.Варакин, которому было тогда лишь три года.

Японцы в недоумении: почему наша страна многие годы замалчивала трагедию? Им и невдомек, кого они спасали и откуда шел пароход. В туристическом проспекте по поселку Сарафуцу значится: "...Шел советский пароход "Индибирка" с рыбаками и их семьями с Камчатки во Владивосток". А фактически там были заключенные, и большинство из них — "враги народа". Потому-то и спасать их не обязательно, и вспоминать незачем. Если бы трагедия с "Индибиркой" произошла в открытом море, никто бы ничего никогда не узнал.

И последнее. Допустим, что в те приснопамятные времена к заключенным, особенно к так называемым "врагам народа", отношение было исключительно бесчеловечным. Но ведь на "Индибирке" находились корабельный экипаж, группа начальствующего состава Дальстроя с женами и детьми, наконец, подразделение военнослужащих конвойных войск, выполнявших воинский долг и приказ и переносивших все тяготы и лишения колымского жития, подобно заключенным. В чем их вина? В том, что верно служили государству? Сколько их было, несчастных, кто они? Чем и как помогла страна их семьям, или по сей день они числятся "без вести пропавшими"?

Быть может, кто-то из читателей журнала что-либо слышал или знает о трагической истории "Индибирки" и ее пассажиров? Просим откликнуться...

**Записал Юрий ДУРНЕВ,
полковник в отставке**

Поколение победителей

ОРДЕН

«пропавшему без вести»

У терпеливого русского народа для любой жизненной ситуации припасено немало пословиц и поговорок. Одна из самых популярных — «Обещанного три года ждут» — как нельзя лучше подходит к истории награждения ветерана Великой Отечественной войны и внутренних войск В.Я. Корзенкова. Документы по представлению его к российскому ордену, прежде чем оформиться в президентский наградной указ, пробивались через бюрократические рогатки столоначальников ровно три года.

В один из погожих сентябрьских дней в московском госпитале для ветеранов войн № 3 состоялось событие, которое в прежние времена непременно попало бы на страницы газет под броской рубрикой «Награда нашла героя» или «Справедливость восторжествовала». Теперь же оно прошло скромно и незаметно — другие времена, иные нравы...

В полдень по ступенькам госпиталя, утопавшего в осеннем золоте листвы деревьев Лосино острова, поднялась небольшая группа людей — ветеранов ОМСБОН НКВД СССР и сотрудников Центрального музея

внутренних войск МВД России. Им предстояло исполнить почетную и приятную миссию — вручить заслуженные награды (российский орден Почета и памятный знак братской республики «Партизан Белоруссии») находившемуся здесь на лечении восьмидесятидвухлетнему ветерану-омсбоновцу Василию Яковлевичу Корзенкову.

Застарелые боевые раны, печальная память войны, с годами не утихают. Чем больше лет фронтовику, тем острее напоминают они о себе, не дают покоя душе, терзают острой болью старческое тело. Вот и приходится все чаще обращаться к вра-

чам, все больше времени проводить на больничной койке...

В июне сорок первого рабочий Болшевского машиностроительного завода Василий Корзенков добровольно пришел в военкомат и попросил-потребовал направить его на фронт бить фашистов. Просьбу его удовлетворили, и вскоре он стал бойцом единственной в своем роде воинской части — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД. Не многим ныне известно, что это легендарное соединение, сформированное в июле 1941 года на базе спортивного общества «Динамо», является предшественником всех современных подразделений спецназа, независимо от их ведомственной принадлежности. Бригада организационно состояла из двух полков, комплектованных военнослужащими пограничных и внутренних войск, сотрудниками органов госбезопасности и добровольцами — студентами, спортсменами, одаренными специалистами-мастерами. Ее предназначение — проведение разведывательно-диверсионных акций во вражеском тылу.

Боевое крещение красноармеец 1-го мотострелкового полка ОМСБОН Василий Корзенков получил уже в ноябре. После тщательной подготовки его в составе спецотряда под командованием майора М.Н. Шперова направили на Западный фронт. Перед диверсантами была поставлена очень сложная боевая задача: установка минно-взрывных заграждений, сооружение засек и завалов на путях вероятного наступления противника, подрыв мостов и железнодорожных путей, проведение диверсий в тылу врага. «Работа отряда, — говорится в справке, выданной ветерану Российским государственным военным архивом, — проходила в полосе предполья 16-й и 30-й армий Западного фронта при

отсутствии прикрытия со стороны общевойсковых частей, в условиях непосредственного огневого контакта с передовыми частями противника и под воздействием вражеской авиации”:

Действовали омсбоновцы в труднейших боевых условиях, но сознание смертельной опасности приходило к ним много позже, уже после того, как фашистский эшелон, разрываемый на части установленными минами фугасом, летел под откос, а диверсантам приходилось уходить от преследования карателей. На легкие ранения не обращали внимания: наложит санинструктор повязку — и

детства знал каждую тропинку, каждый кустик. Потому с болью в сердце смотрел на то, как его родные края топчет вражеский сапог.

Отряд действовал дерзко. Под откос летели вражеские эшелоны с боевой техникой и живой силой, взлетали на воздух мосты, линии связи и коммуникации, взорванные минами и фугасами, установленными умелым подрывником рядовым Корзенковым. Фашистские каратели сбились с ног, но никак не могли выйти на след неуловимых омсбоновцев. Урон, нанесенный гитлеровцам диверсионным отрядом, был ощутим. В боевой сводке бригады

жить диверсантов-чекистов. Но отряд в открытый бой не ввязывался. Перед ним стояли другие задачи, не выполнить которые было просто невозможно. Более трех месяцев омсбоновцы сражались с гитлеровцами в лесах Смоленщины. В конце июня 1942 года командир отряда получил приказ на выход с оккупированной территории. Сосредоточившись в лесу у деревни Савинки, в десяти километрах от вражеских передовых позиций, омсбоновцы начали готовиться к переходу через линию фронта. Но тут удача покинула отважных бойцов. Гитлеровцы обнаружили отряд и обложили его со всех сторон. Завязался жестокий, неравный бой. Омсбоновцы дрались не на жизнь, а на смерть: до последнего патрона, до последней гранаты. Погибли почти все. Корзенков получил тяжелое ранение в правую руку и в бессознательном состоянии попал в плен. Мытарства в гитлеровских концлагерях, расположенных на территории Белоруссии, продолжались более полугода. Страдания узника усиливали незаживающая рана — правая рука не действовала, рана гноилась. Над пленником сжалились даже его мучители — поместили в лазарет, располагавшийся в одном из лагерей недалеко от белорусского города Борисова. На счастье узника, в лазарете работала медсестрой местная жительница Мария Якубовская. Одновременно она была связной партизанского отряда “Мститель” и помогала советским военнопленным чем могла.

В январе 1943 года с помощью подпольщицы Корзенков совершил дерзкий побег из фашистского лагеря и стал бойцом партизанского отряда “Мститель”. А в это время в штабе бригады был издан приказ об исключении из списков ОМСБОН всего личного состава спецотряда лейтенанта Шевченко “как без вести пропавшего при выполнении специального задания в тылу врага”.

Однако “без вести пропавший” Василий Корзенков, превозмогая боли от незаживающей раны, еще около полугода воевал в составе партизанского отряда, учил народ-

Вручение В.Я. Корзенкову ордена Почета в госпитале для ветеранов войн. Сентябрь 1998 г.

в бой. В одной из операций получил осколочное ранение голени и Корзенков, но не покинул боевых порядков.

В марте 1942 года несколько диверсионно-разведывательных отрядов ОМСБОН под общим командованием майора П.А. Коровина направляются на новое задание — в глубокий тыл фашистской группы армий “Центр”. Отряд лейтенанта Г.Ф. Шевченко, в составе которого находился подрывник Василий Корзенков, действовал на Смоленщине. Здесь Корзенков родился, вырос, с

читаем: “Отряд активно участвовал в разведывательно-диверсионной и партизанской работе, в результате которой было уничтожено 25 эшелонов с живой силой и боевой техникой врага, в общей сложности на 50 суток парализовано движение на его железнодорожных магистралях в р-не Смоленска, взорвано и расстреляно из засад свыше 50 автомашин, тягачей и танков, уничтожено в боевых столкновениях до 100 карателей”.

Фашистское командование изо всех сил старалось найти и уничто-

ных мстителей подрывному делу, по мере сил и возможностей выполнял другие боевые задания. Но продолжавшая гноиться рана никак не поддавалась исцелению и вызывала у партизанских лекарей тревогу за жизнь мастера минного дела. Тогда и было принято решение переправить Корзенкова самолетом через линию фронта на Большую землю для квалифицированного лечения в военном госпитале.

В штабе бригады, узнав что их "без вести пропавший" боец остался жив, порадовались его возвращению и внесли в учетно-послужную карточку следующую запись: "Возвратился со спецзадания в расположение части 17 августа 1944 года с тяжелым ранением, помещен на излечение в госпиталь".

Более полугода провел этот мужественный человек на больничной койке. Сначала лечился в военном госпитале в Свердловске, потом в Центральном институте травматологии и ортопедии в Москве. К несчастью, все старания медиков оказались тщетными: спасти руку им не удалось — пришлось пожертвовать кистью.

Выписался Корзенков из госпиталя лишь в марте 1945-го. Война на исходе. Велико желание отомстить врагу за смерть боевых товарищей, но ему, инвалиду, дорога на фронт закрыта. Надо как-то жить. Корзенков вновь устраивается работать на Болшевский машиностроительный завод — туда, где трудился до войны и откуда ушел на фронт. Несмотря на полученную инвалидность второй группы, проработал фронтовик на родном заводе еще сорок лет. И все эти годы Корзенкову не давали покоя мысли о судьбе своих боевых товарищей, павших на его глазах смертью храбрых в том последнем бою в лесах Смоленщины, но несправедливо числившихся пропавшими без вести. Ветеран в одиночку начинает поисковую работу. Вскоре находит поддержку юных следопытов из школ Юхновского района. Постепенно круг поиска расширяется. К работе подключаются местные власти, школьники, ветераны. Летят

письма и запросы в архивы, военкоматы, советы ветеранов, родственникам погибших. Он устанавливает фамилии и места гибели 178 воинов-омсбоновцев, числившихся пропавшими без вести. Организует их перезахоронение. С помощью нашего войскового главка, а также местных органов безопасности и внутренних дел на могилах воздвигаютсяobelisks с высеченными на них именами павших смертью храбрых воинов-омсбоновцев. Среди них командир спецотряда лейтенант Г. Шевченко, бесстрашные воины М. Ковальский, П. Кураев, И. Орлов — бывшие студенты института физкультуры...

Василий Яковлевич давно поддерживает деловую связь с Центральным музеем внутренних войск. Активно помогает сотрудникам в пополнении фондов и экспозиции уникальными экспонатами и материалами о боевых делах бойцов и командиров ОМСБОН НКВД. Коллектив войскового музея, учитывая огромную работу, проделанную Корзенковым по увековечению памяти павших однополчан, которую с уверенностью можно назвать гражданским подвигом, вышел с ходатайством о поощрении неутомимого ветерана. Командование войск поддержало инициативу. В короткий срок были подготовлены все необходимые документы о представлении В.Я. Корзенкова к награждению орденом Почета. После необходимых согласований и подписания должностными лицами, материалы ушли в инстанции.

А дальше... Дальше начались бюрократические проволочки, поиски несоответствий текста представления с действующим законодательством, переадресовка в другие государственные структуры. В общем-то, в верхах решать вопрос не отказывались, но посоветовали действовать через военкомат по месту жительства награждаемого. Там тоже участливо выслушали и вежливо ответили, что ходатайствовать о награждении орденом ветерана войны не правомочны и порекомендовали обратиться в местную администрацию.

А у них свои аргументы, ссылки на букву закона и положения... Короче говоря, наградные материалы ходили по инстанциям более трех лет. Ровно столько, сколько обозначено в поговорке про обещанное, которое надо ждать три года...

9 июля этого года Указ Президента Российской Федерации о награждении В.Я. Корзенкова орденом Почета был наконец-то подписан. Среди воинов легендарной бригады особого назначения, удостоенных высоких государственных наград за воинские подвиги, есть Герои Советского Союза, немало кавалеров боевых орденов и медалей. Теперь в строю ветеранов-омсбоновцев есть кавалер российского ордена Почета — Василий Яковлевич Корзенков, простой и скромный русский воин и бескорыстный труженик, удостоенный этой высокой награды за подвижнический труд по увековечению памяти павших на поле брани своих однополчан.

...Василий Яковлевич заранее знал, что вручать ему орден будут во второй половине дня и что для этого к нему в госпиталь приедут ветераны-омсбоновцы и старые друзья из музея внутренних войск. Об этом приятном событии его известили накануне. Однако Корзенков, невзирая на недуги, с раннего утра был на ногах, волновался, готовился к встрече гостей. Принимая орден, ветеран неожиданно для вручавшего ему награду протянул для рукопожатия левую руку. Его поблекшие от прожитых лет глаза засветились юношеским огоньком. Расправив плечи, он, как когда-то в 41-м, уходя на боевое задание, принял строевую стойку и по-военному четко произнес: "Служу Отечеству!".

**Полковник
Николай СЫСОЕВ,
Станислав ПЕТРАКОВ,
старший научный сотрудник
Центрального музея
внутренних войск
МВД России**

Фото Сергея НАУМОВА
и из Фондов музея

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Роберт БАЛАКШИН

ВЕНЧАННЕ

ПОВЕСТЬ

Грех юности моея, и неведения моего не помяни.

Псалом 24.7.

1

Виктор Огнев въехал в небольшой латышский городок В. на рассвете. Более двадцати лет не был он здесь. Закончив солдатскую службу, молодым парнем покинул этот край. Сперва часто вспоминал его, потом все реже и реже, но сегодня, когда два часа назад колеса его «Нивы» пересекли границу России и Латвии и за лобовым стеклом замелькали сквозные сосняки на чистых торфяных пригорках, когда на улицах спящих городов взгляд понимающе схватывал, казалось бы, напрочь забытые слова, когда сам воздух, напоенный ароматной хвоей и дыханием отдаленного моря, опал лицо и ноздри ждуще и чутко уловили его, сердце замерло и наполнилось грустным, щемящим чувством встречи с оставленными, забытыми, но бесконечно дорогими местами.

А когда показались городские окраины, волнение так сдавило грудь, что Виктор остановил машину и вышел. Слезы умиления застлали глаза. Вспомнился кадр из «Лотты в Ваймаре», где юный Гете, прижимая к груди томик Гомера, выбегает из дома... И сейчас, в это раннее июньское утро, в лощинах, так же белея, дымился туман. Поднимаясь под лучами солнца, он становился кисейно-прозрачным, и деревья, и здание школы, и стайка пасущихся на лугу овец виделись сквозь эту волшебную кисею сказочной идиллической картинкой. Все было напоено светом. Дружный хор щебетавших в придорожных кустах и деревьях птиц словно пел о радости жизни, о молодости и любви. Казалось, исчезло страшное для человеческой жизни расстояние в два десятилетия и сейчас совершится чудо: с книжкой Гете, купленной в увольнении в рижском «Букинисте», появится сержант Виктор Огнев, 23-летний «старик», которому осталось пять месяцев до дембеля. Он побежит по «прешпекту», как он любил называть эту тополиную аллею. Где-то здесь его ждет Лайма. Как дивно найти ее, схоронившуюся за тенистым кустом, как горяч и волнуящ поцелуй смеющихся милых губ под сенью развесистого, осыпанного мягкими зелеными коробочками созревающих плодов орешника...

Но сержант не явился, как не хлынула с небес водопадом музыка Малера. Все это было давно, все миновало и не вернется никогда.

Взгляд уже спокойнее скользил по округе, отмечая произошедшие перемены. Ветки тополей, которые они сажали вместе с учениками школы на субботнике, вымахали в рослые, ветвистые деревья, образуя боковую аллею «прешпекта». Стадион, где они рубились в футбол, обнесли прово-

лочной сеткой и на нем построили невысокие трибуны...

Виктор тронул машину. Глаза вновь и вновь находили пищу для воспоминаний, сладко будораживших душу. Вот сад — сюда они бегали за яблоками. В то лето на яблоки был такой урожай, что в караулке возле стола начкара всегда стоял полный вещмешок. Три вещмешка он отнес матери Лаймы, которая наварила варенья и поставила двадцатилитровую бутылку вина. Надеюсь на свадьбу. Вот тепличное хозяйство колонии — сюда они совершали налеты за огурцами. Вот клуб — сколько здесь просмотрено фильмов: «Лотта», «Полночный поцелуй», «Большие надежды»... В клуб рота отправлялась строем, а обратно в строй топали только «салаги» да второй год. «Старики» (а срочная тогда была трехлетняя) брели, покуривая, сзади по мосткам или любезничали с местными девчатами у клуба. Ротный смотрел на это сквозь пальцы, лишь бы на поверке все были как штык.

А вот и ее дом. Затаив дыхание Виктор долго смотрел на старинное, словно каким-то чудом оказавшееся здесь, среди неказистых, серых домишек, выложенное из гранитных блоков, с глубокими швами рустовки, хороших пропорций здание (видимо, в былые годы здесь было чье-то поместье). Ни в каких мечтах он и вообразить не мог, что когда-нибудь снова увидит его. Сколько раз он прибегал сюда, насвистывал, бросал букеты полевых цветов вон в то угловое окно! Господи, как печально и сладко ноет сердце!

Времени — половина пятого. В дом идти еще рано: переполошу всех.

Из сумки на заднем сиденье Виктор извлек термос с куриным бульоном, пакет с бутербродами. Наливая в чашку горячий, аппетитно пахнущий бульон, нажал на щитке клавишу магнитофона. Полились печальные звуки прелюдии, их сменила оживленная, искристая музыка бала. Грациозно вступила веселая скрипочка, и до нежнейших нюансов знакомый голос запел арию из «Травиаты»:

— Флора, подруга, уж ночь миновала...

Устало откинулся Огнев на подголовник сиденья. Давненько, давненько не совершал он таких подвигов: почти сутки за баранкой. А самочувствие вполне нормальное. Конечно, немного давит виски. Но это возрастное. «Крепка у меня еще сила», — сказал бы старик Гальба. Вяло улыбнувшись, уже в полусне, Виктор завинтил пробку, а надеть крышку не сумел — заснул, прижав к животу металлический, похожий на артиллерийский снаряд термос.

Где-то над ним, в непостижимой выси, звучал

красивый тенор, а за пультом чертил по воздуху дирижерской палочкой трогательные письма маэстро с седыми, сурово подстриженными усами.

2

Спал Виктор недолго. За это время весенним ручейком блеснула любовь Вердиевых Альфреда и Виолетты, и, когда он проснулся, бедная женщина предсмертным, потухающим голосом прощалась со всем, что ей было дорого на земле.

Солнце поднялось, на улице появились прохожие. Виктор ловил их взгляды, мечтая увидеть знакомое лицо. Увы, никто уже здесь не помнил его.

Узким проходом меж сараев он вышел на задворки. Там, в густой траве, наполовину вросший в землю, по-прежнему лежал мельничный жернов, обвитый двумя лентами железных обручей. И если все забыли Виктора, то этот древний старец, конечно же, помнил, как они с Лаймой сживали здесь звездными ночами и юноша учил возлюбленную находить созвездия. А потом экзаменовал свою ученицу. За ошибочный ответ — штраф — поцелуй. Иногда, смеясь, Лайма ошибалась чуть не в каждом ответе. А однажды, рассердившись на что-то, скороговоркой, не запнувшись, назвала их все до единого, хлопнула Виктора по щеке и умчалась домой.

Погладив шероховатую поверхность жернова, кое-где покрывшуюся замшевыми лоскутками зеленовато-серого мха, Виктор направился к дому.

Двор, поросший мелкой ромашкой, был тот же. Откуда-то знакомо тянуло клевером. Остановившись на крыльце, глядя в манящий сумрак коридора, оттягивая миг наслаждения, когда он ступит туда, Виктор подумал, загадочно улыбаясь, что, может быть, даже воздух в коридоре прежний. Нашли же в египетской пирамиде сосуд с воздухом, которому было четыре тысячи лет. Эта удивительная, неповторимая способность на-

ходиться в дне сегодняшнем и одновременно в мире четвертьвековой давности пьянила его и пронимала до слез.

Любовно скользя ладонью по каменным, выложенным от бесчисленных прикосновений перилам, он поднялся на второй этаж, размеренно, даже как бы торжественно, с холодком волнения в груди постучал в дверь. Вроде бы в те годы дверь была обита другим материалом. Впрочем, эта мелочь забылась.

На его стук никто не ответил. С той стороны двери не приблизились торопливые, шаркающие шажки и ничей голос не спросил: «Кто там?». Виктор постучал еще раз, прижался ухом к обивке. Ти-ши-на.

Неужели она уже не живет здесь? Но как же телеграмма? Нового адреса на ней не указано. Где ж искать Лайму? Через адресный стол? А если она замужем?

Положение, надо сказать, вырисовывалось глупейшее. Отложив все дела, сорваться с места, выдержать бешеную шестнадцатичасовую изнурительную гонку без сна и отдыха, притормаживая, только чтобы перекусить, передумать тысячу дум, переволноваться, воскресить в памяти отгоревшую любовь, воспарить душой и в итоге — очутиться перед запертой дверью. Поделом тебе, дурачина! Впредь будешь знать, как кидаться очертя голову, стоит лишь поманить тебя какой-то ничтожной телеграммкой.

Проклиная бабскую бестолковость и свою доверчивость, неуместную в его годы сентиментальность, Виктор в последний раз ожесточенно треснул кулаком по двери. И еще, и еще!

За спиной его, в квартире напротив тихонько приоткрылась дверь. В узкой щелке заблестели чьи-то изучающие глаза.

— Скажите... — Виктор шагнул туда, где в дверном проеме появилась худенькая женщина в застиранном халатике, с тощей луковкой волос на темени.

Роберт Александрович БАЛАКШИН родился в военном 1944 году. Три года срочной служил во внутренних войсках в Прибалтике, в конвойном полку. После увольнения в запас закончил Вологодский пединститут, участвовал в семинарах молодых писателей. Автор четырех книг рассказов и повестей. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

— Витенька! — бросилась она ему на шею.
«Надежда! — остоленел Виктор. — Лаймина подруга. Но старая-то какая».

— Надя — ты? — Он вежливо снял ее руки со своей шеи, отступил на шаг.

— Кто же еще? Я, конечно, я! — Надя сцепила руки на груди, глаза ее сияли таким счастьем, будто он приехал к ней. — Витюша, родненький! Говорила я ей, что приедешь. — Надя явно жаждала еще раз обнять его, да не решалась. — Заходи же, заходи. Не разувайся, иди так. Не побрезгуй, что в коридор зову, в комнате детки спят.

Наступив на детскую сандальку, перешагнув через валявшийся самокат, Виктор захлампенной прихожей прошел на кухню — крохотный, грязноватый закуток, куда он, бывало, заглядывал с сослуживцами дернуть по стакашке домашнего вина. Надя в те годы была боевая деваха.

— Садись, Витенька, располагайся. — Надя тряпкой обмахнула табуретку. — Какой ты стал представительный, важный. — Она смотрела на него с улыбкой любования и гордости. — Встретила б на улице, не признала.

— Брось ты, какой я важный?! — Виктор встал у холодильника, ощущая ладонью его подрагивание. — А ты все и живешь тут?

— Тут, Витенька, тут. Уж такая я несчастливая, горюю в этой норе с самого рождения. Дому-то этому сносу нет. Позапрошрое лето крышу ремонтировали, табличку нашли, тыща семьсот какой-то год постройки. Порядочный бы дом давно развалился. — Надя принялась жаловаться на свое житье-бытье, и Виктор с грустной улыбкой подумал, что она, в сущности, не изменилась, осталась все той же говорушкой, как поддразнивала ее Лайма. И такой же неряхой — все раскидано где ни попадя.

Он выслушал Надю до конца, узнал о муже-алкоголике, о хулигане сыне, недавно опять залетевшем в СИЗО. Одна радость — дочка да ее дети. Сама дочь живет в Лиепае, муж моряк, внучата приезжают на лето гостить к бабушке.

Виктор, рассеянно слушая, обводил взглядом кухню: плита, шкаф, стол, на стенах полный комплект советской пошлости: Пугачева, Высоцкий, какие-то патлатые барды, на двери уборной пластмассовый малыш мочится в горшок...

Улучив момент, он мягко перебил свою собеседницу:

— Прости, Надюша, а Лайма что, уехала отсюда?

Надя скользнула по нему боязливым взглядом, словно ждала этого вопроса и отдаляла своим рассказом.

— Нет, она тут живет. Сын звал ее к себе: Вилис большую квартиру получил, трехкомнатную, улучшенной планировки, с лоджией, а она не поехала.

— Сын? — ревниво спросил Виктор. — Так она, значит, замужем?

— Нет, нет, — словно уличив его в несуразной глупости, возразила Надя. — Не вышла она замуж, ты что?! Хотя многие сватались к ней, ой многие. Ты-то знаешь, какая она была. А ведь сын твой, Витя, — глухо добавила Надя.

— Какой сын? — Виктор шагнул к Наде, взял ее за плечи. — Ты в своем уме? Ах, прости, пожалуйста, я не хотел, само вырвалось. Нет, ты серьезно?

— Вилис. Твой сын, — бормотала Надя и приложила ладони к щекам. — Так ты вправду не знал, что она тогда осталась в положении?

Виктор опустиллся на детский стульчик возле холодильника, посторонним взглядом смотрел, как Надя суетится на кухне: открывает какие-то шкафчики, звякает чашками, режет на столе хлеб.

— А где же она сейчас? Почему мне никто не открыл?

Надя выронила нож, подошла к нему, обняла за голову и заплакала:

— Умирает Лаймочка наша. Рак. Последняя стадия, доктор сказал. Я пришла ее проведать, она говорит: глянуть бы на Витю хоть одним глазком и умереть. А я ей: давай пошлем телеграмму. «Не приедет он, посылай — не посылай». Насилу я ее...

— Так. — Виктор решительно встал со стула. — Не нужно ничего этого. В другой раз.

— Чашечку одну, с дороги. — Надя подхватила заварной чайник, но Виктор уже не слушал:

— Больница на какой улице?

— Рано еще, не пустят тебя, — догоняя его в прихожей, затараторила Надя.

— Кто это не пустит меня?! Ты чего хоть говоришь-то? — Виктор размашисто шел по двору. — Давай адрес больницы, этаж, палата.

— Я бы съездила с тобой, — семенила рядом Надя, — да дети вот-вот проснутся.

— Ты скажешь в конце концов мне адрес или нет? — перебил ее он, садясь в машину.

3

Виктор догадывался, что едет в этот прибалтийский городок не на радость, не на праздник. Так оно и вышло. Но — сын! Вот уж поистине не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Эта новость так ошеломила его, что на какое-то время, пока он добирался до больницы, совершенно заслонила собой тягостные думы о болезни Лаймы.

Он всю жизнь мечтал о сыне, а жена рожала только дочерей. После третьей забастовала: хватит. Девчоночки выросли — грех жаловаться — до-

мовитые, благонравные, повыходили замуж, и мечту о сыне потихоньку отодвинули, заслонили собой внуки, хотя порой Виктору все же думалось (уже безнадежно) о преемнике и продолжателе рода.

А сын, получается, есть! Взрослый, поднявшийся вдали от него сын. Почему же так случилось? Кто виноват? Он сам? Лайма? Комендант на станции? Родители? Тесть с тещей? Сейчас поздно искать виновников, похоже, виноваты были все, но странно думать — вся жизнь могла сложиться иначе...

В вестибюле больницы плечистый малый баскетбольного роста, в белом халатике до колен и в шлепанцах на босу ногу старательно тер тряпкой на палке-валявке и без того глянцеви́то блестящий линолеумный пол.

— Посещения больных с одиннадцати, читайте распорядок дня, — не поворачиваясь, гнусавым бабьим голоском пояснил он, не отрываясь от тряпки.

— Я приехал по телеграмме. Издалека.

— Разрешение есть? — Верзила прислонил палку к стене, обернулся, вытирая руки о полу халата, и предстал... пожилой женщиной с грубым, мужиковатым, ничего, кроме холодного внимания, не выразившим лицом.

— От кого? — спросил Виктор, дивясь на это чудо природы.

— От Яниса Арвидовича, главврача нашего.

— Понимаете, по телеграмме я. Только что приехал.

— Телеграмму!

Виктор подал ей сложенный вдвое бланк. Санитарка так долго читала, словно это была знаменитая телеграмма булгаковского Лариосика в 63 слова, а не отчаянный, из сердца вырвавшийся зов: «Умоляю. Приезжай хоть на час. Лайма».

— К Лаймочке, значит, — завершив чтение, подытожила санитарка, и что-то похожее на сочувствие утеплело ее взгляд. — Уж не тебя ли она ждет? Виктором звать?

Виктор, улыбнувшись, кивнул головой.

— Не улыбайся, — не одобрила его санитарка, — ты в больнице. Ишь, задорный какой. Паспорт!

Удерживая рвавшуюся наружу улыбку, Виктор готов был поклясться, что этот Сабонис в юбке, сверяя фотокарточку с оригиналом, еще и принюхивается к нему.

— Проходи, — возвращая паспорт, позволила санитарка. — Да не говори, что я тебя пропустила, а то главврач мне голову отвинтит.

«Если дотянется до нее», — подумал Виктор улыбаясь и, накинув на плечи халат, стал подниматься по лестнице.

Шагая длинным коридором, он не переставал поражаться царившей вокруг чистоте. Нечто подобное он видел в кино да, пожалуй, еще в школе сержантов, где старшина не слезал с суточного наряда. Но и школе сержантов было далеко до этой больницы. Здесь все буквально сияло — и вымытые окна, и свежепокрашенные полы, и белые двери. За этой неправдоподобной чистотой забывался даже больничный запах — этот мутный, удушливый коктейль из хлорки, лекарств и нездоровья. В простенках из изящных керамических кашпо к полу свисали зеленые кудрявые гирлянды цветов, а стену напротив украшали картины. Разумеется, репродукции. Исключительно пейзажи. Французские импрессионисты, латыши — Пурвитис, Розенталь, есть и наши — Левитан, Васильев, Поленов.

Веселое вестибюльное настроение давно прошло, и ни чистота, ни картины не могли заглушить нарастающую в душе тревогу. Может, вернуться, прийти попозже?

Унимая заколотившееся в груди сердце, Виктор замер у нужной ему двери. Сейчас он увидит Лайму. С годами она, конечно, изменилась...

В одноместной палате на койке лежала и, очевидно, спала изможденная, совершенно седеющая, коротко остриженная, с провалившимися щеками дряхлая старуха. Несомненно, он ошибся дверью. С подкатившей к горлу тошнотой (как тут жутко пахнет!) Виктор попятился, чтобы выскользнуть назад в коридор, но тут веки лежавшей дрогнули, и во взгляде открывшихся, огромных от худобы лица глаз он прочел то родное выражение, перед которым были бессильны и болезни, и годы.

Губы Лаймы скривились жалкой улыбкой, грудь поднялась на высоком вдохе, веки снова смежились, и светлые ниточки слез пролегли к вискам.

Виктор присел на край койки, с каждым мгновением узнавая Лайму, бережно взял лежавшую поверх одеяла, обтянутую сухой, желтой кожей костлявую руку с черно-лиловыми пятнами гематом от внутривенных уколов, поднес ее к губам.

— Здравствуй.

Она, не открывая глаз, чуть кивнула головой.

— Давно приехал?

— Только что. Сперва к вам завернул. Надежда сказала, где ты.

— Бы-быстро. — Лайма посмотрела на него утомленным, со сбывшейся радостью взглядом, подняла руку, провела по его щеке. — Самолетом, поездом?

— На машине. Самолеты от нас в Ригу теперь не летают, а поездом я бы только послезавтра приехал.

— Долго же ехать. Устал, наверно?

— А что делать? Зато теперь я здесь.

Они помолчали, неотрывно разглядывая друг друга.

— Нагнись ко мне. — Лайма гладила его затылок, шею. Виктор видел ее лоб, милую родинку на левом ухе и глаза, жадно устремленные на него.

— Седой стал.

«Поседеешь тут с вами», — чуть было привычно не отшутился он, но положил ладонь возле ее головы, подмигнул дружески:

— Оба мы с тобой поседели, Разинечка моя.

Лайма открыла рот, словно в приступе удушья, вцепилась в его ладонь и бурно заплакала, целуя ладонь и прижимая ее к мокрой от слез щеке.

— Не плачь, не плачь! Не надо. Успокойся, — растерянно говорил Виктор, не ожидавший, что это давнее, шутовое, только что вспомнившееся прозвище так подействует на Лайму.

— Ничего, — сглотнув слезы, сказала она. — Сейчас пройдет. Господи, всю жизнь... всю жизнь. — Она заплакала еще сильнее, неудержимей. — Не сердись на меня, я знаю, что мужчины не любят женских слез...

— Что ты, разве я могу сердиться на тебя. — Виктор сжал ее руку, а сам думал: как же спросить о сыне?

— Жене своей что ты сказал? — содрогаясь от последних, почти беззвучных рыданий, спросила Лайма. — Как она тебя отпустила? Она ведь у тебя строгая.

Виктор отвел взгляд.

— Я два года назад овдовел.

— Тоже болезнь? — участливо взглянула Лайма.

— Несчастный случай... гололед... переходила дорогу...

— А я вот, Витенька, болею.

— Ничего, даст Бог, поправишься.

Лайма обреченно покачала головой.

В палату кто-то вошел. Виктор оглянулся и вскопчил с койки. Халат упал с плеча, он не глядя поймал его. Если бы даже Надя не сказала ему, он сразу бы узнал этого парня. Сын! Боже мой, какой красавец! Высокий, статный, с шапкой светло-русых волос. Похож на Лайму, но что-то неуловимое в лице, в посадке головы, в уверенном развороте широких плеч напоминало и сержанта Виктора Огнева. Приветливо, со скромной улыбкой первой встречи он поздоровался, как вдруг выражение замешательства пробежало по его лицу. Видно, он тоже догадался, кто стоит перед ним.

— Здравствуйте, — севшим голосом проговорил Вилис, подавая мускулистую ладонь.

— Здравствуйте, здравствуйте, — счастливым взгля-

дом разглядывая родное лицо, словно ощупывая, исследуя каждую его черточку, ответил Виктор.

— Вилис, это Виктор Сергеевич, — представила Лайма.

— Я догадался, мама.

Виктор было уступил сыну место на краю койки, но тот отказался: — Сидите, сидите, — и придвинул к матери табурет.

Лайма, прикрыв глаза, отдыхала, положив руку в ладонь Виктора и пошевеливая в ней пальцами. Отец и сын молчали, исподволь поглядывая друг на друга.

Да, Вилис больше похож на мать, это часто бывает. Ее брови, разрез глаз, что-то в очертании губ и, конечно, в манере говорить. А форма головы, уши — мои. Осанкой же, статью он уродился в деда. Но ведь это же м о й сын! Да-а! Ради этого стоило мчаться сюда, даже рискуя свернуть голову в каком-нибудь придорожном кювете.

— Надолго к нам? — неожиданно спросила Лайма.

Вопрос ее застал Виктора врасплох. Он рассчитывал побыть здесь самое большое дня два-три.

— Поживем — увидим, — уклончиво ответил он.

— Поживи несколько денечков. Не уезжай уж, дождись.

— Чего — дождись? — Виктор сделал вид, что не понял, но тут же не удержался: — Ты что! Не смей думать про это.

— Ах, Витенька! Это так близко, как ты и подумать не можешь.

— Не надо, мам. Виктор Сергеевич, — Вилис метнул на него нетаящийся взгляд, — правильно сказал. Не думай, не говори.

— Хорошо, хорошо. Не буду, родные мои.

4

Лайма страдала, и вместе с нею страдали близкие ей люди.

Старшая сестра ее, жившая в Даугавпилсе, обремененная большой семьей и сама частенько хворавшая, приезжала навещать в выходные дни, а все остальное время обязанности сиделки довелось исполнять Вилису. Весь отпуск он провел у материнской койки. Дни за свой счет начальство давало неохотно, а уйти с работы — страшно, попробуй найди ее потом в наше время. Семья у Вилиса была по современным меркам изрядная — старшему сыну пять лет, полгода назад жена родила двойню — мальчика и девочку. Так и получалось, что ночью Вилис дежурил у матери, а днем крутил баранку автофургона (он работал шофером на хлебокомбинате) и за эти месяцы вымотался

ВЕНЧАНИЕ

до крайности. Приезд Огнева мог стать для него большим облегчением.

— Конечно, тебе нужно отдохнуть, — сказал Виктор сыну. — И в первую очередь как следует отоспаться. С машиной шутки плохи, так и до беды недолго. Я подменю тебя.

...В палату зашла санитарка, сделала уборку, потом умыла Лайму. За ней в палату впорхнула тоненькая, хрупкая, как стрекоза, медсестра, поставила Лайме градусник, украдкой осведомилась у Виктора, кто он. Он назвался дальним родственником.

— Разрешение у вас есть?

— Конечно, — соврал он.

В коридоре, за дверью палаты послышались оживленные голоса.

— Утренний обход, утренний обход, — защебетала вбежавшая медсестра, поправляя подушку у Лаймы и выравнивая край одеяла. — Ой, что сейчас будет! — Она вскинула бледные пальчики к белоснежной кружевной накидке на воздушно взбитых белокурых волосах, метнулась обратно к двери, но тут же отскочила.

В палату хозяйской походкой вошел сурово насупившийся крепыш в белом в обтяжку халате, докторской шапочке и со стетоскопом на шее. Стекла очков в тонкой золотой оправе воинственно поблескивали.

Увидев Виктора, он изумленно вскинул левую бровь, что-то отрывисто спросил по-латышски. Виктор понял лишь первое слово: «Здравствуйте».

— Простите, я не знаю латышского языка, — начал было он. — Я приехал...

— Почему посторонний человек в палате? — грозно спросил врач.

— Ему разрешили, — робко сказала тоненькая медсестра.

— Кто?

— Он сказал, что вы.

— Какая беспардонная ложь! — возмутился врач. — Да кто вы такой?

Если бы Виктор и впрямь не солгал, он бы непременно заметил, что не нужно так громко и резко говорить рядом с больной. Но, не желая усугублять свой проступок, сказал смиренно:

— Я приехал сюда из России. По телеграмме. — И, как санитарке в вестибюле, подал ее врачу.

Румянец, вспыхнувший на щеках главврача, отозвался розовыми пятнами на его лбу, подбородке, шее. Сжимая трубчатые, прозрачные жилы стетоскопа, он не моргая смотрел на Виктора. В его взгляде было и любопытство, и задумчивость, и что-то еще, очень глубокое, давнее, чего Виктор понять не мог.

— А-ах, так это вы, — наконец вымолвил доктор,

словно узнавая его, хотя Виктор этого врача видел первый раз в жизни.

Впрочем, врач тут же овладел собой, в глазах его появился прежний блеск, он назидательно, как будто читая нотацию дошкольнику, заметил:

— Лгать нехорошо, некультурно.

— Я понимаю, — согласился Виктор.

— Ничего вы не понимаете, — вкладывая в эти слова какой-то недоступный пониманию Виктора подтекст, в той же громовой тональности продолжил врач. — Итак, кто вам разрешил пройти сюда?

— Никто. Я сам прошел.

— Что значит — сам?! Вы там, у себя в России, распорядитесь как хотите, а у нас мы вам этого больше не позволим. У нас к больным проходят не сами, а только с разрешения главврача. Так что немедленно очистите помещение!

— Янис, — простонала Лайма, приподнимаясь на локтях над подушкой. — Не надо...

— Да что вы! — чуть не вскрикнул Виктор. — Я мчусь, позабыв все, к... больной женщине, а вы меня выгоняете.

Врач подошел к Лайме, дотронулся до ее лба, о чем-то спросил и, катая желваки, не оборачиваясь, сказал:

— Вы превратно истолковали мои слова. Никто вас не выгоняет, но для посещения больной вам необходимо сначала получить разрешение.

Виктор сдержался и сказал как можно спокойнее:

— Господин главврач, — (крепко презрительно глянул на него через плечо), — я приехал издалека, получив известие от Лаймы Радзины о ее болезни. Прошу вашего разрешения навещать ее.

— Разрешаю, — сухо отрезал тот. — Но на время утреннего обхода и лечебных процедур требую оставить медицинское учреждение.

5

Телеграмма, адресованная на старую квартиру, где Виктор давно уже не появлялся, не один час плутала по городу, прежде чем разыскала его.

Как и большинство людей его возраста, Виктор Сергеевич Огнев жил устоявшейся, отлаженной жизнью, когда все главные решения уже приняты, когда заучены правила, которые если и не всегда делают жизнь приятной, то, во всяком случае, без необходимости не усложняют ее, и человек идет по жизненной тропе, как неумолимый путник, не имеющий права на остановку. Путник этот одолевал пригорки, спускался в низинки, однако большей частью продвигался по равнине привычных, одинаковых, как стершиеся от долгого употребления пятаки, дней.

Телеграмма была вестником из другого мира, из другой жизни, где многое было внове. Ее коротенькие строчки пробили плотину будней, и в брешь ринулся неистовый поток воспоминаний, сметаая все на своем пути.

Из глубины стола Виктор извлек самодельный ватманский конверт со своими армейскими письмами и фотографиями. Ребята-сослуживцы, офицеры, летний лагерь, строевой плац... Все вспомнилось вдруг сразу. Он захлебнулся воспоминаниями. Первые дни в части, отбои, подъемы, передвижения только строем, два месяца взаперти без увольнений, тоска по дому, школа сержантов, караулы, конвои, переезд роты в небольшой прибалтийский городок, шум прибора на взморье, полковые поверки, гром оркестра, братское кладбище в Риге, письма из дома, экскурсия на табачную фабрику, приезд матери, марш-броски, ночные стрельбы, самоубийство ефрейтора из первой роты, юбилей полка — все ворвалось в комнату, забурлило, заговорило, запело, закомандовало, замаршировало, зацвело давно поблекшими красками, зазвучало давно умолкнувшими звуками, повеяло давно отлетевшими ароматами. Словно дрогнула, как гора при землетрясении, вся его теперешняя, законопаченная от всяких сквозняков и треволнений, обихоженная, самодовольная жизнь. И над этой жизнью, и над прежней встала — ОНА.

...Над океаном пробудившихся воспоминаний, как солнце над суетой дней, плыла дивная красавица, краше которой никогда не было и не будет на земле. Ее чистый светлый лоб украшал потемневший от древности искусной чеканки серебряный венец, который носила в девичестве еще ее прабабка. Вились по воздуху две пурпурные ленты, скреплявшие края венца, а за плечами красавицы струилась шлейфом, плескалась, как Млечный Путь среди звезд, чудо-коса. Льняное длинное платье с орнаментом Видземской волости по подолу облегалo красавицу. Как звезды сияли ее глаза, как песня звучал ее голос. Как малина на солнечной знойной вырубке, что неподалеку от казармы, были алы и сладки ее губы. И эта красавица любила его, его одного.

Красавица плыла над воспоминаниями, как облако над землей в лунную ночь, смотрела из многолетней дали на него, но смотрела теперь уже грустными, потускневшими, выпланными глазами. И как крик нестерпимой боли, как вопль утопающего летел к нему зов телеграммы...

Конечно, рассуждая здраво, трезвым умом делового, степенного человека, а не безрассудным сердцем пылкого юноши, ехать никуда не следовало. Да, когда-то они любили друг друга, но кто не бывал в юности влюблен? А сейчас кто они

друг другу? В общем-то, чужие люди — с разными вкусами и привычками, взглядами на жизнь. Приехать к когда-то близкому, а нынче практически позабытому человеку, вымучивать из себя слова приветствия, вытягивать из души клещами осколки воспоминаний, выражать сочувствие, жалость?.. Ведь как ни скудна информация, содержащаяся в телеграмме, ясно, что ничего хорошего его там не ждет. Лайма, по всей видимости, серьезно больна, если не при смерти, и зовет его проститься. Не будет пользы от этой поездки, одни ненужные переживания. Съездишь, вернешься с разбитым сердцем, с растревоженной душой...

А воспоминания накатывались тяжкими волнами прибора, кропили душу освежающими брызгами, и правильные, скучные выводы житейской мудрости слабели под их напором, таяли, как глыбы весеннего льда на берегу.

Все эти годы, десятилетия он мечтал побывать там, в том тихом латышском городке, где оставил частицу самого себя, но прятал эту мечту, загонял вглубь, топил в делах и заботах.

Надо, надо поехать! Ты должен, обязан. В память о прежней любви. Поехать, чтобы потом не казнить себя, не изводить себя запоздалыми, никому уже не нужными сожалениями о том, что человек позвал тебя, а ты не захотел услышать его зов, не захотел перешагнуть через себя, не бросился на помощь с нерассуждающим юношеским порывом.

Решено. Еду! Тогда за дело! Первый звонок в гараж: «Подготовьте через час «Ниву» для дальней поездки», второй секретарю: «Назначенное на завтра совещание с представителями лесобиржи переносится на следующую неделю. Принесите товарищам мои извинения. Чрезвычайная ситуация». Третий звонок — младшей дочери:

— Ларочка, я уезжаю на пару-другую дней. Не скучайте без меня.

— Куда, если не секрет?

— В Прибалтику, в Латвию.

Дочь закашлялась и, чтобы скрыть смущение, пошутила:

— За новой мамой?

У Виктора не было тайн в семье. Он рассказывал о своей холостой жизни, о годах бурной юности.

— Я получил оттуда тревожную телеграмму. Пойми, я обязан поехать. Приеду, все расскажу.

— Конечно, поезжай. Прости, если я неудачно пошутила. Будь осторожен, о Латвии сейчас такое в газетах пишут...

— Не беспокойся, все будет хорошо. А насчет газет, ты помнишь, что говорил по этому поводу

профессор Преображенский своему ассистенту Борменталю?

Дочь засмеялась.

В кабинет, постучавшись, вошел дежурный вахтер и доложил, что машина у подъезда...

6

На почте Виктор отправил домой факс, что доехал благополучно. Затем прогулялся по центру города. Улица Ленина переименована в Рижскую, не горит Вечный огонь у мемориала героям войны, много только латышских вывесок, хотя попадаются и старые (видно, руки еще до них не дошли) с параллельным русским текстом.

Былое напоминало ему о себе на каждом шагу. Вот в этом зале они играли в волейбол с командой ГПТУ. Тут разгружали по просьбе городских властей огромный рефрижератор с мясными консервами, а в книжном магазине в увольнении ему как-то привалила неслыханная удача — он купил Тютчева и ночью, после развода смены на посты, упивался в караулке его стихами.

Однако воспоминания уже не вызывали в душе светлой, элегической грусти, их поглощала, закрывала собой картина виденного утром в больнице. Да и сама реальная жизнь противоречила идиллическим воспоминаниям. В универмаге, где раньше беспрепятственно покупал тетради, иглы, нитки, полотно на подворотнички, он вздумал теперь купить подарки дочерям, а внуку заводную машину. Однако ему не продали ни того ни другого. И даже в такой копеечной вещи, как записная книжка, отказали. Явная бессмыслица: сырье для бумажной промышленности республики ввозится из России, а продукт из этого сырья приезшему россиянину приобрести невозможно. В Латвии действовали визитки на приобретение всех промышленных товаров...

На улице с крыльца универмага Виктор увидел за деревьями белевшую церковь. Когда-то на службе он и не замечал, что она так близко. Со всем по-евангельски: будете видеть и не увидите.

В храме заканчивалась обедня. Певчие на клиросе нестройно тянули: «У Великого Господина и Отца нашего...» Поставив свечи у иконы дня на аналое, у Распятия, у храмового образа преподобному Сергию, Виктор подошел к кресту.

— Вы не могли бы задержаться на минутку? — подавая ему крест для целования, неожиданно спросил священник.

Недоумевая, зачем он мог понадобиться, Виктор отошел к образу Богородицы Семистрельной (Умягчение злых сердец) у левого клироса и ждал тут.

Стоявшего на амвоне священника накрывал полог солнечного света, падавшего в южные окна храма. Выходя из тени большой пилястры, прихожане (по преимуществу старушки и пожилые женщины) вступали в эту область света, где посверкивал приближавшийся к их губам напрестольный крест, вздрагивала прозрачная борода священника, что-то говорившего им, и блестела мягким колом обтекавшая его золотистая риза.

Символически всю Церковь можно представить домом света, только света незримого, таинственного, который принес на землю и проповедовал словом и делом Сын Божий.

Недоумение Виктора разрешилось скоро. В печи, где пекут просфоры, прогорел под. Для его починки привезли два поддона кирпичей. Крана нет, сбрасывать кирпич на землю — не по-хозяйски, а машину нужно отпустить поскорее. Не подсобит ли он в разгрузке?

Подумав, как странно действительность порой переключается с воспоминаниями, Виктор сразу согласился.

Машина с кирпичом уже стояла на хозяйственном дворе. Виктор проворно забрался в кузов, открыл с шофером борт, надел рабочие рукавицы и, оглядывая сверху уже образовавшийся живой конвейер, провозгласил:

— Поехали!

Работа закипела.

— Доброго помощничка нам Господь послал, — улыбочиво сказал отец Валерий, принимая работу. — Не местный? Не встречал я вас раньше в храме.

Виктор сказал, откуда приехал.

— Из далеких палестин к нам пожаловали. А вы, случаем, не печник? Уж больно ловко у вас с кирпичами получалось, — оглаживая Виктора взглядом незлобиво васильковых глаз, спросил батюшка. — Я смотрел и любовался.

— Да нет.

— Какими же судьбами к нам?

— Да есть тут дело одно, — стесняясь посторонних, отговаривался Виктор.

— Ну что же, — не обидевшись, что не получил прямого ответа, сказал священник, — да поможет вам Бог свершить его как положено. Приходите, будем рады вас видеть.

Виктор спешил в больницу в приподнятом настроении. Усталость от долгой дороги, правда о болезни Лаймы, перепалка с врачом, все, что лежало жестким грузом на сердце, смягчилось в церкви. И радостно было, что он потрудился для храма.

Дома, в его приходской церкви, отец-настоятель относился к нему с чрезмерным почтением, что

тяготило Огнева. А здесь он был никто: не глава фирмы, не известный человек в городе, а обыкновенный, рядовой верующий, раб Божий, как и все. И эта простота общения облегчающе светлила душу.

7

Оставшийся до вечера день Виктор провел в палате. Рассказал Лайме, где был, что видел, припомнил утренний эпизод с хамоватой санитаркой.

— Ее у нас милиционером зовут, — сказала Лайма.

— И всем она тыкает?

— Кроме Яниса. Он ее умеет приструнить.

Думалось, им будет о чем поговорить, воспоминания потекут рекой. Былая близость давала возможность говорить о самом сокровенном, отбросив условности житейского этикета. Однако боязнь Виктора нечаянно, случайно, неосторожным намеком пробудить былую боль обманутых, несбывшихся надежд Лаймы заставляла его помалкивать о прошлом. Они говорили только о детях. Виктор рассказывал о своих дочерях, о внучке Олежке, занятом четырехлетнем карапузе, которого не оттащишь от пианино — видимо, будущий музыкант растет. И ненасытно выпрашивал о Вилисе: каким он был в детстве, что читал, чем увлекался, в какие ходил кружки в Доме пионеров. Сын почти точь-в-точь повторял его: был таким же непоседливым, бойким озорником, но учился хорошо, рос пытливым, любознательным, незлым мальчишкой, и за это ему многое сходило с рук.

Было заметно, что Лайме эти воспоминания приятны, ей нравится заново переживать минувшее вместе с ним.

А когда в шестом часу вечера сам Вилис пришел с работы, они уже втроем смеялись над его детскими шалостями и проказами, за которые, случалось, попадало от матери.

— Неужели и ремнем? — спросил Виктор.

— Бывало, — ответил Вилис.

— А я своих детей не бил, — оплошно сказал Виктор, но было уже поздно.

— Кто же девочек бьет, — заметила Лайма. — А Вилис... Если б у него был отец...

...Поскольку главврач дал разрешение, Виктор думал, что оно включает в себя и ночные дежурства, но Лайма сказала, что для этого требуется особое дозволение.

«Прямо как допуск на секретный объект», — подумал Виктор и с неохотой направился к главврачу.

Янис разговаривал по телефону. Его кабинет был меблирован самым обычным образом: письменный стол, застекленный с трех сторон шкаф с

лекарствами и инструментами, дерматиновая кушетка, а рядом с ней — раковина и полотенце. На отдельном столе компьютер и ксерокс. Длинный ряд стульев вдоль свободной стены. Но была в кабинете и своя изюминка. Даже две. Одна обрадовала Виктора, а вторая...

Над кушеткой в стильной раме из багета висела репродукция картины Каспара Фридриха «Лето», простенок же над головой врача занимала большая черно-белая фотография военного в мундире с аксельбантами и тучей звезд на победоносно выпяченной груди. Какое несовместимое соседство: творение романтического мастера и какой-то во-яка. Вкус у хозяина преоригинальный.

Положив трубку, главврач указал Виктору на кресло возле стола, что-то спросил по-латышски. Но, заметив замешательство гостя, спохватился:

— Ах да. — Он снял очки, протер их кусочком сложенного в несколько раз бинта. — Так что у вас?

— Я вижу, вы любите Фридриха? — надеясь навести дружеский мостик, сказал Виктор.

— Я слушаю вас. — Главврач сквозь очки не мигая смотрел на него.

— Янис Арвидович, вы знаете, что состояние Лаймы крайне тяжелое, она нуждается в постоянном уходе. Разрешите мне дежурить у нее ночью.

— Не могу, — отозвался тот с интонацией, яснее ясного говорящей, что вопрос этот обсуждению не подлежит. — К тому же у нее есть сын, невестка.

— У невестки трое детей, она не...

— Возможно.

— А Вилис днем работает. Он недосыпает уже...

— Стоп! — поднятой ладонью остановил его врач. — Что вы за ахинею здесь несете? Кто-то недосыпает... У кого-то трое детей... Какое я имею к этому отношение?! Подумайте сами, вы же взрослый человек, а не какой-то мальчишка. Как я могу оставить на ночь в больнице человека, который неизвестно кем приходится пациенту: ни муж, ни сват, ни брат... Вы даете себе отчет, о чем вы просите?

Виктор встал, перевел дыхание.

— Янис Арвидович, зачем же так?! Конечно, я человек не без недостатков, грешный, но зачем же думать обо мне невеста что?!

— Да что вы, — с веселым любопытством посмотрел на него врач. — А кто вам сказал, что я о вас плохого мнения? Я готов верить, что вы кристальной души человек. Но я подчиняюсь инструкции департамента здравоохранения...

— Инструкция инструкцией...

— ...Которая гласит: ночью в лечебном учреждении, кроме медицинского персонала, разрешает-

ся находиться только родственникам больных. Надеюсь, вы не станете утверждать, что относитесь к таковым?

— Может, мы все же поладим с вами? — не сдавался Виктор. — Я состоятельный человек, могу оказать вам материальную помощь...

— Что-о?! — вознегодовал врач, кладя руку на телефон. — Взятка?

— Я предлагаю не лично вам, а больнице... Это можно оформить как дар.

Главврач ткнул пальцем на дверь.

— Янис Арвидович...

— Не дожидайтесь, чтоб я вызвал полицию. Вы свободны. И потрудитесь к двадцати ноль-ноль покинуть больницу.

Гнев, злоба, отчаяние душили Огнева, пока он шел к палате Лаймы. Что, что он сделал, чтоб с ним так разговаривали?! Ведь Янис паясничал, глумился, смеялся ему прямо в лицо: «А кто вам сказал...», «Кристалльной души человек...», «Ни сват, ни брат...» Давно, очень давно никто с Виктором не разговаривал таким тоном. Да и он такого себе не позволял. Как ни бывал утомлен, раздражен и даже зол на работе, со всеми, вплоть до сторожей и уборщиц, держался в рамках корректности. А сейчас он был глубоко оскорблен.

И за что его третируют? За добрый порыв души! О как хотелось бросить в лицо этому пустоглазому хаму в белом халате, что он черствая и тупая скотина, а не главврач. Но нужно было молчать и терпеть. Нужно было смириться, проглотить обиду. Ради Лаймы, ради сына. Нужно что-то придумать, на что-то решиться.

В палате он скупко рассказал о случившемся. Лайма, пригорюнившись, только вздохнула, а Вилис с мрачной решимостью на лице ринулся к двери.

— Пустите меня, — вырывался он из рук Виктора, убеждавшего его не делать глупостей. — Пустите, я ему все скажу. Он издевается над вами. Вы не знаете почему, а я-то знаю...

— Замолчи! — пронзительно закричала Лайма и, задыхаясь, упала на подушку.

Прибежала сестра с кислородной подушкой, сделала укол, отчитала обоих за то, что нервничают больную, которой необходим полный покой.

— Ну и фрукт, этот ваш главврач, — когда все улеглось, сказал Виктор. А только что бушевавший Вилис прыснул в ладонь.

— Что такое? Я неправильно выразился?

— Очень правильно. В самую точку. Его фамилия

— Аболс, по-латышски — яблоко.

Виктор улыбнулся нечаянному каламбуру.

— В общем, с милиционером с первого этажа они два сапога пара.

Лайма помолчала, словно раздумывая, говорить или нет, и все же тихо сказала:

— Ты ошибаешься. Янис — хороший, добрый человек, но такой... — Она замолчала, подбирая точное слово.

— Упрямый, своенравный, — подсказал Виктор.

— Нет, нет.

— Вредный, твердолобый, — съехидничал Вилис.

— Пунктуальный. Вот, — прошептала Лайма. — Ему нужно, чтоб все было по правилам. Позовем его сюда. Я сама попрошу.

— Никого звать не нужно, — возразил Виктор. — Зачем создавать заведомо тупиковую ситуацию. А если он упрется и затянет узел еще туже? Тут надо иначе... Ты согласна стать моей женой?

8

Солнце уже уходило за лес, и воздух пронизался зыбким вечерним светом, когда Виктор, измученный и опустошенный, поднимался на второй этаж дома Лаймы. Перед тем он ходил в церковь, надеясь застать там отца Валерия и условиться о завтрашнем дне. Но храм был заперт изнутри, сторож долго гремел ключами, наконец узнал его, откинул засов, назвал адрес священника.

Ну денек! Один такой стоит полжизни.

В изнеможении Виктор плюхнулся на диван, ослабил галстук. Сумерки обволакивали его невесомой сиреневой мглой, запеленывали в уютный кокон сна, возвращая туда, где его Лайма молода и здорова и они сидят у нее в укромном девичьем жилище, на этом самом диване, пьют чай за столом и громко, беззаботно хохочут.

— Виктор Сергеевич, вы здесь? — неожиданно вывел его из забытья голос Надежды.

— Да. — Виктор, мгновенно проснувшись, встряхнул головой, выпрямился. Он, кажется, заснул, но ведь спать не имеет права, пока не делает еще одно важное дело.

— Что без огня-то?

— Включи, если хочешь.

Яркий свет хлестнул по глазам.

— Вы здесь решили ночевать? — спросила Надя, присаживаясь на другой конец дивана.

— Ничего я не решил. Лайма сказала, чтоб сюда ехал, и ключ дала. А ты что это со мной так официально?

— Ну как же, — глуповато хихикнула та и потупилась. — Вы теперь такой человек...

— Прекрати, прекрати немедленно! — оборвал ее Виктор. — Что ты на самом деле?! Мы с тобой

старинные друзья. Пожалуйста, без глупых церемоний.

Надя улыбнулась, помолчала, затем спросила:

— Узнала она тебя? Чего сказала? Как все было то?

Не один уже час сторожившая его у окна, она жаждала услышать захватывающий рассказ о встрече двух влюбленных после многолетней разлуки, рассказ из тех, до которых так охочи женские сердца, и не будь Виктор так измучен, он охотно бы пошел ей навстречу и даже присочинил одну-другую душеспитательную подробность (от чего же не сделать человеку приятное), но сегодня он лишь сухо и в общих чертах рассказал о встрече с Лаймой, попутно посетовав на грубость и резкость врача.

Разочарованная, далеко не удовлетворенная его рассказом, Надя была рада и этой зацепке.

— Ты, Витя, русский, потому он с тобой так и разговаривает.

— Какая разница: русский — не русский.

— Ты что?! Его от слова «русский» трясет! После войны у него кого-то не то убили, не то посадили, когда латыши по лесам-то бегали. Он у нас первый горлопан на латышских митингах. Когда памятник Ленину на землю сбрасывали, так это он петлю ему на шею накиннул, а потом еще краску какую-то в рот ему лил. А все стояли вокруг и ржали.

— Он же врач. А врач не может и не должен делить людей по национальностям.

— Может! Этот все может. Ой, Витенька, какие у нас дела творятся, тошнехонько. Солдатики погибли в войну, так на братском кладбище в одну ночь все тумбочки на могилах скovyрнули. И мертвым-то покоя не дают. А под немцами разве сладко жилось? Старые латыши рассказывают, как те насильничали да грабили, в особенности перед концом. Трудно, Витя, жить, тяжело, чисто с ума все походили. В магазине продавщица — с первого класса знакомы, на танцах вместе парням головы морочили, — теперь она как будто немая, вырчит глаза: «Говори по-латышски, а то хлеб не продам». Ой-ей, за что измывательство такое? Ну пусть я плохая, пусть я дура, что за сорок с лишним лет латышский язык не выучила, а на кой ляд мне учить-то его было, если сами латыши кругом только по-русски и трепались. А сейчас как его выучить, уже и память не та. Так оставьте меня на старости лет в покое, чего я вам худого сделала. Всю жизнь комбинату ихнему отдала, ни дня прогула, благодарностей в трудовой книжке два вкладыша исписано, грамотами хоть всю стену заместо обоев обклеивай. На них ведь я горбатилась,

не на себя одну. А чего заработала — варикозное расширение вен да астму.

Читая газетные сообщения о событиях в Прибалтике сразу после распада СССР, Виктор не очень-то им верил, он делал поправку на неминуемое советское вранье. А поди ж ты, на этот раз все оказалось правдой.

— О Янисе я вот еще что скажу тебе. Он к Лайме-то по молодости дважды сватался, да оба раза от ворот поворот получил. Потому он против тебя и настроен. Лайма-то красавица была писаная, что актриса в журнале, да уж ты-то знаешь. А у евонной жены и посмотреть-то не на что, ни тут, ни там — как костяшка домино: пусто-пусто.

Надя, злорадствуя, иллюстрировала рассказ жестами, но Виктор уже не слушал ее.

— Надюша, — он провел рукой по лицу, словно снимая с него липкую паутину, — поговорим обо всем в другой раз. Ладно? Вымотался я за день, хочу отдохнуть. Один вопрос: ты свободна завтра часов с девяти до полудня?

— Конечно, — заинтригованная поворотом разговора, отозвалась Надя. — Чего сделать-то нужно?

— Видишь ли, я женюсь на Лайме, свидетельница нужна.

Надя, по-детски разинув рот, уставилась на него.

— Женишься? — насилу вымолвила она. — Она же не сегодня завтра...

— Ты согласна? — оборвал он ее.

Надя оторопело затрясла головой, попятилась из комнаты, не сводя с Виктора растерянного и вместе с тем радостного взгляда.

— Пакет на кухне... на столе... — Виктор, безвольно уступая сну, стягивал рукав пиджака, сплывал с ног полуботинки. — Ребятам твоим гостинцы...

9

В детстве ничто не говорило, что из Лаймы Радзиня вырастет красавица. Веселая резвушка, она ничем не выделялась среди сверстниц. Вместе с ними прыгала через скакалку, играла в «классы», дразнила мальчишек, шила платья для кукол, а зимой ходила кататься на гору, что заливалась на крутом, почти отвесном берегу реки, и к зависти многих мальчишек и восторгу подруг в числе редких смельчаков могла сомчаться с эдакой крутизны, стоя на ногах. Летом их класс отправлялся в походы к Турайдскому замку, Буртниецкому озеру, в этнографические экспедиции по дальним и ближним хуторам, собирая для школьного музея

старинные вещи, записывая дайны, сказки, воспоминания старожил.

И вдруг к шестнадцати годам о Лайме заговорили все. С милыми чертами лица, голубыми глазами, длинной, пушистой косой, с грудным певучим голосом и горделивой осанкой она кружила головы как ровесникам, так и парням из старших классов. Чтобы посмотреть на нее (а если повезет — и станцевать), на школьные балы приходили ребята из других школ.

Ухажеров было не счесть, то и дело поблизости от дома ее подстерегал воздыхатель с букетом цветов, но Лайма ко всем относилась одинаково ровно, если не сказать безразлично. Никто из поклонников не мог похвалиться ее благосклонностью. Ее обзывали гордячкой, недотрогой, воображалой, пророчили ей остаться в старых девах, распускали нелепые слухи и сплетни.

Как же все были потрясены и возмущены, когда по городу разнеслась весть, что красавица Лайма гуляет с солдатом из конвойной роты. Ведь солдат — это перекаати-поле: сегодня здесь, завтра там. Нет более ненадежных, не принадлежащих себе людей, чем они. Тщетно убеждали ее в этом и мать, и сестра, и школьная учительница, которую мать призвала на помощь. Привыкшая сизмальства жить по-своему, Лайма не слушала никого. Мать, говорившая вначале обиняками, не выдержав, открыто объявила, что бывает с безмозглыми дурами, доверяющими солдатам. Отчаявшись разубедить дочь, она отхлестала ее подвернувшейся под руку авоськой. Запылав румянцем, Лайма не уклонилась от ударов, выдержала их все, а потом убежала из дома и двое суток не являлась на порог.

Постепенно улеглись слухи, остыли поклонники, смирилась мать, но был один человек, который не мог и не хотел отступать. Янис Аболс — заводила городской молодежи, честолобивый умный юноша. Он не спускал глаз с Лаймы, давно думал о ней как о невесте. Учились они в разных школах, но были знакомы по репетициям детского, а потом молодежного городского хоров. И ведь одному Янису Лайма позволяла провозить себя домой.

— Неужели нет среди ребят латышей, кто бы мог понравиться тебе? — упрекнул как-то он ее. — Зачем ты выбрала чужака?

Лайма не нашлась что ответить. Действительно, иногда она испытывала что-то вроде стыда, что полюбила не земляка, но ничего не могла с собой поделать. Она думала о любимом дни и ночи и росистым июльским утром не раз выходила к тополю на дороге, мимо которого рота пробегала на зарядку, чтобы увидеть, как Витя махнет ей рукой.

Янис задумал подкараулить новоявленного Дон-Жуана и задать ему хорошую трепку, но, верный доброй семейной привычке, посоветовался с матерью, а она сказала отцу. Отец сурово отругал сына, приказал выбросить дурь из головы. Во-первых, сердцу не прикажешь и кулаки скверный аргумент в любви, хотя, конечно, достойно сожаления, что такая девушка, как Лайма, увлеклась пришлым солдатом. Будем надеяться, что жизнь образумит ее. А во-вторых, ты что, забыл о моем старшем брате, твоём дяде? Ты подумал, как могут неумные люди (а их немало вокруг) истолковать эту драку? Ты понимаешь, как это может аукнуться на твоей судьбе, мечте стать врачом?

Отец, как всегда, был прав. Получив аттестат зрелости, Янис уехал в Ригу, поступил в медицинский институт, надел заветную форменную студенческую кепочку с золотым позументом по околышу, а в середине первого семестра он узнал, что произошло то, что предрекали опытные люди: кавалер Лаймы уехал восвояси, оставив соблазненную девушку беременной.

Теперь каждую субботу Янис, едва звонок возвещал окончание последней лекции, спешил на вокзал и, досадуя на черепашью скорость пригородного поезда, три часа тащился до родного городка. В доме Лаймы он просиживал вечера за чаепитиями, нянчился с младенцем, врачюя его детские хвори. Однажды зимой, в день ее рождения, Янис примчался на такси из Риги. Лайма, поднимаясь в гору у Симоновской церкви, везла санки с малышом. Он поздравил ее, вручил подарок, и тут — словно у него открылись глаза, словно он овладел каким-то иным, внутренним зрением — он увидел: прежней Лаймы нет. Угасла, умерла ее пленительная красота. Бессмысленно, напрасно ждать ее любви.

После института Янис стажировался в ГДР, защитил кандидатскую, женился, воспитал сына и дочь, тоже ставших врачами, и вот теперь, спустя столько лет, впервые увидел того, с кем хотел решительно объясниться четверть века назад. Какая гримаса судьбы: лицом к лицу они сошлись у койки умирающей возлюбленной!

Выше среднего роста, худощавый, подтянутый, чуть ссутулившийся, с пристальным, но не наглым взглядом доброжелательных серых глаз, этот Виктор Огнев имел редкое обаяние, которое дополняет, но чаще заменяет внешнюю красоту. Янис не мог отрицать, что человек этот приятен, даже симпатичен ему какой-то своей врожденной интеллигентностью, благородством слов и жестов, умением держать себя с достоинством и уважать это достоинство в других. Пожалуй, сегодня Янис был

с ним чересчур резок, несправедливо придирчив, хотя инструкцию департамента здравоохранения и надлежит исполнять неукоснительно, но ...

Из домашнего кабинета доктор Аболс перешел на веранду, поднял оконную раму. Из палисадника пахло цветущей сиренью, вдали слышался плеск порожистой реки, а в кустах вдруг ударил длинной ликующей трелью соловей...

«Какая же у них была любовь, — подумал Янис, и прежняя досада, зависть болезненно ожили в душе, — если и через столько лет, когда даже родные теряют и напрочь забывают друг друга, он все-таки приехал к ней?»

10

Желтая полоска солнечного луча переползла с гобеленовых оленей на спинку дивана, потом на его лицо.

Виктор повернулся на бок. Полежать еще минут так пять и — подъем.

Вот здесь она и жила, его голубка. Ширпотребовский гобелен на стене, шкаф, швейная машинка у окна, старый комод, круглый стол, вешалка с проволочными крючками. На комодике две вазы из цветного стекла с бумажными цветами. Даже удивительно — все как-будто из прошлого времени, никакой современной мебели.

Как причудливо прядется нить жизни! Мог ли он подумать два десятилетия назад, что проснется на диване в этой комнате и будет думать о женитьбе. О женитьбе на угасающей, изможденной страдающей женщине. Хотя... За те часы, что проведены у ее постели, он все сильнее видел в ней ту, далекую его Лайму.

«Не надо пускать в душу дурных мыслей, зазорно любить себя больше других. Эту станцию ты уже проехал, и ни к чему на нее возвращаться», — думал в такие минуты Виктор...

Он поднялся с дивана, убрал постельное белье в нижний ящик комода, прочел дневное Евангелие, выгладил и надел свежую белую рубашку, повязал галстук. Из самодельной, выпиленной лобзиком фанерной шкатулки на комодике достал паспорт Лаймы, перебрал лежавшие под ним фотокарточки. На обороте одной из них обожгла надпись: «Вилис. 16 лет. Точная копия Витеньки».

На середине комода под стеклом его остановила композиция — вырезки из газет конца шестидесятых годов: молодые Магомаев, Кристалинская, Кобзон, ноты песен «Тополя», «Королева красоты», «Не спеши». Тут же веером открытки с рижскими видами, а в центре — фотография молодого разгильдяя с сержантскими погонами, сидящего на

столе для чистки оружия в расстегнутой, как говаривал старшина, «до пула» гимнастерке.

«Где она ее взяла? — отчего-то без радости разглядывая самого себя, подумал Виктор. — У меня такой нет».

Он в грустном раздумье облокотился на комод. Боже, что за сердце! Какая душа! До него только сейчас дошло, что вся квартира — это маленький музей памяти того сержанта. Время здесь остановлено, как в доме мисс Хэвишем...

В дверь постучали. Это пришла Надя.

В машине Виктор вручил ей листок с перечнем всего, что нужно купить, деньги и высадил ее у городского рынка.

11

Отец Валерий, одетый в светло-бежевый летний костюм, с саквояжем в правой руке, о чем-то разговаривал с женщиной за свечным ящиком. Службы сегодня не было, лампы и свечи не горели, безлюдная церковь выглядела пустынно, что придавало ей, построенной во второй половине XIX века, вид древнего христианского святилища.

Виктор перекрестился, подошел под благословение.

— Добрый день, добрый день, — заговорил священник. — Вы не ели с утра?

— Нет.

— Тогда я Дары возьму, — он направился к алтарю, — а вы оформляйте квитанцию, покупайте что нужно.

Церковным притвором, на своде которого Христос воздел благословляющую десницу, они вышли на улицу.

— Скажите, Виктор Сергеевич, — спросил вдруг отец Валерий, — а вы заручились согласием Яниса Арвидовича?

— На что? Чтобы он разрешил мне жениться?

Священник усмехнулся, погладил бороду и уже на улице сказал:

— Нет, до такого мы еще, слава Богу, не докатились, но, понимаете, Янис Арвидович... может попросту не пустить нас в больницу.

— Не имеет права!

— Имеет. Я от всей души приветствую ваше благое намерение покрыть грех блуда венцом, и прекрасно, что невеста согласна, но разрешение посетить больницу, школу, места заключения, как и раньше, дает администрация. Янис Арвидович, по единодушному мнению, специалист в своей области замечательный, возможно даже — выдающийся, но его характер... И к тому же нынешние ненормальные обстоятельства, эти националистические страсти...

— Как-нибудь прорвемся с Божьей помощью, — улыбнулся Виктор.

— Вам легко говорить.

— Батюшка, — припомнив вечерние причитания Нади, спросил Виктор, — неужели на самом деле все так серьезно?

Отец Валерий с легким прищуром, словно взвешивая, можно довериться или нет, посмотрел на Виктора.

— Присядем.

Они опустились на скамью у могильной ограды. Позади них возвышался крест из черного полированного мрамора. На кладбище веял легкий ветерок, шевеля свисавшие над могилой ветви плакучей березы.

Отец Валерий поцарапал сухим прутиком землю.

— Вы у себя в России, Виктор Сергеевич, представить не можете, в каком положении нынче находятся мои прихожане, просто русские люди в Латвии — вчерашние медсестры, ткачихи, учителя, вдовы офицеров. Оказаться на склоне лет ненужными мужу, детям — тяжело, но, к прискорбию, это не столь редкая жизненная ситуация, и люди как-то терпят, живут дальше. Но оказаться ненужным стране, в которую ты жизнь свою вложил, отдал ей свой труд, талант, свое счастье видел в ее счастье, а тебя сейчас из нее выгоняют, — это тяжелее неизмеримо. Сколько отчаяния, горя в людских сердцах, сколько людей несчастных руки на себя накладывают. — Отец Валерий переломил прутик, положил обломки за могильную ограду. — И словцо-то какое для русских позорное отыскали, выволокли из какого-то грязного чулана — «оккупанты». Это мы-то оккупанты?! Мы... на этой земле с двенадцатого века, она преобильно напоена русским потом и кровью. Издревле русские князья помогали латышам в их борьбе с Ливонским орденом. Название нашего города происходит от имени псковского князя. Монгольское нашествие обескровило Русь, пресекло дружеские связи и вплоть до позапрошлого века эту землю рвали на куски то Ливонский орден, то Польша, то Швеция, то Дания. Только оказавшись в составе Российской империи, латышские земли Латгале, Курземе, Земгале и наша Видземе собрались в единое целое. Своим созданием как географическая, территориальная единица Латвия обязана России. Национальное движение латышей в девятнадцатом веке, когда они начали осознавать себя народом, а не сборищем батраков и прислужников у остзейских немцев, связано с Россией и поддерживалось ею. Первая газета на латышском языке вышла в Петербурге, в Риге напечатать ее было просто невозможно. Первый певче-

ский праздник, важнейшая веха в процессе латышского самосознания, был проведен под покровительством Александра Второго. Местная немчура всячески противилась этому, она знала: песня сильнее меча и пули. Создателю эпоса «Лачплесис» поэту Андрею Пумпуру, кстати, впоследствии офицеру русской армии, мечтавшему учиться дальше, немецкий пастор, человек образованный, Гомера на латышский язык переводивший, сказал, что для латыша довольно и приходской школы. Поэтому не удивительно, что все основоположники современной национальной культуры Латвии учились в университетах, консерваториях, академии художеств России. Музыка — Витол и Кальниньш, скульптура — Зале и Залькалн, архитектура — Бауманис, живопись — Пурвитис и Розенталь, литература — Райнис и Розитис. В латышском фольклоре отрицательные герои — черт или немец, но ни в коем случае не русский. Народную душу не обманешь...

Хотите стать независимым государством? Ну становитесь, только зачем же людей топтать, которые кроме добра вам ничего не сделали. На исповеди такое приходится слышать, что, если б не священный сан, впору с ума сойти. Но без надежды нельзя жить! Бог, вы знаете, орду переменял. Со временем и здесь все уляжется, вернется в доброе русло. Жили здесь русские до сорокового года, никто их не третировал, гражданами второго сорта не считал. Но, к сожалению, люди очень падки на дозволенный грех. А ведь в богословском, духовном смысле любовь выше национального, Бог — есть любовь, а истинный Бог не имеет национальности. Национальность есть только у племенных божков...

На ограду соседней могилы села синичка. Покрутила бойкой головкой, что-то пискнула, словно прислушиваясь к их разговору. Легкое дуновение ветра взъерошило нежный желтоватый пушок на ее грудке. Собеседники, посмотрев на нее, неожиданно подумали об одном.

— Ах, Боже мой! — Отец Валерий, засмеявшись, по-детски приложил ладони к щекам. — Заговорились мы. Бог ведает, может, дадут нам в больнице от ворот поворот, и все же нужно ехать. Надо же еще вам в загс завернуть.

— Батюшка, — увлеченный ходом мысли священника, уже в машине спросил Виктор, — но тогда в высшем, духовном смысле для войн, революций нет никаких оснований. Отчего же они происходят?

— Если все люди уверуют, что Бог един и Он — любовь, тогда не будет и войн. Но до этого, вы сами понимаете, еще очень далеко. К тому же люди склонны забывать Подателя всех благ, склонны

создавать идолов и поклоняться им с большим жаром, чем Творцу. Примеров тому не счесть — от древних иудеев и до Гитлера. Забыли Бога, создали себе из арийской расы идола, а идолы требуют человеческих жертвоприношений.

12

Заведующая загсом, полнощекая, тучная латышка, с темными кудряшками и короткими, толстыми пальцами в золотых кольцах и перстнях (ни дать ни взять продавщица из овощного магазина где-нибудь в средней полосе России), не дослушала до конца Виктора, сбивчиво и путано излагавшего свою просьбу:

— Я все поняла. Зачем вы так волнуетесь, — мягко и даже (Виктору показалось) ласково сказала она. — Когда это нужно? Сегодня, завтра?

— Сейчас.

Заведующая на минуту задумалась, полистала перекидной календарь на столе, черкнула в нем карандашом, затем вынула из сейфа большую, широкую книгу и коробочку с печатью.

— Идемте, — сказала она. — Вас Виктором Сергеевичем звать?

— Да. — Виктор засмеялся. — Я вижу, обо мне чуть не весь город наслышан.

— А что вы смеетесь? — выходя на мраморную лестницу, по которой счастливые молодожены обычно поднимаются в зал торжеств, говорила заведующая. — Городок наш невелик, все друг другу знакомые да родные. А с Лаймой мы подружки с малых лет. Она, Надя и я — неразлучная троица. Я о вас еще с тех давнишних пор и знаю.

На последней ступеньке лестницы заведующая остановилась и, по-учительски строго глядя на него, словно только что поймала в школьном коридоре за шиворот и приволокла в учительскую отчитывать, сказала:

— Признаться, я была худшего мнения о вас. Скажите чистосердечно, разве нет вашей вины в том, что Лайма сейчас на краю жизни? Ах, мужчины, мужчины!

Виктор молчал, опустив голову, отворяя перед ней стеклянную с начищенными медными ручками дверь загса.

— И Валерий Андреевич с нами? — спросила заведующая, увидав священника в машине.

— С вами, Алида Фрицевна, с вами. — Отец Валерий приподнял соломенную шляпу.

— Вы регистрируете гражданский брак, а батюшка обвенчает нас, — пояснил Виктор.

— Одобряю, одобряю, — сказала та, садясь в машину.

— Я ж говорил, прорвемся! — окрыленный лег-

костью, с какой уладилась проблема с загсом, заметил священнику Виктор.

— Цыплят по осени считают, — постучав пальцами по саквоюжу, ответил тот.

— О чем это вы? — заинтересовалась Алида.

Виктор поделился опасениями.

— Кого это он не пустит? Меня не пустит?! Да я всю его больницу по кирпичику разнесу. Меня, к моей Лаймочке?! Я в тюрьму хожу людей расписывать. Да я этого главврача еще в школе...

У городского рынка с двумя бокастыми, раздувшимися сумками и огромным букетом белых роз их ждала Надя.

Женщины обрадованно вскрикнули, увидев друг дружку, и в машине начали быстро о чем-то шептаться.

13

Мелкая кирпичная крошка, покрывавшая главную дорожку больничного парка, уныло похрупывала под ногами.

Отчаянно твердя про себя: "Господи, помилуй!", Виктор шел к крыльцу больницы, а на нем, словно по закону подлости, стоял в окружении сестер грозный главврач. Размахивая и показывая рукой то туда, то сюда, он что-то резко выговаривал им, как полководец, рассылающий с поручениями своих адъютантов.

Вот он заметил приближавшихся, сложил руки на груди и с холодным вниманием стал ждать, когда они подойдут ближе.

— Любопытно, куда это следует столь внушительная делегация?

Виктор поставил сумки на землю, глянул на побледневшего отца Валерия, на Надю, втянувшую голову в плечи, на подобрывшуюся Алиду, и все заготовленные слова разом вылетели из головы. Ему подумалось вдруг, что это венчание нужно не только им одним с Лаймой. Оно нужно и отцу Валерию, и Наде, и Алиде, и даже... врачу.

— Дорогой Янис Арвидович, — глядя прямо в глаза главврача и стремясь перелить в его душу все лучшее, доброе и кроткое, что было в нем, заговорил Виктор. — Когда-то я служил в вашем городе солдатом. Здесь я встретил Лайму Радзиня, и мы полюбили друг друга. Но затем расстались. Так получилось, что Лайма родила и воспитала... нашего сына. Это правда, я не знал о нем. Когда Лайма тяжело заболела, я приехал сюда. Чтобы как-то загладить, пусть частично, искупить свою вину перед ней и, может быть, придать жизненных сил, я решил жениться на ней.

Среди медсестер прошелестело то ли испуганное, то ли радостное движение.

— Конечно, все делается с ее согласия, — продолжил Виктор. — И я думаю, вы не станете препятствовать нам...

Ироничная улыбка мало-помалу уходила с лица Аболса, сменяясь вздумчивой серьезностью. Внимая словам этого чужого ему всем своим существом человека, Янис находил в его лице, голосе, взгляде что-то такое, чего не видел и не хотел видеть и слышать еще вчера. Беззащитная правдивая искренность, одухотворявшая его слова, обезоруживала, покоряла. Соединяясь с ним взглядом, пропуская его взгляд к себе в душу, он все больше видел в нем не заезжего чужака, не бывшего соперника, а человека, который может заблуждаться, ошибаться, но сегодня он страдает, он стучится в твое сердце с добром, любовью, и нельзя не откликнуться, не пойти навстречу, если ты считаешь себя человеком.

— Проходите. Разве я против... Да как вы могли подумать...

Помедлив, пока Надя с сестрами переоденут Лайму, они все вместе вошли в палату.

Лайма выглядела поздоровевшей, в глазах исчез сухой страдальческий блеск, побледнела желтизна лица, с губ не сходила праздничная улыбка.

В самом начале произошла заминка. По закону требовалось два свидетеля. Со стороны невесты тут все понятно, но у Виктора во всем городе был только один близкий человек — Вилис, который в свидетели не годился.

— В крайнем случае разрешается и без свидетеля, — сказала Алида.

— Уж лучше бы все-таки, чтобы делалось по чину, — промолвил отец Валерий, выкладывая из саквояжа на два сдвинутых стула все потребное для совершения таинства. — А кто же жениху венец над головой держать будет?

— Тоже мне — гордиев узел. Разрубить некому... — заворчал главврач. — Если не возражаете, и я могу помочь...

Лайма счастливо прикрыла глаза.

...В палате сизоватым туманцем колыхался душистый дым ладана. Еще не высохли капли святой воды, которой священник окропил всех присутствующих (больные особенно старательно склоняли головы под кропило) и стены палаты, на подоконнике стояли порожние бутылки из-под шампанского, а на полу золотился комочек конфетной фольги — свидетель скоротечного свадебного пира.

— Как жаль, что Вилис на работе, — сказала Лайма. — Он был бы так рад.

— Порадуется еще. — Виктор надел ей на руку янтарный браслет — свадебный подарок.

— Что же я тебе подарю, родной мой? — рассматривая браслет, спросила Лайма.

— Живи дольше, это единственный подарок, который я хочу получить от тебя.

Он откинулся на спинку стула и продекламировал:

*В твоём мире живя,
Душа беспечна.
Будь жизнь долга твоя,
Держава вечна!*

— Твои стихи?

— Куда мне. Это Гете.

— Помню, помню, — отозвалась Лайма, — какое-то другое его стихотворение ты мне читал когда-то. Длинное-предлинное.

— Наверно, "Коринфскую невесту". А что ты еще помнишь?

— Как звезды учил находить. Я все эти годы глядела на небо и вспоминала твой голос.

— Теперь мы навсегда вместе. Персей спас Андромеду от морского чудовища и женился на ней. — Виктор поднес к губам ладонь Лаймы, некогда горячую, полную и упругую.

14

Они любили друг друга безумно и нежно, а расстались нелепо и — кто мог подумать! — навсегда. Поссорились из-за какой-то чепухи, которая в тот же день забылась, а вечером ротный собрал "стариков" в ленкомнате и сказал:

— Хочу вас, орелики, обрадовать: звонил командир полка, разрешил уволить первых трех человек. Вы выполнили наш уговор, в канун Октября и сами не допустили нарушений, и молодых удержали от глупостей. Так что теперь сами решайте, кого отпускать первыми.

Ротный вышел. Все примолкли. Дембель, которого ждали три года, о котором мечтали караульными бессонными ночами, на стрельбище, в кухонных нарядах, в классах политподготовки — вот совсем рядом. Кто-то завопил: "Ура-а-а!", все подхватило, и принялись обниматься. Чтобы не было обиды, кому ехать первыми, порешили кинуть жребий. Выгребли из карманов имевшуюся наличность, отобрали шестнадцать трехкопеечных монет, штыком дневального поместили три из них и высыпали все монеты в пилотку. Один поцарапанный медяк и достался Виктору.

Вечер промчался в суете сборов: надо почистить, смазать и сдать оружие, получить у старши-

ны парадный мундир в обмен на хэбэ, дембельские сапоги...

После отбоя он побежал к Лайме мириться, а она показала характер и укатила к сестре в Даугавпилс.

На другой день в штабе полка Виктор получил проездные документы, простился с друзьями в батальоне, а вечером московский поезд повез его домой.

Ребята-однополчане и солдаты из других частей, понятное дело, сразу "загудели". Он уединился от них в тамбуре, и только показались огни Даугавпилса, в нетерпении открыл вагонную дверь. Проводница отругала его, и это оказалось из рук вон поганой приметой.

Прямо на перроне, чуть не возле вагона его сцапал патруль. Рванул бы он от них (ищи ветра в поле!), как не раз бывало в самоволках, но с чемоданом не побегаешь, да и с какой стати он, "дембель", будет от кого-то бегать?! Ведь отслужил, отбухал законное, можно же по-людски договориться.

Начальник патруля, толстопузый, туполобый, с красным, как перец, носом лейтенант (видать, из бывших старшин), и слушать его не захотел, повел к коменданту. А комендант, тощий, как шомпол, черный не то от злости, не то от общей паскудности своей натуры майор, зашипел, складывая губы куриной гузкой:

— Как же ты посмел, растакая мать, сойти в Даугавпилсе, если на то нет разрешительной отметки в проездном документе?

— Я имею право, как любой пассажир, сделать в пути остановку до трех суток, — возразил Виктор.

— А я влуплю тебе сейчас не трое суток, а "червонец", — захрипел майор, — тогда ты все спознаешь о своих правах! Ты покудова солдат. Вот съешь шинель, тогда делай что хошь.

Вместе "с веселым другом чемоданом" его заперли в камере. Изнемогая от бессильной ярости, проклиная всех комендантов на белом свете, Виктор мерил камеру шагами, как лев в клетке, впервые за три года возненавидев и шинель, и погоны, и все остальное. Чтoб показать курве-коменданту, что не боится он ни его самого, ни обещанных десяти суток ареста, он раскрыл чемодан, откупорил бутылку рижского бальзама, купленного на вокзале в подарок отцу, нарезал колбасы, черного хлеба, последний раз взятого на полковой кухне, расположился на полу и стал прихлебывать.

За этим занятием и застал его майор.

— Герой, — кисло хмыкнул он и, чтоб напоследок еще сильней унижить его, спросил: — У вас в конвое все такие? — Он выдержал паузу, за время которой тщеславное сержантское сердце успело

горделиво возлететь к небесам, и добавил: — При-дурки! Собирайся! Ишь, расселся, понимаешь ли, растакая мать, как Теркин на привале!

В вагоне подошедшего следующего московского поезда, куда его затолкал все тот же выслужившийся из "кусков" красноносый лейтенант, он "нарезался" с горя с незнакомыми дембелями так, что проснулся уже в самой матушке Москве.

Дома, что ни день, подъезжали отслужившие друзья-приятели. Дни летели в чередѣ долгих пирушек. Рассказам, песням, воспоминаниям не было конца. Стыдно, но первое письмо Лайме он послал едва ли не через месяц. В ответ пришло длинное, на листках из ученической тетради, дышавшее любовью послание: как она скучает и ждет его.

А он уже жил... в преддверии свадьбы. Юная нареченная ему невеста была так хороша, наивно-доверчива и мила, родители с обеих сторон так спешили увенчать сватовство свадьбой, что Виктор не устоял.

Отец Поли — так звали его нареченную, занимал видный пост в обкоме, и родные, и соседи, и знакомые все уши прожужжали вчерашнему солдату о завидной доле: "Дураком будешь, если упустишь такой шанс".

Да можно подумать, он сам был против, упирался изо всех сил. Нет, он с молодой охотой бросился в объятия новой любви. "Ну так что же, — утешал себя. — Сбегал же Гете от своих возлюбленных. Лотта, Рика, Лили Шенеман"... Какую только подлость, какое предательство не оправдаешь тьмой исторических примеров, которые толпятся, как продажные шлюхи, угодливо предлагая себя. Зато с каким трудом разыскиваются образцы верности и жертвенной любви!

Писем от Лаймы больше не было. Годы спустя Поля призналась, что буквально на другой день после свадьбы увидела в почтовом ящике письмо с обратным латвийским адресом и, не читая, сожгла его. Да и мать, оказывается, спрятала еще два или три таких письма. Потом был срочный вызов на междугородный разговор. На телефонную станцию ходила Полина, его же тогда не было в городе, он уезжал в командировку...

Легко все списать на обстоятельства, отразить укоры совести привычной фразой: так сложилась жизнь. А если взглянуть на прошлое свое честно, то сразу станет ясно — обстоятельства не возникают сами по себе, их создаем мы сами. Тебе отказали в штабе полка сделать отметку в документах. Штабистов можно понять: у них приказ — поскорей выпроводить дембелей за пределы республики, чтобы чья-нибудь пьянка или драка не легли пятном на часть. Можно понять (по тем же

причинам) и коменданта, труднее его извинить: неужели нельзя было обойтись без оскорблений. Но ты же несколько дней гулял с дембелями, с которыми подружился в поезде. А надо было переодеться в "гражданку", и через сутки ты снова в Риге. А как ты повел себя дома?..

Впрочем, что теперь вспоминать и думать? Ничего не передумаешь и назад не вернешь! Будущее туманно, прошлое невозвратно, добро и зло рождаются в настоящем.

15

Позвонив домой, Виктор поставил "Ниву" на платную стоянку и безвыходно "поселился" в больнице. Ночью дежурил у койки Лаймы, разговаривал с нею, если она не спала, менял сырые простыни и клеенку, протирал пролежни, изредка поил клюквенным киселем (есть она уже ничего не могла), а когда Лайма забывалась сном, по совету отца Валерия шепотом читал Псалтырь.

В первую же ночь в палате по соседству умер мужчина — крупный, красивый здоровяк, неделю назад разбившийся на мотоцикле и все эти дни не приходивший в сознание. Медсестре и двум санитаркам было не под силу водрузить тело на каталку, чтобы отвезти в больничный морг. Они позвали Виктора на помощь. И в последующие дни он с дружелюбной готовностью исполнял различные просьбы медсестер: носил из столовой бачки с пищей, узлы с бельем в прачечную, исправил несложную поломку автоклава.

Сестры предлагали ему устроиться на полставки медбратом.

— Меньше чем на полторы я не согласен, — отшучивался Виктор. — У меня ж одни ночные дежурства.

На время утреннего обхода и процедур он удалялся в комнатушку санитарок, кемарил там часа два-три на кушетке и возвращался в палату.

Учил Лайму молитвам, пересказывал ей Евангелие. Память ее уже не справлялась с длинными текстами, хотя сами церковнославянские слова нравились певучестью и необычной образностью. Порой она подолгу повторяла их, вслушиваясь, любясь мелодичностью...

Виктор не узнал Лайму в первый день не только потому, что она страшно исхудала, но и потому еще, что привык видеть ее с косой. Коса у молодой Лаймы была на диво — солнечно-песочного цвета, с промельками густой тяжелой меди, длинная, толстая и пушистая. Сколько раз он расплетал ее, целуя щекочущие ладони пряди, зарыв-

аясь в них лицом. Однажды он показал Лайме открытку с картиной Риберы "Святая Инесса". Лайма, важно усмехнувшись, скинула халатик, стала на колени и, распустив косу, укрылась ею, как золотистой шалью.

Теперь и эта красота канула в прошлое. На его вопрос, когда она постриглась, Лайма ответила:

— Когда Вилиса родила.

— Зачем?

— Поняла, что смотреть на нее больше некому.

— Как это поняла?

— Пишу тебе — ответов нет. Вилис родился, пошла на переговорный пункт, сказать тебе об этом хотела. Ответила твоя жена и отчитала меня как следует. Дома на кухне я ножиком косу и отрезала. Режу, ножик тупой, а я думаю: так тебе и надо. Да что уж тут. Как у вас, русских, говорится: снявши голову, по волосам не плачут.

Виктора покорило: "у вас, русских". А Лайма, повернув голову к стене, мрачно добавила:

— Я повеситься после этого хотела, а ты — ко-са...

Они долго молчали. Виктор, стиснув виски кулаками, раскаивался, что вспомнил о косе, и чувствовал, что разговор этот добром не кончится. В голосе Лаймы он уловил не сломленные болезнью интонации той молодой упрямцы, умевшей пойти против всех, сказать кому угодно прямо в глаза, без уверток, что она о нем думает.

— Витя. — Она позвала его так тихо, что он даже подумал, не ослышался ли.

— Что?

— Ты любишь не меня.

— А кого?

— Ту девушку. Молодую. С косой. Как можно любить меня, больную, старую... Гадкую?..

— Что ж, по-твоему, любят только молодость? — увязая в трясине безумного разговора, спросил он.

— А разве нет? Тебе что было нужно? Мое юное тело. И ты получил его...

Виктор поднялся с табуретки, заходил по палате.

— Лайма, ну зачем ты! Прекрати!

— Это ты помолчи! — вдруг неистово вскрикнула она. — Помолчи и послушай. Всегда ты был прав: "Витя все знает, все умеет, все объяснит, всему найдет причину". Не лги, не изворачивайся! Будь честен хоть раз в жизни, хотя бы один только раз. Тебе ведь меня теперь только жалко. И все.

Виктор, раздраженно передернув плечами, посмотрел на ее искаженное слезливой злостью лицо и, не думая, что делает, вышел из палаты. Мигом устыдившись нервного порыва (бессонные ночи, видно, дают себя знать), он вернулся назад. Увиденное ужаснуло его. Не имевшая сил само-

стоятельно повернуться на бок, Лайма сидела на кровати и ногой нашаривала пол, явно намереваясь встать.

— Не уходи, не уходи! — тупо вскрикивала она.

Уцепившись руками за спинку кровати, она встала, выпрямилась во весь рост, но пошатнулась, и Виктор едва успел подхватить ее на руки.

— Дурочка, глупая, — шептал он, целуя ее в щеку. — Ну чего ты выдумала, чего?! Разве я уйду от тебя?

Лайма молчала. Он положил ее на койку, укрыл одеялом.

Что это было? Желание хоть как-то возместить пережитое, сделать, чтобы и ему стало так же больно, как было ей? Чтобы и он сполна почувствовал горечь одиноких лет, тоску обманутой, преданной любви?

Многое выплеснулось в ее словах, и все это ты должен был принять безропотно, заслуженно, покорно! Должен, но не сумел.

Ни в этот день, ни после Лайма не возвращалась к тому разговору, будто его не было вовсе.

Дня через два Виктор решил заговорить с нею о переезде: он увезет ее, и его дом станет ее домом. Чтобы подготовить Лайму к разговору, укрепив в вере, что все будет хорошо, Виктор под вечер стал пересказывать ей евангельскую историю о воскрешении Лазаря.

Лайма внимательно слушала его. Когда Виктор сказал, что Господь прослезился, узнав о кончине Лазаря, в ее глазах блеснули слезы. Они тронули Виктора. Он увлекся и, живописуя, повествовал, как брел Господь с Марфой, Марией и другими спутниками по каменистой знойной дороге к гробнице Лазаря. Как был отвален камень от входа в пещеру, как молился Господь. И как Лазарь, уже четыре дня не подававший признаков жизни, обвитый погребальными пеленами, вышел из могильной тьмы.

— Ах! — с благоговейным трепетом выдохнула Лайма. — И ведь это правда?

— Такая же, как и то, что я сижу перед тобой. Бог, идеже хошет, побеждается естества чин.

— Не поняла.

— То, что противоречит законам природы, — пояснил Виктор, — то, что немислимо по человеческим понятиям, возможно у Бога. Все дается по вере. Сестры Лазаря верили, что Господь воскресит их брата, и Он сделал это. Если ты будешь верить, что выздоровеешь...

— Как интересно, — сказала сама себе Лайма. — Бог захотел — и ты приехал. Ведь это так?

Виктор, озадаченный, что она истолковала все по-своему, поддакнул.

— Добрый вечер, — прервал их беседу вошед-

ший в палату Аболс. — Или, как говорят в цивилизованной Прибалтике: “Лаб вакарс”.

— Так говорят в ее латышском регионе, — уточнил Виктор.

— Абсолютно верно. — Янис придвинул ногой табуретку, сел возле койки Лаймы. — Пожалуйте ручку, — он смешливо хмыкнул, — госпожа Огнева, измерим ваше давленьце. Так, отлично! — сказал он тем же бодрым тоном, убирая прибор в карман халата. — Вполне приемлемо. Ибо нормы ГТО нам сдавать не надо. Да они и отменены в свободной Латвии.

— Неужели свободной Латвии не нужны люди, готовые к труду и обороне? — парировал Виктор.

— Очень нужны! Но, как сказал один небезызвестный вам товарищ, мы пойдем другим путем. — Он глянул на увядающий букет роз на тумбочке, который Лайма не позволяла убрать из палаты, и продолжил: — Самая дисциплинированная больная. Чувствуется — армейская выучка. Ничего не просит, ни на что не жалуется.

— У меня же все есть, — улыбнулась Лайма.

— Да. А как ты посмотришь, — Янис прищурился, — если я это “все” ненадолго от тебя уведу?

— Если ненадолго.

— Самое большое на час. Вы принимаете мое приглашение, Виктор Сергеевич?

— А как же Лайма?

— Я пришлю к ней сестру-сиделку.

— Янис! — Лайма, видимо что-то угадывая за наигранной веселостью врача, поманила его пальцем, а когда тот склонился к ней, вскинула руки (браслет соскользнул по тощей руке от запястья почти до подмышки), обняла его за шею, что-то взхлеб шепча на латышском.

Аболс тихо отвечал ей, но взглянув на замершего у дверей Виктора, сказал громко по-русски:

— Все будет в порядке, обещаю тебе.

16

Последнее время встречаясь мимоходом с Янисом, Огнев примечал, что во взгляде, да и во всем суровом, волевом облике главврача появилось что-то неуловимо дружелюбное. По крайней мере, то враждебное, заранее отменявшее любой шаг навстречу, что сквозило в его поведении первые дни, смягчилось, потеплело.

В кабинете Аболс убрал с края стола папки с бумагами, повернул декоративное блюдо на стене (с мелодичным перезвоном растворились дверцы, обнажив зеркальную внутренность бара), вынул оттуда плоскую фляжку коньяка, два блюда с бутербродами и ломтиками лимона, вазочку конфет.

— Присаживайся, — отбросив шутовскую шутливость, сказал он Виктору, разглядывавшему фотопортрет военного. — Не против, что я на “ты”? Мы ведь, можно сказать, товарищи по несчастью, а то и больше, недаром же я над твоей головой ту штуку держал.

— Конечно, не против. Она венцом называется. — Виктор сел в памятное кресло возле стола, взял налитую рюмку. — За что пьем?

— За что пьем?.. — Янис поднял рюмку, поставил ее на стол. — Это правда, что ты руководитель крупной фирмы?

— Да, — удивившись такому повороту в разговоре, ответил Виктор. — Я ж тебе тогда еще сказал об этом. Крупной, разумеется, по нашим меркам.

— Объясни тогда мне, — озабоченно, быстро заговорил Янис. — Я понимаю, что человек может знать Каспара Фридриха, быть выдержанным в критической ситуации, из моральных соображений, в конце концов, жениться на больной, но... У меня в голове не укладывается, что глава фирмы, который может элементарно нанять сиделку, не спит ночами, помогает санитаркам и даже выносит утки. Это правда?

Виктор, покраснев, мотнул головой. Утку он вынес один только раз. Баба Настя, та здоровенная, как баскетболист, санитарка, попросила его: ей самой недосуг было. А что ему оставалось делать, назвался груздем...

— Так почему ты это делаешь?

— У меня отец был инвалидом, я с детства привык ухаживать за больными. Да и что тут такого? Я верующий человек, а Господь сказал: “Кто хочет быть больше всех, будь всем слуга”.

— Не надо красивых слов! — помахал указательным пальцем Янис. — Не надо. Я не знаю, что там Господь еще говорил, но сплошь и рядом сталкиваюсь с тем, как люди бросают своих родных, лишь только услышат про рак. На аркане их сюда не затянешь...

— Царские дочери в лазаретах за ранеными ходили, если на то пошло, а уж нам грешным...

— Какие дочери? — не понял Аболс.

— Царя нашего последнего, Николая Александровича.

— Ну уж если царские дочери... — развел руками Янис, хотел еще что-то добавить в этом духе, но осекся: — Итак, за что пьем?

— Ты хозяин...

— Тогда давай — за любовь!

— Тост неплохой, но уж очень неопределенный. Давай лучше — за болящую. За нашу Лайму!

Янис поднес рюмку к губам, голос его неожиданно дрогнул:

— За нее... В самый раз за нее пить.

— А теперь вернемся к Фридриху, — не расслышав ноток тревоги в голосе Аболса, заметил Виктор, — а то в тот раз, мне кажется, мы о нем не договорили.

Янис засмеялся:

— Кто старое помянет, тому глаз вон.

— А кто забудет — тому оба, — завершил Виктор. — Не правда ли, удивительный художник?

— Какое — удивительный?! Великолепный! Гениальный! И малоизвестный, профессионалы, и те не все его знают. Попалась мне как-то на глаза репродукция, я и заинтересовался, начал материалы о нем собирать и даже статейкой разродился.

— Ишь ты! — восхитился Виктор. — Мне очень нравится у него “Богемский ландшафт”.

— А мне нравится “Женщина перед восходящим солнцем” и “Монах у моря”. Какая могучая панорама стихии! А “Лето”! — Янис махнул рукой. — Чистый Клод Лоррен. Эта парочка в шалаше — немецкие Акис и Галатея...

— Лоррен?.. Я бы не сказал. У того колорит нежной, теплее.

Виктор смотрел на Яниса с улыбкой и думал: “Мы оба так любим прекрасное, отчего совсем недавно мы были почти врагами?” А вслух сказал, когда Аболс наливал по второй:

— Трогательно в ландшафте, что деревья тянутся друг к другу ветвями, как руками. Если б я был художником, я написал бы картину, где они разделены не двумя саженями пространства, а тысячами верст, но так же стремятся друг к другу. Для этого, очевидно, нужен творец вроде Риверы или Сикейроса, изображавших масштабные события. Хотя едва ли бы и они справились с такой задачей. Это же лирика.

— Если не трагедия! Не люблю я, признаться, ни того ни другого. Они маляры в живописи, как Маяковский в поэзии. Тут нужна чуткая, тонкая, как скальпель хирурга, кисть миниатюриста.

— И такой хирург был, — заметил Виктор.

— Кто?

Виктор чокнулся с Янисом:

— Твое здоровье, — и прочитал:

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна.

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим

Одета, как ризой, она...

Ну и так далее. Лермонтов в переводе несколько исказил смысл. У него оба дерева женского рода, сосна и пальма. А в оригинале, у Гейне — пальма и кедр. Вот какого хирурга я имел в виду.

— С тобой не соскучишься, — заметил Янис и, перегнувшись через стол, пожал выше запястья руку Виктору.

— Спасибо за комплимент. С тобой тоже.

Они еще поговорили о Фридрихе. Виктор сказал, что любит латышскую живопись, а картину Розенталя “Песня пастушки” считает уникальной. Это звучащая картина, от нее трудно отойти.

— Где же ты ее видел? — спросил Янис.

— В здешнем музее. Когда наша рота в Риге стояла, я нередко туда заходил. В Домском соборе бывал, в “Букинисте” меня уже узнавать начали.

Янис почесал затылок, простодушно признался:

— Я думал, что солдаты в увольнении только пьют да к девкам шастают.

— Не без этого, — сказал, посмеиваясь, Виктор.

— Но, как говорил мой ротный, имели место и другие поступки.

Огнев чувствовал, что наступил наиболее удобный момент, чтобы завести разговор о том, что мучило и томило его все эти последние дни, и он решился:

— Я хочу увести Лайму к себе домой. Это возможно?

Янис сел на кушетку под картиной, зажал рюмку в ладонях, поставил ее возле себя, расплескав коньяк, выдохнул:

— Нет. Не реально, Виктор Сергеевич. — Он отпил немножко из рюмки. — Ты же ничего не знаешь. За день до твоего приезда она фактически умерла. Наступила клиническая смерть, остановилось сердце, пришлось запускать его дефибриллятором, прибор у нас такой есть...

— Я слышал.

— ...Пять часов мы над ней бились. Выкарабкалась она каким-то чудом. Потом ты приехал, совершилось то событие, после чего все показатели у нее резко улучшились: произошла эмоциональная встряска всего организма. Но она не может длиться долго. Почему я в палате такой был веселый? Иногда приходится лицедействовать, бодрячка из себя изображать... У нее с утра падает давление. Едва ли она переживет эту ночь. Поверь моему опыту. Собственно, я тебя для этого сюда и позвал, чтобы предупредить.

17

Вечер прошел, ничем не отличаясь от предыдущих. После работы наведалься Вилис, они снова вспоминали его детство, смеясь над мальчишескими проказами.

Ночью Лайма металась, бредила, звала.

— Здесь я, Лаймочка, здесь, — говорил Виктор, но она, не узнавая его, просила привести Вилиса, сердилась, плакала.

В палату заходил Янис, измерял давление, считал пульс.

— Не уходи куда ни на минуту, — сказал он.

Виктор рухнул на колени у койки. По лицу Лаймы пробежали судороги мучительной боли. Под ее стоны и вскрики он исступленно молился.

Когда забрезжил рассвет и за окном проступили силуэты деревьев в больничном дворе, Лайма загнула. Слыша ее ровное дыхание, Виктор, ожидавший чуда, подумал, что оно, возможно, уже и произошло: она начнет поправляться.

Он раскрыл Псалтырь, губы зашевелились, произнося знакомые слова, но взгляд стал вязнуть в цепочках строк, путаться в них...

Как-то после отбоя Виктор ушел из казармы: они договорились с Лаймой пойти ночью купаться. Полная луна заливала своим зыбким таинственным светом землю. Этой чудной сизовато-туманной белизной был высвечен каждый камешек на тропинке, каждая травинка обочь. Они бежали по сосновому бору, окутанные этим светом. Открывшееся с крутого берега длинное, текучее зеркало реки отражало этот свет. Вдалеке, на быстрине сталистой, переливчатой чешуей играла рябь, а внизу, под ними, на гребешках волн качались лунные блики.

Под обаянием этого света на земле воцарилось дивное, вещее молчание.

Теплая, шелковисто-ласкающая река приняла их в свои объятия, и они, счастливо улыбаясь друг другу, поплыли. Лунные капли мерцали темным жемчугом на лбу и щеках Лаймы, могучая коса, уложенная высокой башней, придавала ей вид древнеегипетской царевны.

И вся эта красота — и лунный свет, и коса, и смеющиеся губы — принадлежала ему.

На середине реки длинной грядой возвышался остров, поросший ивняком и высокой травой. Лайма вышла из воды первой, протянула ему руку и — они слились в поцелуе. Подхватив любимую на руки, Виктор понес ее на остров. А Лайма вдруг так отяжелела, что он чуть не уронил ее. Перехватив рукой под коленями, чувствуя, как льнет она к нему молодым, упругим, пахнущим речной водой телом, он сделал еще шаг и...

Лайма повернула к нему перекошенное мукой лицо и сказала с укором:

— Не спи!

Виктор проснулся как от удара. Поседевшая, осунувшаяся женщина широко раскрытыми, горящими глазами смотрела на него, но взгляд простирался дальше, словно она что-то видела далеко-далеко за белой стеной палаты.

— Лайма, — осторожно позвал он.

Она перевела на него укоротившийся взгляд.

— Витюша! — слышался свистящий шепот. — Умираю!

Виктор нажал на стене кнопку, вскочив, крикнул в коридор:

— Сестра!

— Не нужно никого, — остановила его Лайма. — Дай руку.

Он вложил в ее ладонь свою, она попробовала сжать ее, но не смогла.

— Письмо... под подушкой... там... Виленка, сын-нок. Виктор! — вдруг снова звучно вскрикнула она.

— Что перед смертью говорить нужно? Забыла.

— Господи, Иисусе Христе... — ломающимся голосом начал Виктор.

— Господи, Иисусе Христе, — тускло повторила Лайма, глаза ее совершили вялое круговое движение, будто осматриваясь, пальцы заскребли по одеялу.

— Помилуй мя грешную...

— Помилуй... — Лицо Лаймы накрыла беглая тень, она вытянулась, и улыбка застыла на ее губах.

В палату вбежали главврач и дежурная сестра.

Виктор, сдерживая слезы, поцеловал Лайму в лоб, в закрытые глаза, притронулся к бескровной полоске губ.

Янис сочувственно положил ему руку на плечо, вополога отдал распоряжение сестре.

Виктор не сводил глаз с неподвижного лица покойной. Еще минуту назад оно было страдающим, но живым. Если вложить во взгляд всю силу души, все желание сердца, смотреть неотрывно, ни на что не отвлекаясь, тогда, быть может, мертвые веки дрогнут, она откроет глаза и скажет: "Что ты, Витенька, печальный? Ничего не случилось, я просто спала".

Распахнулись створки дверей, санитарка втолкнула в палату каталку:

— Отмучилась красавица наша...

— Не трогайте. Я сам. — Виктор отстранил санитарку, взявшую было Лайму за ноги. Он поднял с койки легкое тело жены, закрыл с ног до головы простыней и сам повез из палаты.

— Виктор Сергеевич, — догнала его в коридоре санитарка. — Письмеццо. Под подушкой лежало.

— Ах да! — Виктор, поморщившись, сунул конверт во внутренний карман пиджака.

— Браслеточку-то сняли бы, — посоветовала семенившая рядом санитарка. — Увезут с нею в морг. Не ровен час...

Виктор взял у санитарки и браслет, отправил его следом за письмом.

У кабины лифта, когда они уже хотели направить

туда каталку, к ним подбежал запыхавшийся Вилис. Откинув край простыни, он смотрел на мать.

— Когда это случилось?

— С полчаса назад...

18

Прозрачно-стремительная лава воды, пенясь и закручиваясь скорыми вьюнками водоворотов, мчалась над песчаным, в причудливых солнечных разводах дном, над оглаженными, покатыми камнями, пошевеливая на них бархатистую каемку зеленого подводного мха. На тихих местах возле камней мельтешили стайки мальков, колыхались пряди речных трав.

Навалившись на перила моста, Виктор заворуженно следил за этим быстротечно непрерывным движением, которое не могло остановить ничто. Морозное дыхание зимы отвердит его верхний слой ледяной коркой, но под ней все равно будет скрытно струиться неудержимый поток, чтобы по весне, взломав временные оковы, вновь объявиться торжествующим и вечно живым.

А сердце, остановившееся сегодня, уже никогда не забьется вновь. Травинка, придавленная темной плитой, не проколет ее острым зеленым шильцем, чтобы увидеть свет, хлебнуть упоительного воздуха жизни.

С Вилисом они отвезли тело Лаймы в морг, он получил в загсе свидетельство о смерти, отправился в похоронную мастерскую, потом в церковь и очутился на мосту.

Виктор поднял голову. От основного бора на реку ложилась вечерняя тень. Где-то там, среди стволов вьется тропинка, по которой они когда-то спускались с Лаймой. А вот и островок — зеленый корабль в бесконечно струящемся потоке.

Он вспомнил, как принесли ему телеграмму, как он вертел ее в руках, прикидывая: ехать — не ехать?

О как он любил сейчас себя за тот стихийный сердечный порыв! Охладев, состарившись душой, привыкнув все обдумывать и расчетливо взвешивать, впрягшись, как лошадь в хомут, в череду повседневных забот и привычек, как рад он был увидеть, что сохранилось в нем все-таки живое, горячее чувство, что он может быть не руководителем фирмы, не бизнесменом, не авторитетным лицом в городе, а просто человеком. Человеком прежде всего.

Но к чему тут пыжиться и чем, в сущности, гордиться? Если быть честным до конца, это любовь Лаймы, жертвенная, предвечно святая сила ее любви привела тебя сюда. Как магнит притягивает косное, мертвое железо, так эта сила потянула, выдернула тебя из круга привычного бытия, воз-

вратила в молодость, позволила вновь жить жизнью души. Сила ее любви хранила тебя. В дороге с тобой ничего не могло случиться, потому что она, борясь со смертью, ждала тебя.

Виктор смахнул с ресниц наворачнувшиеся слезы.

Вечерело. Куда-то нужно идти. Но куда? Вилис приглашал его к себе, называл адрес, но он тут же забыл его. Придется топтать через весь город в Муйжу.

Он выбрал не обычный путь — мимо школы, а свернул в переулок. За домами вскоре открылось ровное поле с большим прудом. Слева стеной темнел лес, справа, за деревьями виднелись дома Муйжи. Этим полем они шли как-то с другом из увольнения, мечтали о будущей жизни после армии, говорили о любви, о книгах...

В лавчонке возле универмага Виктор купил бутылку сухого вина. Запекшаяся, горчившая преграда стояла поперек груди, невыплаканные слезы теснили душу.

Она любила тебя так, как не любят все вместе друзья и знакомые, клянущиеся в преданности и дружбе. Ее любовь можно было сравнить лишь с любовью матери. Но эти две любви разнородны, мать любит ребенка врожденной любовью задолго до его появления на свет, а она полюбила тебя взрослого, избалованного и испорченного всеобщим восхищением, к которому, правда, часто примешивалась зависть, которая была лишь острой приправой к блюду. Она полюбила тебя со всеми твоими капризами и прихотями, хорошими и дурными привычками. Ей выпал и она стойко приняла жребий одиноких долгих вечеров и ночей, тягостных раздумий и никому не видимых слез. Она покорно взвалила на свои плечи труд воспитания сына. Твоего сына. Она осталась верна тебе одному, не терзаясь сомнениями, верен ли ей ты. Тоска исторгла из души ее умоляющий вопль о последнем свидании перед вечной разлукой.

Виктор упал на землю, по которой ходили ее ноги, целовал ее и плакал.

19

Назавтра с утра вместе с Вилисом они завезли в морг пакет с одеждой Лаймы, встретили на вокзале приехавшую из Даугавпилса ее сестру и поехали на "Ниве" на хутор под Смилтене за престарелой тетей, у которой Лайма в детстве проводила каждое лето.

По дороге Виктор рассказывал про свою солдатскую службу, о разных приключениях, о командире роты капитане Некрасове, шутнике и выдумщике, которого любили солдаты. Конечно, много го-

ворили о Лайме, о Янисе. Вилис отзывался о нем с большим уважением. Ведь безнадежных раковых больных выписывают умирать домой, а Янис держал Лайму в больнице до последнего дня, где и уход, и обезболивающие уколы.

Не доезжая до Смилтене, они свернули на проселок.

— Отец, — попросил Вилис смущенно: это слово было непривычно ему, — разреши повести машину.

— Пожалуйста, мог бы раньше сказать.

— Нет, на шоссе гаишники засекут, а здесь их нет.

Они поменялись местами. Пыльная дорога то сбегала под горку, то взбиралась на холм, то петляла по лесу.

— Хорошая штука, — с удовольствием крутя баранку, говорил Вилис. — И идет легко.

— Коль нравится, так заведи и себе такую, — улынулся Виктор.

— С моей зарплатой заведешь. Тут концы с концами еле-еле сводим...

— А куда бы ты на ней ездить стал?

— Нашлось бы куда! — мечтательно воскликнул Вилис. — За грибами, за ягодами. А рыбалка! Я такие места вверх по течению знаю, закачаешься!

— Детишек на природу вывезти, когда подрастут, — подсказал Виктор.

— Ну да, — причмокнув, согласился Вилис.

С тетей Лаймы они завернули в нотариальную контору, где Виктор оформил на Вилиса дарственную на машину. Вилис огорошенно молчал, пока нотариус оформлял документы, и потом, уже на крыльце конторы, долго не мог поверить, что это не шутка, а взаправду.

— Может, ты думаешь, — тормошил сына Виктор, — я тебе дарю ржавую консервную банку? Нет, машинка новая, всего сорок тысяч пробежала.

Вилис растерянно и счастливо улыбался.

20

Только под вечер, уладив все дела с предстоящими поминками, он выкроил время, чтобы навестить казарму, где в давние годы размещалась их лихая вторая рота. Это было недалеко от дома Лаймы, за поворотом дороги, за молочной фермой старинной постройки: цоколь сложен из огромных валунов, а стены из крупного кирпича, какой нынче не производят.

На месте деревянного, оштукатуренного двухэтажного строения, где они жили, теперь высилась капитальная, кирпичная казарма. По двору, обнесенному невысоким штакетником, ходили

солдаты, офицеры. Перекладина и брусья, на которых он так любил заниматься, перенесены на другую сторону плаца. Какой-то солдат ловко крутил на перекладине "солнце".

Несмотря на новизну, все было знакомое, родное и вместе с тем далекое и чужое. Смерть Лаймы ослабила армейские воспоминания, но все же было жаль, что никто не узнает его, не махнет рукой, не окликнет: "Эй, Витек!", и лишь он знает, какая неповторимая жизнь кипела здесь четверть века назад. Караульная, строевая, с тоской по дембелю, с ожиданием писем из дома, с кино в клубе, с песнями. Да, сколько раз они шли по этой дороге в клуб, горланя:

*Как дорога ты для солдата,
Родная русская земля!*

И ведь никому посреди Латвии эти слова не казались странными, все чувствовали себя дома, и действительно вокруг все было своим, родным: и край, и люди.

Как-то, ускользнув от бдительного надзора ротного и старшины, он и еще двое парней рванули в соседнее село, где отмечался местный праздник — Лиго. Хотелось посмотреть, как латыши водят хороводы, прыгают через костры. В темноте тройца сбилась с дороги, заплутала в лесу. Устали как собаки, стало не до латышских хороводов. Думали, как бы найти дорогу назад. Вдали сверкнул огонек. Они ринулись туда и вышли на отдаленный хутор. Посреди широкого двора взаправду горел высокий костер, пуская в темное ночное пространство огненно-золотистые струи искр. Хуторяне и их гости, рассевшись вдоль длинного стола, пели протяжную латышскую песню.

Когда солдаты вышли на свет, пение оборвалось. Их тревожно разглядывали, пока чай-то хмельной голос не порвал настороженную тишину:

— Да это ж наши ребята из Муйжи!

Несколько человек выскочили из-за стола, повели их под навес и чем только не угощали.

Та удивительная ночь, насыщенная песнями, озаренная радушным светом лесного костра, осталась в памяти на всю жизнь.

Что же изменилось с той поры? Латыши остались латышами, а русские русскими. Зачем же сеются семена раздора, которые могут прорасти ненавистью и враждой? Зачем, кому нужно, чтобы мы жили не в любви?

21

В день похорон гроб с телом Лаймы привезли в церковь. После молебна началось отпевание.

Улыбка, осветившая лицо Лаймы в миг смерти, так и не сошла с него.

Отец Валерий сказал Виктору, что это добрый знак. Такой улыбкой вознаграждаются люди, жившие добродетельной жизнью.

Могила Лаймы утопала в цветах так, что надгробный деревянный крест был почти не виден под ними. Цветы стояли в банках, торчали воткнутые в рыхлую могильную землю, лежали среди венков.

Вот все и кончилось. Теперь он не увидит ее ни живой, ни мертвой. Если только она не придет к нему во сне...

По пути домой Виктор хлопнул Вилиса по плечу:

— Останови.

— Что такое? — Вилис нажал на тормоз.

— Зайду с Янисом проститься.

— Так до больницы еще два квартала.

— Прогуляюсь. — Виктор, хлопнув дверцей, вышел. — Через часок подъезжай за мной.

Аболса в кабинете не было. Огнев присел в коридоре на жесткую скамейку. Проходившие санитарки и сестры здоровались с ним: долго ли нужно, чтоб люди сжились, привыкли друг к другу? И попробуй потом забудь это.

— Уезжаешь? — как всегда с места в карьер, начал разговор появившийся Янис.

— Да, зашел проститься.

— Когда снова к нам? — Янис пропустил его вперед себя в кабинет. — Садись.

— Я на минутку. Вилис сейчас заедет.

— На минутку нечего и заходить. Когда снова к нам, я спрашиваю? — Янис раскрыл бар. — Помянем еще раз нашу подругу. Пусть ей земля будет пухом.

Виктор принял рюмку.

— Упокой, Господи, рабу Твою и учини душу ея, идеже праведные упокоиваются.

— Здорово! — воскликнул Янис. — Красиво — учинить душу. Однако ты не ответил на вопрос.

— Постараюсь на сороковины. Правда, ходят слухи, что границу закроют скоро. Может, я из последних, кому удалось более-менее нормально, без препонов и виз проехать сюда.

— Приедешь нормально и по визе.

— Грустно в родимые места по визе приезжать.

Виктор подошел к окну. У больших ворот остановилась его бывшая "Нива". Сын приехал.

— Эту на дорожку, — снова наполнил рюмки Янис.

— Ты споишь меня. Я так часто дома не пью.

— Откуда такие трезвенники на русской земле объявились? Ты позоришь звание русского человека, — засмеялся Аболс. Он выпил и сказал: — Виктор, я хочу у тебя спросить... Помнишь, тогда... ты обещал помочь нам, больнице.

— Я и сейчас не отказываюсь. А в чем нужда?
— Нам позарез нужен томограф. Штука в диагностике незаменимая.

— Сколько нужно?

— Много. Тысячу “зеленых”.

— Это немного. Да наличных-то у меня кот наплакал, на билет только. — Виктор достал чековую книжку, задумался. — Не будет неприятностей у тебя, что от “оккупанта” деньги берешь? Не сердись. Я не шучу.

— Это ж не себе. Мне людей лечить надо.

— И все-таки. — Виктор убрал книжку в карман. — Лучше сделаем так. В Вильнюсе у меня есть знакомый фирмач. Я черкну ему записку, и он выдаст тебе нужную сумму как благотворительную помощь, а мы ему потом расходы возместим. Ты со всех сторон будешь чист. Я не хочу, чтобы у тебя из-за меня были с кем-либо конфликты.

Виктор глянул за окно. Стоявший у крыльца Вилис, увидав его, поднял руку и постучал пальцем по стеклышку часов: опоздаем.

— Ну прощай! — сказал Огнев, подавая руку Аболсу.

— До свидания. И счастливого пути! — ответил ему крепким рукопожатием главврач.

Виктор обвел комнату взглядом. Казалось, ничего не изменилось в ней: тот же шкаф и стулья, на картине молодые влюбленные так же наслаждаются своим вечным счастьем, но военный в строгой рамочке смотрел на него как будто теплее.

22

Вилис уверенно вел машину по широкой, ровной дороге. Виктор был рад, что его “Нива” попала в хорошие руки. Вчера, после поминок, Вилис отвез тетю Лаймы обратно на хутор, в лесу попал под дождь, застрял, вернулся за полночь, но с утра машина уже блестела как стеклышко.

Они ходили по перрону, думая каждый о своем.

По радио объявили посадку.

— Ах, Господи, — хлопнул себя по лбу Виктор, — совсем забыл тебе сказать. Там, в машине кассета магнитофонная. Я никогда не расстаюсь с ней.

Второпях Виктор ткнул пальцем не на ту клавишу. Заиграл оркестр, и Личия Альбанези, несравненная Виолетта, пропела голосом молодой Лаймы: “О, радость...”

Спазм сдавил горло, слезы, душившие его на кладбище и на поминках, которым он при всех не мог дать воли, хлынули на свободу.

Еще пели Аннина, Альфред и Жермон, звучали заключительные аккорды, а он не мог удержать

равшийся из груди поток горя. И всего сильнее мучило его: как же он забыл записать голос Лаймы. Пусть слабый, больной, но живой.

— Отец, до отправления пять минут. Опоздаем.

— Иду, родной мой, иду.

Виктор вынул кассету и, крепко обняв сына, пошел к вагону.

Когда потерялись вдали вокзальные огни, он достал письмо Лаймы.

“Дорогой Витенька! Я любила тебя всю жизнь и не ошиблась в своей любви. И с этой радостью я умираю. Ты приехал, ты бросил все. Ты принес мне величайшее счастье и покой. После венчания с тобой я первую ночь за эти мучительные месяцы спала спокойно, без уколов и таблеток. Я снова была молодой, здоровой, как тогда, помнишь? В ту ночь на реке. Многое забывается в жизни, и многое прячется каждым человеком от других, но есть и общие воспоминания.

Я крепко спала всю ночь, мне снился ты, снился свет и какая-то церковь, в которой мы стоим вдвоем, хотя я никогда не была в церкви и впервые разговаривала со священником, которого ты привез в больницу.

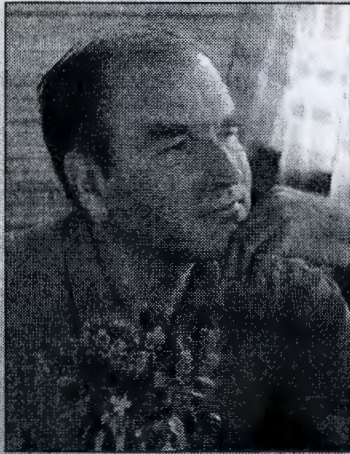
Какой ты умный и добрый! Ты веришь в Бога, и я завидую тебе. Мне осталось жить так мало, чтобы успеть поверить в Него, как веришь ты. Ты и среди ребят в роте, и среди всех моих друзей был не таким, как все. Видимо, поэтому я и полюбила тебя.

Проснувшись, я почувствовала в себе столько сил, что захотела написать тебе это письмо. Потому что силы эти ненадолго, и я боюсь, что когда ты придешь, я, может, и слова тебе не смогу сказать. Мне было страшно умирать еще три дня назад. Как ни мучили боли, как ни гадки запахи больницы, мне все равно хотелось жить. Я и теперь хочу жить, но сейчас я не боюсь умереть. Зачем бояться смерти, когда ты любишь и когда тебя любят? Так получается, что все мое письмо о любви. Но о чем же еще писать мне? Думая о тебе, я хотела когда-нибудь рассказать тебе всю мою жизнь, но сейчас это не нужно. Я рада, что у Вилиса, моего золотого мальчика, есть наконец-то отец. Прощай, мой милый муж. Помни и молись обо мне.

Твоя Лайма.

Хоть три дня я была твоей женой”.

Михаил НИКОЛАЕВ

Михаил НИКОЛАЕВ родился в военном 43-м. После школы окончил Московский институт химического машиностроения, по делам службы объездил многие города и веси. Увиденное и пережитое постепенно обрело поэтические формы, вылилось в книгу "Светлые листья", вышедшую в столице два года назад.

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ОДНАЖДЫ И ВСЕГДА

* * *

Лесов осенних матовый опал.
Прощальный стон
отпламеневших кленов.
На рубеже последнего снопа
Неярок свет
березок изумленных.

Как хорошо! Как просто хорошо
Все понимать,
неторопливо слушать,
Из бочажка
хлебнуть на посошок
И тихо кануть
в шелестящей суши.

И будет просветленна череда
Стволов, в немую думу
погруженных,
Похолодевших и замороженных.
И будет так однажды
и всегда...

* * *

Хлесткий ветер
в балтийские мутные волны
От трактиров срывается
пенной пивной.

Деньги есть —
будешь влагой янтарной
наполнен,

Денег нет —
хоронись за шершавой стеной.
Этот город,
готически остроконечный,
Коронованный
красным огнем черепиц,
За нетесаным камнем,
угрюмым и вечным,
Полупьянствует, полуплывет,
полуспит.

С этим грубым лицом,
обращенным в Европу,
Повернувшись спиной
к широкой Руси,
Этот город наследует
тайные тропы,
По которым доставлено
что ни проси!
Ароматы глинтвейна
и черного кофе
Мне оставят на память
его погребя.
Здесь пожить заземленно бы,
без философий,
У камина с собакой.
Да знать — не судьба.

* * *

...Не распродать,
и не разговорать,
И даже не пропить тебя такую!

Другие страны —
точки, острова,
А в этой —
заживо пропасть рискую!
Страна, длиною в жизнь,
а шириною — в смерть,
Плывет загадочно
за горизонт покатый.
И ни один оракул не посмел
Поверить в подлинность
ее заката...

* * *

...Шел с осенним дождем
мимо дома когда-то любимой.
Я окно еще помню,
угасшее в сумерках лет...
Танцевали в закатных лучах
херувимы,
Фонари поводили плечами
златых эполет.

Этот первый этаж
при задернутых наглухо
шторах
Сладкой болью тянулся,
был заведомо неразрешим.
Сигаретно-кофейно-спиртовый
возвышенный порох
Польхал то и дело
в ночной серебристой глуши...

Не зайти ли в подъезд
и к мишени звонка
прикоснуться?
Словно выстрел шальной,
он чужую взорвет тишину.
После судного дня
лишь архангел
способен проснуться,
Пепел, брошенный по ветру,
ветру поставить в вину...

Оглянусь еще раз
на обветренный
сталинский угол,
На слепого окна
неразгаданный
черный квадрат.
Еще раз оглянусь по пути
к стародавнему другу...
Храм Афины давно уже
сжег Герострат...

ПОЭЗИЯ

* * *

С полудня снег пошел
торжественно и пышно.
Одежды белые окутали дома.
Спокойный, тихий день
послал Всевышний.
Какая чистая и кроткая зима!
Светло, как в храме
перед главной службой.
Легка немая исповедь моя.
В лицо струится
хрупкий свет жемчужный,
Не ранят голубые острия.
Никто пока
небесный пух не тронул,
Над ним колдует
только тишина.
Холодную искристую корону
Перебирает заново она.
И получив прощенье за былое,
Все темное ушло под белизну...
Тепло душе
под снежно-белой мглой!
...Не буду больше
торопить весну.

* * *

Мне достался новый календарь
С малой долей
праздных красных пятен.
Я их приумножу, как всегда,
Иногда и повод непонятен!
Но люблю я эту мишуру,
Шум шаров
и шелест тонкой ткани,
Радость, слезы,
смех не ко двору,
Бурю неподдельную в стакане!
Примешь будней ледяной ушат,
И возжадет праздника душа,
Детство мандаринное настанет!
Не захочется себя лишать
Удовольствия приукрашать.
Жили-были караси в сметане!..

* * *

Зари вечерней огненное знамя
Над лесом обагрило облака.
Что с нами будет?
Знать не знаю —
Куда несет опасная река!
Гляжу, печаль оставив
за плечами,
На беспощадно юную весну.
Пришла и встала,
поводя очами,

Косым дождем
к ней руку протяну!
И добрый гений
деревянной дачи
Дохнет мне в спину
сквозняком дверей...
Уйду в лиловый шорох наудачу
Глухой тропой
растений и зверей...

* * *

В верхней комнате
зажгли глубинный свет.
Старый Мастер
досконально знает дело:
Если небо впереди
меняет цвет,
Значит, им иная сила
овладела.
Бледный гений
с опрокинутым лицом
Зачарованные пальцы
расплетает:
Только Моцарт так играл
перед концом.
Не успеешь оглянуться —
рассветает.

* * *

Белесое беззвучие тумана.
Безмолвное безветрие реки.
Над низким берегом —
болиголов дурманной,
Берез берестяные светляки.
Сигналят редким птицам
сквозь орешник
Огни рябин на голубых буграх,
И запах...
С детства памятный,
тот, прежний
Студеный запах
полусонных трав...
В глаза, свободные
от всякого прищура,
Спокойно падает неяркий свет,
Суровый холст небес,
суглинок бурый,
Короткий окрик,
тонущий в листве.
Ну кто откликнется
меж деревьев незрячих?
Старухи отжили
свой долгий век.
На горизонте призрачно маячит
В скотину обращенный
человек...

* * *

Длинные тени
от утренне низкого солнца.
Бензозаправщик
лениво пошел на обгон:
Дружба народов —
чеченцы стремятся к эстонцам
В горестном блеске
трясущихся русских погон.
Смутное время!
Веселое смутное время.
Веру изжитую
бойко меняют на ложь.
Этот простор
не поставил никто на колени!..
Только бы в гневе
Емеля не взялся за нож.

* * *

Подземный тихий,
теплый, темный ветер
Во мгле гоняют метропоезда.
Сутулятся вагоны на рассвете,
Течет в железо взятая вода.
Поет, поет
единственная флейта
Под странствующим
облаком души!
Теряется в глуши узкоколейка
Вдали от ослепительных
вершин.
И все давно поставлено
на рельсы:
Тепло по эту сторону окна,
На пестрые я вдосталь
насмотрелся
Сторонние дожди и племена!
На каждой станции
царят свои законы.
Я мимо еду, адрес потерял.
Ничто мне не указ и не икона!
Лишь вечный лес
в начале октября
Да это небо, стеганное ветром,
На пепельной подкладке
облаков...
Все остальное так малозаметно
На долгом протяжении веков...

Встреча для вас

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО АКТЕРА

С популярным актером Алексеем БУЛДАКОВЫМ мы встретились в Доме кино. За чашкой кофе разговорились о жизни-бытии сегодняшнем. Собеседник оказался настолько интересным и откровенным, что расставаться с ним просто не хотелось...

— Алексей Иванович, читателям нашего журнала будет интересно узнать, откуда вы родом, где учились, как стали актером?

— Родился я на Алтае, затем наша семья переехала в Казахстан, в город Павлодар. Там сейчас живут моя мама, сестра и два брата. Связь с ними не терял и не теряю.

До восьмого класса я и не думал быть артистом. Из нашего рода никто не работал в области культуры, искусства. Как и все пацаны, мечтал стать моряком или летчиком, хотя сколько себя помню, всегда безумно любил кино. Для меня это был удивительный, какой-то фанта-

стический мир. В ущерб школе не пропускал ни одного фильма, который привозили к нам в город.

В восьмом классе посмотрел «Большую жизнь». Олейников просто потряс мою юную душу исполнением главной роли. Я вышел из кинотеатра ошарашенный игрой этого актера, после чего твердо сказал себе: буду артистом.

Закончил школу, поступил в студию при Павлодарском драматическом театре. Тогда это был один из самых лучших периферийных театров страны. В нем работали многие талантливые актеры. Весь выпускной курс ГИТИСа приехал в то вре-

мя в Павлодар. Театр был такого студийного, что ли, плана. Люди сутками репетировали. Помню, мы сбрасывались, и я, как самый молодой, бегал в соседнее кафе. Набирал сотню-другую горячих беляшей, все садились кружком, жевали и снова начинали репетировать.

Если говорить о начале моей творческой карьеры, то хочу отметить, что я безумно благодарен Павлодарскому театру и его актерам, режиссерам, которые воспитали во мне артиста. Добрым словом вспоминаю худрука нашего курса главного режиссера театра Владимира Николаевича Кузенкова, моих коллег Леонида Федоровича Монастырского, Дариана Нахимовича Дралюка, Олега Афанасьева и многих других. Их творческий потенциал вкупе с талантом помогли мне обрести себя на сцене.

— Как давно это было?

— С 1966-го по 1969 год я учился в студии, а в 1970-м меня уже взяли в труппу.

— Вспомните, пожалуйста, свою первую театральную роль.

— Был у нас такой спектакль на стихи Маяковского, который назывался «Я к вам приду». Он состоял из трех новелл. Мебель в этом спектакле изображали актеры. В первом акте я играл роль... дивана. Это и был мой дебют.

Я надевал униформу и не выходил, а вылезал на сцену. Навстречу мне точно так же выдвигался другой студент. Соприкоснувшись головами, мы образовывали своеобразный треугольник в виде дивана. На нас садились главные герои, общались между собой, пили даже шампанское...

Перед выходом на сцену, помню, переживал страшно, от волнения потел. Каждый артист проходит через это. Было такое ощущение, что когда я полз на сцену, весь зал, тысячи глаз смотрели только на меня одного. Когда же после исполнения роли дивана приполз обратно за кулисы, наступило удивительное, непередаваемое состояние испуганного восторга.

— **Расскажите, пожалуйста, Алексей Иванович, как вы оказались в Москве?**

— Это очень длинная история... Из Павлодарского театра меня забрали в армию. Когда отслужил и вернулся, наша труппа, к сожалению, уже распалась. Поехал в Томск. Потом работал в Караганде. Оттуда переехал в Рязань. Затем в Ленинград. Там в 1981 году на студии «Ленфильм» состоялась моя первая работа в кино. Но начались определенные трудности. Жил без прописки, ни в каком театре не играл, был, как говорится, свободным художником. С одной стороны, это время можно назвать замечательным, с другой — очень тяжелым. Зачастую даже пяти копеек на метро в кармане не оказывалось.

В 1985-м меня пригласили на студию «Беларусьфильм». Согласился. Проработал там 7 лет. Когда началась перестройка, начальство занялось решением личных проблем. Никому ничего стало не нужно. Советский кинематограф покотился под откос. А для актера, знаете ли, ничего не бывает страшнее невостребованности. Слава Богу, я легкий на подъем (за что себя и люблю!), собрал чемодан и отправился в Москву. Так что с 1992 года тружусь в первопрестольной.

— **Как назывался первый кинофильм, в котором вы снялись?**

— Это была кинолента, которая называлась «Сквозь огонь».

Я сыграл в ней роль разведчика-партизана. Очень благодарен режиссеру картины за то, что он пригласил на съемки меня, периферийного артиста. В принципе с этого фильма и началась моя кинокарьера.

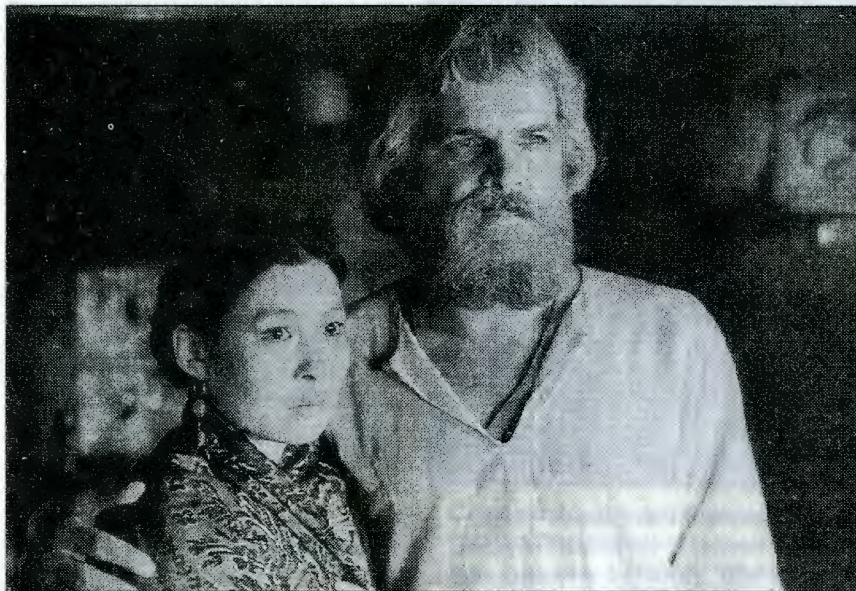
— **Алексей Иванович, считаете ли вы, что настоящая популярность пришла к вам после фильмов «Особенности национальной охоты» и «Операция «С новым годом!»?**

— В общем-то, да.

— **Тогда скажите, почему после таких серьезных ролей, которые вы сыграли в**

необычных и предполагают смех. Ведь фильм-то об особенностях на-ци-о-наль-ной охоты. Улавливаете?

Согласитесь, 90 процентов случаев выхода наших мужиков на охоту заканчиваются приключениями, которые показаны в фильме. И пьют, и по бутылкам стреляют... А знаете, на мой взгляд, это очень даже хорошо. Почему? Да потому что русскому человеку в принципе не свойственна жестокость. Вот лично я, например, не могу убить что-то живое. Конечно, есть профессионалы-охотники,

Кадр из фильма «Семен Дежнев»

кинолентах «Семен Дежнев», «Я — русский солдат», «В лесах под Ковелем», «Вот моя деревня» и других, вы решили поохотить?

— Знаете, я-то как раз не считаю, что роль генерала Иволгина можно назвать хохмой. Просто сама ситуация в этих фильмах была комедийной.

Что тут такого? Нормальные мужики собрались на охоту... Обычное явление. Другое дело, что события, которые происходят на охоте, попадают в разряд

которые занимаются промыслом. Но это единицы. Основная же масса мужиков едет на охоту просто отдохнуть.

— **Действительно, на вопрос «Что такое охота?» в России всегда отвечают: «Это та же пьянка, только в резиновых сапогах и с ружьем».**

— ... И у костра. Все абсолютно так. Это и есть особенность нашей национальной охоты.

— **Кстати, Алексей Иванович, вы недавно закончили**

сниматься в новой картине «Особенности национальной рыбалки»?

— Да, жду выхода этого фильма с тревогой. Что получилось, говорить пока боюсь, потому что непременно наступит момент сравнения его с «Особенностями национальной охоты».

— Скажите, а где снимались эти киноленты?

— Первая картина — недалеко от города Приозерска Ленинградской области, километрах в десяти от него. Работали очень хорошо, легко. Жили в пионерском лагере. Правда, было холодно. Весь сентябрь и половину октября провели в летних корпусах без отопления. И лишь к концу съемок нам привезли обогреватели.

«Особенности национальной рыбалки» полмесяца снимали в Финляндии. Затем в Кронштадте и Выборге.

— Кто вам предложил сыграть роль генерала Иволгина?

— Александр Рогожкин. До этого я играл в двух его фильмах: «Ради нескольких строчек» и «Караул». То есть у нас уже был и человеческий, и творческий контакт.

Роль генерала Иволгина Рогожкин написал специально для меня. Поэтому когда Александр предложил ее сыграть, я согласился сразу, даже не читая сценария.

— Давайте теперь поговорим, Алексей Иванович, об особенностях сегодняшнего национального кинематографа.

— Российское кино как вид искусства, к великому сожалению, приближается к катастрофе. И если ситуация не изменится коренным образом в государственном масштабе, причем в самые кратчайшие сроки, то наш кинематограф вплотную приблизится к краху.

История нашего кино богатей-

шая. Русский кинематограф — величайший в мире. Однако сейчас нужно пересмотреть и его организационную сторону, и финансовую. Скажу больше: отечественный кинематограф надо возрождать. Большие надежды возлагаю на Никиту Сергеевича Михалкова. У него, на мой взгляд, хорошая команда, которая, как он сам сказал, хочет создать киноиндустрию. Причем на уровне Голливуда.

За опытом далеко ходить не стоит. Есть опыт французского кинематографа. Французы пережили времена, когда их страна была перенасыщена низкопробными американскими боевиками. То же самое происходит сейчас у нас в России. Идет заранее спланированная идеологическая обработка русского народа. Чем нас только не потчуют! Безнравственностью, бездушием и, пардон, порнухой. Но, слава Богу, наши соотечественники, вдоволь вкушившие всего этого, потихоньку начали отторгать такое «искусство». Мало того, что русские люди способны хорошо мыслить, они еще живут интуитивно.

Поймите меня правильно: я не говорю, что все американское кино плохое. Есть просто замечательные фильмы. И здесь надо отдать должное американцам. Но все-таки 90 процентов того, что смотрит сейчас Россия, — это продукция, грубо говоря, для третьих стран. Русский зритель наконец-то понял, что это не то. Мне часто приходится выступать с концертами, и люди из зала всегда задают один и тот же вопрос: «Где наше кино?!»

— Выходит, у российского зрителя все же живо желание смотреть отечественное кино?

— Да, конечно! Впрочем, как и естественно желание есть наши продукты, пить русскую водку и курить отечественные сигареты.

— Значит, вы считаете, что выход из создавшегося положения у национального кинематографа все же есть? И надежды на его возрождение связываете с Михалковым?

— Именно так. И время потеряно еще не до конца.

— Алексей Иванович, вы упомянули о том, что после учебы в театральной студии вас призвали в армию. Кстати, в одной из телепередач актер Булдаков сказал, что парадную форму одежды хранит по сей день...

— Да, и китель с брюками, и фуражка, и дембельский чемодан, и фотоальбом хранятся сейчас у мамы в Павлодаре. Сохранился даже приказ министра обороны СССР маршала Андрея Антоновича Гречко об увольнении в запас сверстников моего призыва. А как же?! Это — святое.

— Где и в какие годы вы служили срочную?

— Служил я с 1971-го по 1973 год. Девять суток везли меня эшелоном к месту службы в Хабаровск. До последнего момента не знал, в какие войска попаду. Оказался в пехоте, в учебном полку.

Полгода учился на командира отделения. Сдал экзамены, получил младшего сержанта. По окончании «учебки» меня вызвал командир роты капитан Рубакин (хороший мужик! Никогда его не забуду. Одна фамилия что значила!) и предложил остаться в этом полку. Я начал отказываться, изъявил желание уехать в линейное подразделение. Ротный в знак согласия кивнул головой, что-то записал в своей рабочей тетради и отпустил меня.

Вышел на улицу, вижу: сержанты разъезжаются по войскам, в «учебку» прибыли новобранцы. Я хожу в строю на левом фланге, уже собрал вещмешок, «парадочку» уложил. Вече-

ром из столовой старшина подвел личный состав к казарме, доложил командиру о прибытии. Рубакин поприветствовал курсантов, сделал кое-какие замечания. Увидел меня и говорит: «Младший сержант Булдаков». «Я!» — отвечаю. «Почему вы на левом фланге?» — интересуется ротный. «Жду отправки, товарищ капитан!» — бодро докладываю ему. «А ну-ка, в первый взвод, во второе отделение, шагом марш!» Так я и остался в учебном полку. За оставшиеся полтора года сделал три выпуска. Уволился старшим сержантом.

— Не приходилось ли вам во время службы попадать в экстремальные ситуации?

— В общем-то, нет. Правда, однажды чуть пулю в лоб не поймал. А было это так...

Приехали мы как-то на стрельбище перед выпускными экзаменами. У нас был курсант по фамилии Новиков. Служил он после окончания сельхозинститута. По профессии агроном. Замечательный деревенский мужик! Ему в то время было 26 лет. Примечательно, что перед выходом на огневой рубеж с Новиковым всегда происходило что-то необычное. По натуре он был очень спокойный, уравновешенный. Но на полигоне всегда почему-то начинал нервничать, волноваться.

Как сейчас помню, мы выполняли третье упражнение учебных стрельб. Я должен был стрелять после Новикова. Встал за разрушенную кирпичную стенку, жду. Он выстрелил по «пехоте», дальше должен был поставить автомат на предохранитель, опуститься на колени, снять противогаз, заменить магазин и приготовить гранату. То ли Новиков не услышал команды взводного «Стоп!», то ли растерялся. Короче, он неожиданно цепляется сапомом за болотную кочку, резко поворачивается в нашу сторону, и... раздается автоматная оче-

редь. Мгновением раньше какая-то неведомая сила заставила меня спрятать голову за кирпичное укрытие. Уже потом в этой стенке мы обнаружили две пули. Третья точно попала бы мне в лоб, если б не успел спрятаться. Сработал, наверное, инстинкт самосохранения.

А. Булдаков в фильме «Караул»

— А как повел себя в такой ситуации командир взвода?

— Он спокойно попросил Новикова поставить автомат на предохранитель и лечь на землю. Лишь когда опасность миновала, офицер замахал флажками и разразился такой бранью! «У меня дети, а ты такой-рассякой!» И приказал сержанту гонять нерадивого курсанта до седьмого пота.

— Давайте вернемся к жизни гражданской. Вы снялись в трех клипах с Ларисой Долиной. Скажите, это коммерция? Или что-то другое? Кто предложил вам сделать клипы?

— Однажды позвонил исполнительный директор Ларисы Долиной и предложил сняться в клипе «Погода в доме». Я сказал,

что Лариса замечательная певица и очаровательная женщина, передал ей привет, поблагодарил за предложение, но сниматься отказался. Сидеть рядом с исполнительницей в кадре и показывать, извините, морду лица я не могу. Объяснил: такая реклама мне не нужна.

Директор передал телефонную трубку режиссеру клипа, который растолковал, что хочет снять сюжет о здоровом начале, о здоровой основе большой любви, не потерянной со временем, о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, прожившими вместе много лет, у которых есть дети и т. д. и т. п. И тут я заинтересовался...

Первый клип мы сняли за два дня. И вы знаете, я устал не меньше, чем на съемках кинофильмов. Главное, что режиссер убедил меня в необходимости творчески сыграть роль, а не просто присутствовать в кадре.

Что же касается, как вы выразились, коммерции, то... я вас умоляю.

— В каком спектакле зритель может вас сегодня увидеть?

— Есть такой продюсерский центр Воропаева в Москве под названием «Антреприза». Меня пригласили там сыграть главную роль в спектакле «Французская мелодия». За 12 репетиций я освоил 50 страниц текста, спал по 2-3 часа в сутки, но работать было очень интересно. И по сей день (тьфу-тьфу-тьфу!) отрицательных мнений по поводу этого спектакля нет. Зритель принимает нас очень хорошо.

— Мне известно, что в столичных театрах «Французская мелодия» проходит при аншлагах.

— И не только в столичных...

— Скажите, кроме вас и Натальи Крачковской кто еще из актеров играет в этом спектакле?

— Во «Французской мелодии»

занято всего 6 человек. Кроме меня и Крачковской играют Светлана Тома с дочерью, Юрий Чернов и Андрей Бутин.

— Какая ваша любимая кинороль?

— Я не делю роли на любимые и нелюбимые. Все они мне очень дороги, потому что в них — моя жизнь.

Близка роль солдата в фильме Сергея Овчарова «Небывальщина». Нравится также роль дважды Героя Советского Союза Федорова из киноленты «В лесах под Ковелем». Люблю роли, сыг-

что он мой земляк. Просто внутренне я принимаю его совершенно по-другому, нежели остальных наших талантливых актеров. Меня трогают до глубины души рассказы Шукшина, его повести, пьесы и, конечно же, фильмы.

— А кто ваша любимая артистка?

— Слава Богу, замечательных актрис у нас тоже много! Самая любимая из них — Елена Сафонова. Я бы очень хотел поработать вместе с ней. Она удивительно гибкая и контакт-

— Каковы ваши ближайшие творческие планы?

— К сожалению, планы на будущее не радуют. Были, правда, интересные предложения, но... Два сценария нам уже зарубили. Все упирается в финансы. Вернее — в их отсутствие.

Единственная надежда сейчас на съемки двухсерийного телефильма, сценарий которого написан специально для меня и Ларисы Долиной. Это мелодрама. Сценарий очень хороший. Но опять же дело в деньгах. Остается только надеяться, что все будет хорошо.

— Алексей Иванович, что бы вы пожелали читателям нашего журнала, военнослужащим внутренних войск и их семьям в канун Нового, 1999 года?

— Это, наверное, самый непростой вопрос, который вы мне задали...

Я знаю, что положение у вас в войсках, в МВД, в армии, как и в кинематографе и вообще в России, очень сложное. (Тяжело вздыхает и закуривает.) Но русский народ всегда отличался от других народов своим удивительным терпением. Поэтому в первую очередь хочу пожелать всем военным людям терпения. Уверен, что за это терпение Господь вам воздаст.

Дай Бог здоровья и счастья вашим семьям! Будем надеяться, что совсем скоро армия займет то место в российском обществе, которое ей принадлежит по праву. С Новым годом вас!

— Благодарю за интересную беседу. Всего вам самого доброго!

— Спасибо.

Беседовал подполковник Геннадий ШАХОВ

Фото из архива
А. И. БУЛДАКОВА

Кадр из фильма «Трам-тарарам, или Бухты-баракты»

ранные в фильмах «Белые одежды» и «Вот моя деревня». И, естественно, дорога роль генерала Иволгина.

— Кто вам больше нравится из русских артистов?

— Россия всегда была удивительно богата талантливыми актерами. Среди них я хотел бы назвать Евгения Леонова и Анатолия Папанова. Но мне, пожалуй, более близок Василий Макарович Шукшин. И не потому,

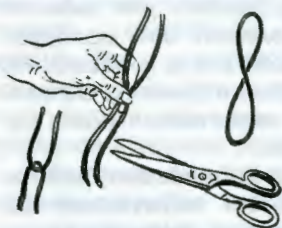
ная партнерша. Может, мне все-таки посчастливится сняться с Леной в каком-нибудь фильме.

— Много приходится гастролить, Алексей Иванович?

— Да, гастролей хватает. С «Французской мелодией» мы были уже в Риге, Харькове, Киеве, Воронеже, Ростове-на-Дону. Предстоят поездки в Краснодар и Новороссийск.

Неуязвимая веревка

Наденьте веревочное кольцо себе на руки и взмахом правой руки сверните его вдвое. Повертев в руках, предложите кому-нибудь разрезать двойное кольцо в указанном вами месте. Вместо двух веревочек, как следо-

вало бы ожидать, получилась только одна, а два конца как бы срослись...

При взмахе правой рукой вы быстро и незаметно делаете ею круговое движение, тем самым скрещивая веревочку и образуя двойное кольцо (см.рис.).

Передвигая кольцо в руках, незаметно закройте место соединения большим и указательным пальцами левой (или правой) руки и предложите разрезать кольцо в месте, указанном на рисунке. Образующийся при разрезе кольца маленький кусочек веревочки незаметно бросьте на пол.

Послушная пуговица

Налейте в стакан газированную воду. Опустите туда маленькую пуговицу. Она окажется на дне. После этого скажите: "Пуговица, вверх!". И она, к изумлению публики, самостоятельно всплывет на поверхность. Снова дайте команду: "Пуговица, вниз!", и та послушно опустится на дно стакана...

Все дело в газированной воде. Когда пуговица опустится на дно стакана, пузырьки углекислого газа станут собираться вокруг

нее. Когда их накопится довольно много, они и поднимут пуговицу вверх. После этого пузырьки исчезнут, и пуговица за счет собственного веса снова опустится вниз.

Движения пуговицы вверх и вниз будут продолжаться до тех пор, пока в воде есть углекислый газ. Нужно только правильно рассчитать время движения пуговицы, чтобы дать ту или иную команду.

Держись, тарелка!

Легкую алюминиевую (можно пластмассовую) тарелочку, к примеру, из детского кухонного набора, приложите доньшком ко лбу. Слегка прижмите ее пальцами к центру лба. Уберите руку, придерживающую тарелочку. Она останется на месте и не будет падать.

Предварительно на доньшко тарелочки наносится несколько капель воды. Взяв тарелочку, не-

заметно разотрите воду большим пальцем, тем самым увлажняя поверхность. Этого будет вполне достаточно, чтобы она приклеилась и держалась на лбу в вертикальном положении некоторое время. Главное — в момент прикосновения тарелки

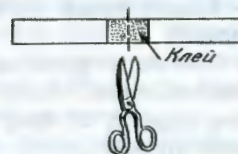

ко лбу слегка надавите на нее пальцами с противоположной стороны.

Разрезанная лента

Покажите зрителям целую полоску бумаги. Сложите ее пополам и разрежьте ножницами в середине на две отдельные части. Продемонстрировав обе половинки, сложите их вместе и с помощью тех же ножниц отрежьте от сложенных концов небольшой хвостик. Теперь отпустите одну из полосок. Из двух отдельных частей получилась

снова одна — разрезанная бумажная лента оказалась целой.

Предварительно средняя часть бумаги (см.рис.) смазывается универсальным резиновым клеем (типа "Момент"). После высыхания клей слегка засыпается белой пудрой (или мукой). Это и для того, чтобы замаскировать следы клея, и для того, чтобы полоски бумаги не склеивались при складывании между собой.

Разрезав бумажную ленту, складывайте полоски клеевыми сторонами. Когда ножницы в месте отреза бумаги плотно прижмут обнажившиеся от пудры участки клея, полоски склеятся так, что будут выглядеть единым целым. Создается впечатление, что лента вообще не была разрезана.

Неиссякаемая вода

Чашка до краев наполнена водой. Выпейте всю воду. Верните чашку в нормальное положение и слегка покачивайте ее то в одну, то в другую сторону. Зрители увидят, что в чашке до краев снова появилась жидкость... Повторите это несколько раз.

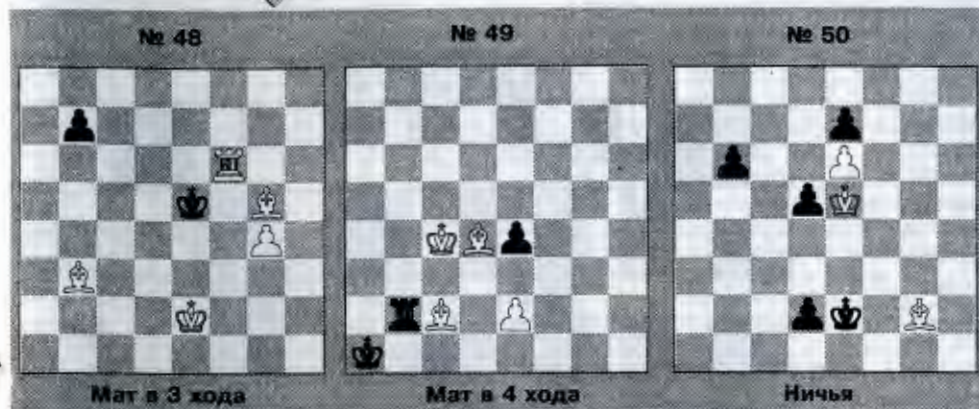

Сделайте лишь вид, будто по-настоящему выпиваете из чашки воду. Как только она опустеет, выплесните ее изо рта обратно в чашку. Стоит вернуть сосуд в прежнее положение — и в нем заплещется жидкость.

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Решить трехходовую миниатюру № 48 и этюд № 50 нашим читателям, надеемся, не представит труда. Решение же четырехходовки № 49 таково: 1.Крс3! Лb8 2.Крд2+ Лb2 3.Крс1 е3 4.С:b2X!, 1...е3 2.Сd3! Лd2 3.Крb3+ Лb2+ 4.С:b2X!

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 51. Крb4, Фе2, Сb6, п.d2 /4/ — Крf6, Фа1, Лf7, Кg7, п.f5 /5/, кооперативный мат в 2 хода.

№ 52. Крb1, Фb2, Ла1, Лс1, Кf6, пп.a2, с2, d6 /8/ — Крд8, Лс8, п.c4 /3/, обратный мат в 4 хода.

Небольшая подсказка — в гетеродоксах реализована идея темпохода.

ВСЕМИРНАЯ ОЛИМПИАДА

В октябре этого года в столице Калмыкии Элисте состоялась XXXIII Всемирная шахматная Олимпиада. В ней участвовали 104 страны. Более 1500 гостей приняла степная Элиста!

Торжественное открытие Олимпиады прошло на стадионе "Уралан". Было оно весьма красочным, живые шахматные фигуры украшали стадион, они были в ярких национальных одеждах,

белый верблюд — исконный житель пустынь и степных просторов шагал по зеленому полю стадиона.

Олимпиаду объявил открытой президент Калмыкии и ФИДЕ Кирсан Илжуминов. В его речи были любопытные слова: "Настал день, в который долгое время никто не верил. То, что не удалось Остапу Бендеру, удалось нам. Мы построили Нью-Васюки, будет здесь проспект имени великого комбинатора и памятник ему".

Да, в Элисте построен прекрасный шахматный дворец — чудо архитектуры! Игровые помещения в нем рассчитаны на сотни шахматных столиков. Построена олимпийская деревня, в ней более сотни коттеджей.

Каждая страна — член ФИДЕ имеет право участвовать в Олимпиаде двумя ко-

мандами — мужской и женской. В мужских командах игра проходила на четырех досках, в женских — на трех, система игры швейцарская.

В нашей российской команде ни А.Карпов, ни Г.Каспаров, увы, не играли, за честь страны не боролись. Причина этому хорошо известна, не будем о ней говорить. Несмотря на это, команда России выступила достойно — заняла первое место. На первой доске играл гроссмейстер Александр Морозевич, завоевавший только что титул чемпиона России. Женская команда России также добилась выдающегося результата, она заняла второе место, награждена серебром.

Более подробно о шахматных событиях на Олимпиаде читайте в следующем номере нашего журнала.

ЛЕДИ ПРОТИВ СЕНЬОРОВ

Подобные турниры, ежегодно проводимые с 1992 года Ассоциацией Макса Эйве, называют "танцевальными", каждый из них посвящен особому танцу. Например, турнир 1993 года был посвящен вальсу, 1995 года — польке, а турнир этого года — канкану. Турнир "Леди против сеньоров" 1998 г. по счету седьмой. В команде леди играли экс-чемпионка мира М.Чибурданидзе, Жу Чен, П.Крамлинг, экс-чемпионка мира Се Дзюнь, Н.Иоселиани, К.Арахамия, в команде сеньоров — В.Корчной, экс-чемпион мира Б.Спасский, В.Горт, Л.Портиш, экс-чемпион мира В.Смыслов, М.Тайманов. Каждая леди играла с каждым сеньором по две партии, т. е. 12 партий. Лучший результат у М.Чибурданидзе — 7,5 из 12, худший у К.Арахамия — 4 очка. У сеньоров впереди В.Корчной — 9 очков, позади М.Тайманов — 2,5 очка.

Общий счет встречи 36:36, то есть, образно говоря, "леди и сеньоры разошлись полюбовно". Между прочим, в предыдущих встречах леди трижды побеждали и трижды уступали сеньорам. В шахматном мире указанные матч-турниры женщин и мужчин пользуются большой популярностью.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту № 11, 1998)

№ 44. Крe8, Фc3, Лf8, пп.c5, d4, g2, h4 /7/ — Крe4, Ка5, п.d6 /3/, мат в 3 хода 1.Лf5!! — эффектная жертва! 1...Кр:f5 2.Фf3+ Крe6/g6 3.Фf7X! Еще два варианта с дальним блокированием: 1...Кс6 2.Лf4+ Крд5 3.Фb3X!, 1...Кс4 2.Фf3+ Кр:d4 3.Лd5X! Автор задачи В.Иванов.

№ 46. Крb1, Лh3, Са6 /3/ — Крд2, Се3/2/, кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Сf2 Сh1 2.Се1 Лd3X!, 1.Крe1 Лf3 2.Сd2 Лf1X!

№ 47. Кра4, Фh1, Лd8, пп.a3, b3, b5, g4 /7/ — Крс5, Ка8, пп.b6, g5, g6, h7 /6/, обратный мат в 4 хода. 1.Фh6! Кс7 2.Ф:g5+ Кd5 3.Фe5! — 4.Фс3+! Кс3X!

ПРОВЕРЬТЕ
СВОИ
РЕШЕНИЯ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Автор пьесы "Старый Новый год". 8. Герой комедийного фильма Эльдара Рязанова "Ирония судьбы, или С легким паром!". 10. Легкий одно- или двухместный спортивный самолет. 11. Набор товаров по различным видам, наименованиям и назначению. 15. Одна из конфигураций строя самолетов. 17. Кодовое наименование плана наступления немецко-фашистских войск на Кавказе в 1942 году. 18. Стихотворение военных лет поэта Михаила Дудина. 19. Баббо... — Дед Мороз в Италии. 23. Военнослужащий, боец. 24. Устройство для разведения и поддержания огня, печь. 25. Участница Великой Отечественной войны, снайпер, Герой Советского Союза. 28. Деталь лафета артиллерийского орудия. 29. Трансмиссионное масло, применяемое в военной технике. 30. Член экипажа пилотируемого космического корабля в США.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Персонаж И. В. Ильинского в кинокомедии "Карнавальная ночь". 2. Растет на елке и используется как украшение на Новый год. 3. Древнегреческий поэт, автор "Илиады" и "Одиссеи". 4. В XVI-XVIII вв. название всяких стихов (особенно для чтения, а не для пения). 5. Стержень, гвоздь без шляпки, используемый для соединения деталей. 6. Дед Мороз в Венгрии. 9. "Мороз, Красный..." — поэма

Н. А. Некрасова. 10. Русский писатель-сатирик, автор рассказа "Новогодний тост". 12. Внучка Деда Мороза. 13. Город-курорт на Тихоокеанском побережье США в штате Калифорния. 14. Застольная речь. 16. Автор стихотворения "Ночь прошла за

шумной встречей года..." 17. Детская поэтесса, автор новогоднего стихотворения "Дело было в январе". 20. Логический довод, служащий основанием для доказательства. 21. Дед Мороз в Узбекистане. 22. Город в Японии, где ежегодно проводятся фестивали снежных фигур. 26. Торговая площадь и место народных собраний в древнегреческих городах. 27. Приспособление для приведения в движение самолета или судна в виде лопастей на вращающейся оси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

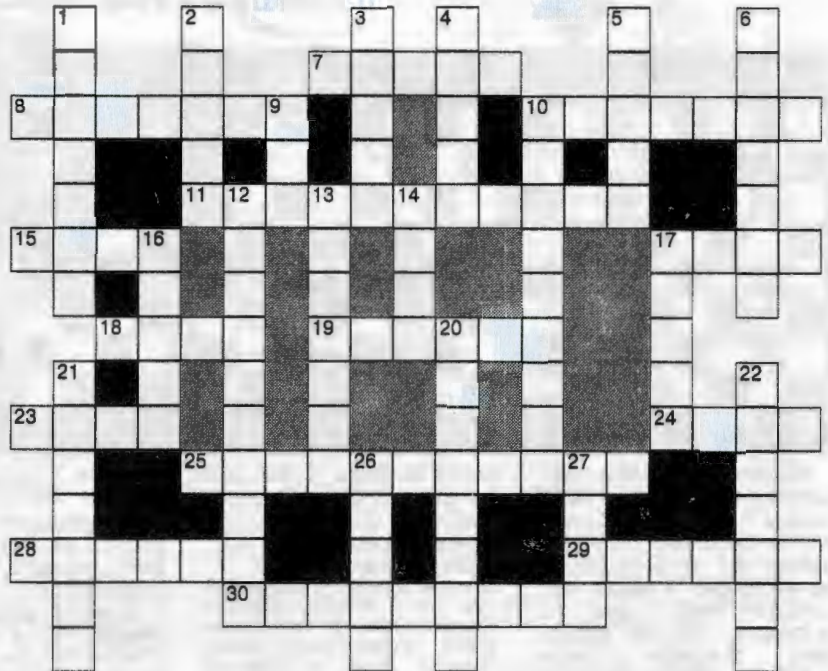
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

8. "Романсеро". 11. Арнери. 12. Волков. 13. Атака. 14. Варлаам. 16. "Воевода". 17. Кустодиев. 24. Лопухова. 25. Оперетта. 26. Клавесин. 27. Сааведра. 30. Тихомиров. 35. Ленский. 36. Волянка. 37. Ганна. 39. "Троица". 40. Пушкин. 41. "Вечеринка".

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Уланова. 2. Приймак. 3. "Смута". 4. "Весна". 5. Новиков. 6. Левитан. 7. "Ангара". 9. "Начало". 10. "Скупой". 15. Мусоргский. 16. Венецианов. 18. Ткаченко. 19. Дионисии. 20. Глинка. 21. "Спящая..." 22. Страда. 23. Фарлаф. 28. Пластов. 29. "Знатор". 30. Тимрава. 31. Мандер. 32. "Водопад". 33. Анютка. 34. "Тачанка". 37. "Грачи..." 38. Амина.

КРОССВОРД

Составил
Евгений КУЛИКОВ

Указатель основных материалов, опубликованных в 1998 году

На повестку дня

	№	С.
БОРИСОВ М. Не отпускает нас война	5	1
ДЕНИСОВ А. Внутренние войска против беспризорности	11	1
ИСТОМИН А. Сынам России — воинам внутренних войск	4	6
КИСЛЫЙ Ю. Вечная песня о главном	7	1
КОЛЕСНИКОВ С. Назовем поименно	4	1
ЛУКИЕНКО Л. Праздники на нашей улице	3	1
ЛУКИЕНКО Л. Слово к читателям	1	1
МАЛЫЦЕВ В. Накануне осеннего призыва	9	1
МУЧАК И. Уязвимость социальной защиты	8	6
ПЕТРОВ А. Долговая карусель	6	1
Письма скорби и боли	4	2

Интервью номера

ИЛЬЮШИН С. Армия и правосудие	12	1
ЛАБУНЕЦ М.: "В службе легких дней не бывает..."	5	8
НЕКРАСОВ В.: "Преступно обрывать живую связь времен"	3	4
НОСОВ Г.: "Перед законом все равны"	9	32
РОХЛЕНКО М. Пехота любит, когда пушки стреляют	11	6
СЛУХАЙ И.: "Еще живет в войсках боевой дух" ..	2	1
ЧЕРНОГОРОВ А. Помогали и будем помогать войскам	8	1
ЧУРСАЛОВ В.: "Помогать инвалидам — дело святое"	10	1
ШЕВЦОВ Л.: "Азимут реформ продиктован жизнью"	1	4

Назовем поименно

БАХАРЬ Я. Остался вечно молодым	10	14
БОГДАНОВИЧ Н. "Приду живым или мертвым..."	5	6
КАЗАКОВ Г. Военным журналистам посвящается	2	20
КАМШЕКИН Н. "Мои войска будут действовать" ..	1	25
КАМШЕКИН Н. Сережка, которого любили все ..	7	6
КАМШЕКИН Н. Шел парнишке в ту пору... ..	8	17
КАМШЕКИН Н. Парнем он был замечательным ..	11	15
КАМШЕКИН Н. "Будь проклята эта война!"	10	6
КАМШЕКИН Н. Это роковое число	12	10
КАРПОВ Б. Для нас не кончена война	1	16
КАРПОВ Б. Белый шарф с черной отметиной ..	4	13
КАРПОВ Б. Ефрейтор Сергей Шафагатов: "Я не жалею, что попал в эти серьезные войска"	6	13
КАРПОВ Б. Земной поклон солдатской матери ..	7	19
КАРПОВ Б. Память неизбывна	10	12
КАЧУМ И. "Я приеду в мае..."	3	16
КИСЛЫЙ Ю. Сердце комбата 5 (12), 6 (8), 7 (13)		
КОЛЕСНИКОВ С. Улица младшего сына	1	20
КОЛЕСНИКОВ С. Цена победы — жизнь	8	12
ЛЕБЕДЕВ А. "Привет из Гудермеса..."	1	22
Ночь эта показала вечность	11	10
НИКОЛЬСКИЙ В. "Здравствуй, вся моя семья" ..	12	8
РОДНОВ А., СИМОНЕНКО Г. Из рода Ермаковых ..	9	6
СОФРОНОВ И. Два серебряных креста	2	9
СОФРОНОВ И. Что на чашах весов?	4	8
СОФРОНОВ И. Гордись братом, Жалгас!	10	8
ЧЕРКАСОВ Ю. Признание в любви	9	9
ШАХОВ Г. "Ваш сын и защитник Пашка"	2	6

ШАХОВ Г. "Опустела без тебя земля..."	5	17
ШАХОВ Г. Алексей, Алешенька... ..	7	9

Служба

АЛЕКСЕЕВ П. На то и щука в море... ..	3	45
АФОНИН В., ФЕДОРОВ В. Броня крепка?	10	22
БАРАНОВ В. Чеченский синдром	7	23
БОБРОВ В. "Что-то вижу. Ясно — жив..." ..	5	33
БУБЕНЧИКОВ Ф. Дело жизни генерала Яковлева ..	8	8
ВАСИЛЬЕВ Ю. Батальоны просят... рубля	7	30
ВИНОГРАДОВ А. Миг стремительной атаки	8	22
ВИНОГРАДОВ Р. Морская стража Ленинградской атомной	11	18
ГЕОРГИЕВ Н., ВЛАДИМИРОВ Н. В интересах защиты Отечества	12	16
ЕВСЕЕВ А. "Если офицер не сделает..."	2	22
ЖУРАВЕЛЬ В. Чтобы давать объективные оценки, нужно знать факты	9	2
ИЛЬИН Л. Жизнь моя, бедна... 3 (33), 4 (31)		
КАМШЕКИН Н. 101-я бригада: ставропольская одиссея 2 (12), 4 (24)	9	12
КАРПОВ Б. Мы — софринцы!	4	41
КАРПОВ Н. Искоренить преступность в армии ..	4	38
КИБАКИН М. Не так страшен черт... ..	3	24
КИРИЛЕНКО А. "Летучие мыши" учатся побеждать	3	24
КИРИЛЮК Н. Есть такой факультет	9	23
КИСЛЫЙ Ю. Батальон как батальон	2	18
КИСЛЫЙ Ю. Наш караул как пограничная застава	9	26
КОПТЕВ И. Владикавказское Краснознаменное ..	5	24
КРИВЕЦ В. Карповы: сто лет в строю	1	29
КУДРЯШОВ А. Отрезвление через три года	11	26
ЛАРСКИЙ А. "Пацаны, будьте людьми", или Беседы по душам в казенном доме	4	43
МАЛЮШКИН Г. Сумгаит, Карабах, далее везде ..	3	28
МАЛЮШКИН Г. В стреляющем Цхинвали	6	15
МАРЧЕНКО Г. Защита Родины есть и защита собственного достоинства	5	36
МУЧАК И. Замполиты, политруки... А сегодня? ..	2	23
МУЧАК И. Столбовая дорога семьи Стобунов ..	3	20
МУЧАК И. Реформирование войск: реальность и перспективы	4	20
МУЧАК И. Социальная служба "милицейской" бригады	5	37
МУЧАК И. Милиционеры XXI века	10	25
НИКОЛЬСКИЙ В. Крутись, начбой!	7	26
НИКОЛЬСКИЙ В. Да, скифы мы!	8	19
ОСИПЕНКО С. Новобранцы идут "на войну"	11	22
ПЕРЕРВА А. Алиби по-бандитски	9	30
ПЕТРОВ А. Курс — на Моздок	3	38
ПЕТРОВ А. Здесь — чудеса	4	27
РЖЕВЦЕВ Ю. Разведка больше, чем спецназ ..	2	15
РОГАНОВ А. На Первых Всемирных	9	19
РОСТОВСКИЙ Н. Служба по контракту: плюсы и ми- нусы	12	12
СМИРНОВ П., ЖУЛЕВ С. Опыт, кровью оплаченный	6	20
СОКОЛОВ Ф.: "Воинская служба — дело богоугодное"	2	28
СОФРОНОВ И. "Кавалерственные" дамы	3	13

СОФРОНОВ И. В "боях" под Мулино и Богородском...	6	24
СОФРОНОВ И. О чем молчат сфинксы	8	27
СЫСОЕВ Н. История нетленна	3	43
ТОРИН В. Десять лет с войной...	4	16
ШЕЛЮК В. Требуется жесткая терапия	3	32
ЯГОЗИНСКИЙ В. "Курортный" батальон	10	16

Войска и общество

АЛЕКСЕЕВ П. Каждому, каждому в лучшее верится...	6	32
АНТОНОВ А., ЯНКОВ А. "Белая смерть" в военной форме	11	29
КАЧУМ И. Умышленное нарушение закона	7	35
КАЧУМ И. Военным хотят помочь многие	12	22
КИРИЛЛОВ Ю. Необандеровцы воюют с памятниками	12	30
МУЧАК И. На чашах весов — авторитет военнослужащего	8	30
ПЕТРОВ А. ГЖС — последний шанс?	10	32
ПЕТРОВ А. Что посеем, то и пожнем	12	26
РЖЕВЦЕВ Ю. Болевой шок, или Послесловие к "телеправде" от ОРТ	6	35
ФЕДОРОВИЧ А. Закон есть. А статус?	7	39
ФЕДОРОВИЧ А. Защитников защитят законы?	10	36

Как это делается "у них"

ГИЛЕНСЕН В. Когда джинн вырывается на свободу	7	32
СМИРНОВ П. Не числом, а умением	5	29
СМОРОДИНСКАЯ И. Национальная гвардия США	10	29

Ретроспектива

БАСКАКОВ В. Традиции — за штатом	5	49
БЕЛИКОВ И. Как мы начинали	1	40
БЕЛИКОВ И. Реквием юбилею комсомола	10	44
БРАТЮЩЕНКО Ю. Чечня и чеченцы: 200 лет назад	11	42
ДУРНЕВ Ю. Теперь и горько, и смешно	1	49
ДУРНЕВ Ю. Трагедия генерала Павлова	6	46
ДУРНЕВ Ю. Тайна гибели конвойного "Титаника"	12	37
ЕЛАГИН В. В сражениях за Тамань	10	47
ЖУРАВЛЕВ В. От журнала до журнала	1	45
ЖУРАВЛЕВ В. Подвиг длиною в полвека	5	41
КАЧУМ И. Душой остается с войсками	5	45
КАЧУМ И. "Войска НКВД в битве за Кавказ"	9	37
КОПТЕВ Ф. Три встречи с маршалом Жуковым	6	39
КОПТЕВ Ф. Строгачом по реформам	11	38
КОРОЛЕВ Д. Человек-легенда	6	42
МАЛЮШКИН Г. Ферганская трагедия	10	39
МАРКЕЛОВ Н. "С свинцом в груди лежал недвижим я..."	7	47
МАРКЕЛОВ Н. "...Блеснуть, пленить и улететь", или В гости к Шамилю	9	38
МУЧАК И. Первый, Краснознаменный...	2	44
СУХАРЕВ Ю. Генерал Николай Евдокимов: "Первая филантропия — своим..."	8	34
СЫСОЕВ Н., ПЕТРАКОВ С. Орден "пропавшему без вести"	12	40
СЫСОЕВ Н. "Гвардия пролетариата", "Крысодав" и другие	1	35
СЫСОЕВ Н. Увольнение отменить...	2	39
СЫСОЕВ Н. Свидетель беззаконий	8	39

СЫСОЕВ В. Мушавер шурани (из афганского дневника) 11 (32), 12 (32)	5	53
ЩЕГЛОВ А. Щит Отчеству, врагу — могила	7	42
ЩЕГЛОВ А. Существом для пользы людей	7	42

Литература, общество, мы

КОРОЛЕВ Д. Юрий Поляков: "После "Ста дней до приказа" мне предложили возглавить "Красную звезду"	9	41
ЛЕОНОВ Б. Читая классику	2	32

Проза. Поэзия

АРТЮХОВ Е. Пора признаний (стихи)	10	68
БАЛАКШИН Р. Венчание (повесть)	12	43
БЕРЕЗОВСКИЙ Н. Короткие рассказы	4	68
БОРИСОВ М. Дымит полевая дорога... (стихи)	1	72
ВАНШЕНКИН К. Давно тот бой затих... (стихи)	5	72
ВЫРВИЧ А. Вчера закончилась война (стихи)	7	62
Глазами скорби и любви (стихи)	6	70
ДЕГРЯРЕВА И. Билеты до Ростова (рассказ)	8	61
ЕРХОВ Е. Мы в сердце горечи не копим... (стихи)	1	73
ЗУБКОВ Ю. Розовая планета (стихи)	3	70
ИВАНОВ Н. На войну посылают надежных (документальная повесть) 9 (46), 10 (48)	9	46, 48
ИГНАТЬЕВА М. Вопреки всему любя... (стихи)	3	71
КАЗАКОВ Н. Три недели до отпуска (повесть) 4 (47), 5 (57)	4	47, 57
КАМЕНЕВ С. Рассказы	8	44
КОЗЛОВ И. Тайна "Белого стрелка" (роман) 1 (53), 2 (50), 3 (48)	1	53, 50, 48
КОЧЕТКОВ В. Среди самарских ковылей (стихи)	2	73
ЛОСЕВ В. Пока огонь еще струится (стихи)	11	71
МАКАРОВ А. Прощай, капитан! (повесть)	11	46
МУЧАК И. Три рассказа	7	64
НИКОЛАЕВ М. Однажды и всегда (стихи)	12	69
РУДНЕВ Е. Западня (повесть) 6 (53), 7 (51)	6	53, 51
СЕРБОВЕЛИКОВ Н. Родные стены (стихи)	8	74
СОФРОНОВ И. Баллады	9	66
СТАРШИНОВ Н. Отпылала те костры... (стихи)	4	66
ЩЕГЛОВ А. Вечер нашей встречи (стихи)	8	60

Калейдоскоп

БАРЫКИН Н. У истоков ансамбля	9	69
БЕЛИКОВ И. Из первых уст	5	74
БЕРЕЗИН В.: "Мы с журналом — ровесники"	1	74
ЗОЛОТУХИН В.: "Вперед, и с песней!"	4	71
ИБРАГИМОВ Р. Сила — в движении	4	75
ИВАНОВ А. Береги сердце смолodu	11	73
КАЛИНИН А. Шахматный клуб 1 (77), 2 (78), 3 (77), 4 (79), 5 (79), 6 (79), 7 (80), 8 (79), 9 (78), 10 (78), 11 (77), 12 (77)	1	77, 78, 79, 80, 79, 78, 77, 77
КОБЗОН И.: "Армия — это воспитание характера"	2	75
МАЛЫШЕВА Е.: "Не думайте о здоровье свысока!"	6	72
МОРОЗОВ С. "Родина" летит на восток	9	75
НИКОЛЬСКИЙ А.: "Я поднимаю свой бокал..."	5	76
ПИМАНОВ А.: "Вы нужны России!"	8	75
Сапоги всмятку (сатира, юмор) 1 (78), 3 (78), 6 (76), 10 (76)	1	78, 78, 76, 76
СЫСОЕВ Н. "Дон" и песней лечит	10	75
ШАХОВ Г. Королева неба	3	72
ШАХОВ Г. В мире Дроздова	7	74
ШАХОВ Г. Уроки пения генерала Елисеева	9	71
ШАХОВ Г. Особенности национального актера	12	71
ШАХОВА Н.: "Жить надо по совести"	10	70

Лауреаты премии МВД

В сентябре 1991 года министром внутренних дел Российской Федерации был подписан приказ об учреждении премии МВД за лучшие произведения литературы, культуры и искусства о деятельности органов внутренних дел.

Лауреатами премии 1998 года признаны Сергей Михалков, Владимир Высоцкий (посмертно), Армен Джигарханян, Таир Салахов, Олег Газманов, Надежда Бабкина, Олег Аксенов, Национальный академический оркестр народных инструментов им. Н.П.Осипова, Центральный музей внутренних войск МВД России. Награждение лауреатов дипломами, нагрудными знаками, денежными премиями стало ярким, запоминающимся, выходящим далеко за рамки МВД событием.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА

ISSN 0869-6403

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

«АНА»

ИЗГОТОВЛЕНИЕ
ОБМУНДИРОВАНИЯ,
АМУНИЦИИ И
СНАРЯЖЕНИЯ ДЛЯ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
МВД, РОССИИ

РОССИЯ, 197198, Санкт-Петербург, Малый проспект, ПС, дом 5.
Телефон: (812) 235-2078 Телеракс: (812) 235-5460